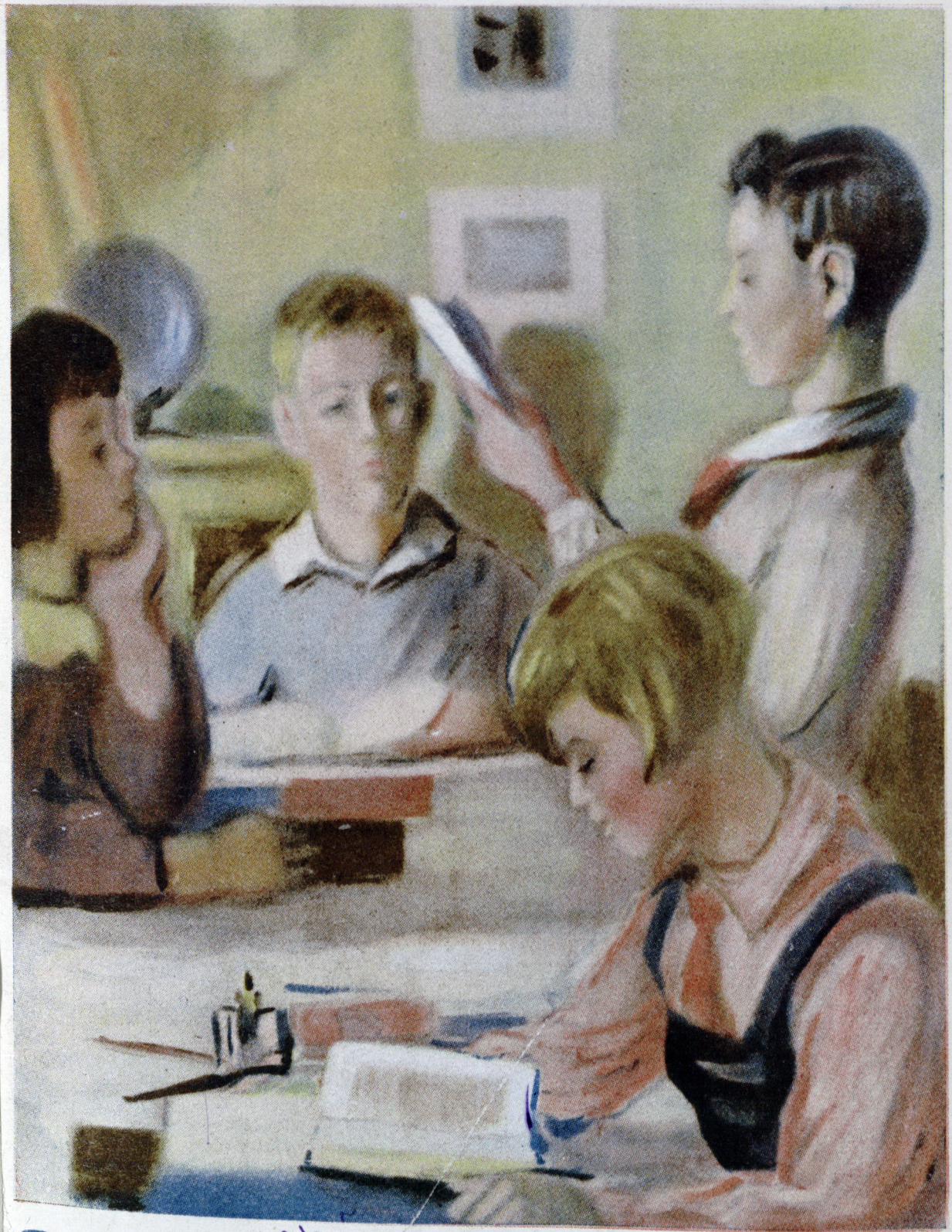
ПИОНЕР



9

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“ 1937 г.

Сентябрь

Желаем всем
нашим читателям
учиться отлично!

Доктор Коррабелиус,
Джура и **Кучак.**
Щелкунчик,
Капитан дальнего плавания
Врунгель с **командой**

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

В конце августа для отважных советских зимовщиков на Северном полюсе из Москвы по радио передавался концерт, в котором участвовали ребята. Дочки тов. Кренкеля прочли ему свои письма. Вот они:

Письмо Люси Кренкель

«Дорогой папочка! В этом году у нас замечательная дача. Пока было много кустов, мы играли в прятки. К концу лета мама велела срубить все некрасивые кусты и мы посадили сирень и много разных цветов. Поэтому нам теперь негде прятаться, и мы увлекаемся шитьем. Ведь уже осень, а там скоро и зима, а куклы у нас не одеты как следует.

Я теперь перешла во второй класс, и мне придется очень много заниматься. Я перешла с отличными отметками и постараюсь также отлично учиться и дальше.

Папа, хотя мы и скучаем без тебя, но стараемся ждать терпеливо твоего возвращения: ведь мы знаем, что ты делаешь большое и важное дело. Жаль только, что тебя нет на даче. Мама многого нам не позволяет, а мне очень нравится лазать по деревьям. Когда ты приедешь, мы обязательно будем вместе лазать. А плавать я тоже научилась и в будущем году буду с тобой вместе купаться.

Папа, я очень хотела сочинить тебе стихотворение, но оно у меня совсем не вышло.

Кланяйся от нас всем своим товарищам на льдине.

Целую тебя крепко, крепко.

Твой Пистолет.

Письмо Иры Кренкель

Милый папочка! Лето мы провели на даче. Там мне очень нравилось.

Я хочу тебе рассказать, папа, что к нам на дачу пришел серый сибирский кот. Мы так друг другу понравились, что решили жить вместе. Он очень веселый, целый день у нас, а ночью уходит на охоту. Мы его решили взять с собой после дачи в город.

Надняx, когда мы с мамой гуляли, косари дали нам ежика. С ним мы не очень поладили: ночью он поднял страшный шум, уронил все, что стояло в комнате на полу, и его пришлось отправить в сад. Все-таки я бы хотела, чтобы он остался жить в нашем саду.

Папа! Ты спрашиваешь насчет рисования: я все лето не рисовала: очень много было кругом интересного. Но зимой я снова стану ходить в Дом пионеров и буду там работать.

Знаешь, хотя на даче очень хорошо, но я уже хочу в Москву, чтобы начать учиться. Этой зимой я решила снова сделаться отличницей. Ходить в новую школу я буду одна, потому что она как раз против нас.

Крепко тебя целую. Теперь я стала уже совсем взрослая и маме уже по плечо.

До свидания!

Твоя Ира.

На другой день Люся и Ира получили от папы с Северного полюса, тоже по радио, ответ:

«Огромной радостью было слышать ваши голоса. Слышал очень хорошо. Передайте от имени нас четырех горячую благодарность нашим маленьким славным друзьям — участникам концерта. Здесь у нас началась зима, замерзли ручьи пресной воды, появились новые сугробы. Мы привыкли к нашим необыкновенным условиям, стараемся как можно больше сделать всяких наблюдений, чтобы было о чем рапортовать нашему большому другу — великому Сталину. Рад, что вы хорошо отдохнули. Сообщайте о своих школьных делах. Когда вернусь, обязательно вместе с Люсей тайком от мамы будем лазать по деревьям. Крепко вас обеих целую.

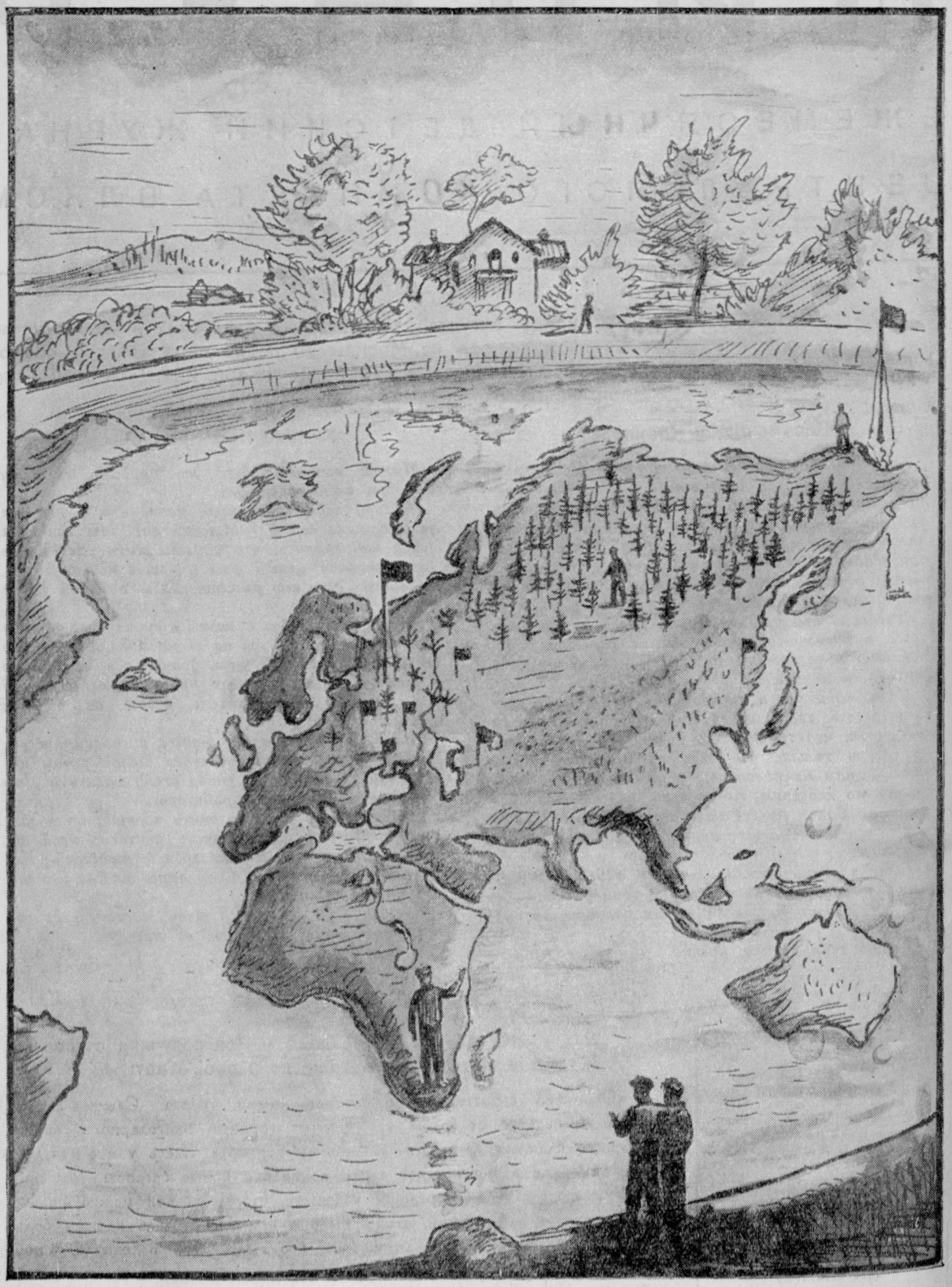
Эрнст.

№ 9

Сентябрь

1937

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“



Карта мира готова. Ветер полоскал в воздухе полотнища флагов.

Владимир Иванов

Карта мира

Повесть из школьной жизни

Рис. Б. Винокурова и В. Цельмера

Глава первая

Петя Черепанов стоял в зале заплотьевской неполной средней школы, ожидая, когда выйдет из учительской директор. По залу пробегали запоздавшие ученики и скрывались в классах.

Из 5-го класса «А» высунулся толстый, краснощекий Федя, двоюродный брат Черепанова.

— Что же ты, Черепаха! Иди! — крикнул Федя. — Тебе Алексей Мартынович к нам велел.

Но Черепан не двинулся с места: он понимал, что без разговора с директором идти в класс нельзя.

Позапрошлой ночью Петя бежал от пастуха Горыныча. Черепан был у него подпаском. Горыныч не пускал его в школу. Школа была на другом берегу озера, километрах в трех по прямой линии. Каждый день, в полдень, Черепан с Горынычем пригоняли коров на водопой к озеру, к своей деревне Сосенке, расположенной на горе. Под горой стояли сосенские бани, срубы капустных рассадников, лежали опрокинутые кверху днищем челны.

31 августа, накануне нового учебного года, Петя сделал попытку бежать от Горыныча. Коровы зашли в озеро и пили воду, а Горыныч сел на опрокинутый челн и, прислонясь спиной к стене бани, грелся на солнышке, зажмурив глаза. Петя отошел подальше от пастуха, отвязал челн, опрокинул его и начал осторожно толкать в воду, все время поглядывая на Горыныча. Пастух попрежнему сидел, не раскрывая глаз. Петя уже спустил челн в воду, уже сам забрался в него, как вдруг увидел сосенских ребят. Они спускались с горы от деревни, чтобы тоже ехать в заплотьевскую школу.

— Горыныч! Горыныч! Петька бежит! — закричал кто-то из ребят.

Горыныч поймал Петю и сильно побил его. Тогда Черепан решил бежать ночью.

Ночь выдалась темная, бурная, и Петя чуть не потонул, переправляясь на челне через озеро в школу. Вчера, на рассвете, Черепан причалил к школьной лестнице, поднимавшейся от озера к школе. Очень хотелось есть. В окне подвального этажа Петя увидел стакан с молоком, а рядом, на блюде, красные яблоки.

«И что меня дернуло залезть в окно?» — подумал Петя. Вспомнил, что хотел попросить есть, но в кухне никого не было; он залез в окно, хотел подождать кухарку. А тут в глубине здания хлопнула дверь. За окном пробежал человек с серыми бакенбардами, и Петя почувствовал себя еще не пойманным вором. Заметался по кухне и, не отдавая себе отчета в том, что делает, полез прятаться в подпечье. Там было тепло и темно, и он проспал до вечера. Во сне привиделся ему баран.

— Бэ-э, — говорит, — брат Черепан, вставай!

Петя в ответ барану заблеял во сне, сбежались ребята, пришел директор, заставили при всех вылезать из-под печки. Было так стыдно, что Черепан не мог выговорить ни слова. Хорошо еще, что Федя выручил.

— Это наш, сосенский, — сказал он директору.

Петя показал удостоверение об окончании сосенской школы 1-й ступени. Директор улыбнулся, увидев, что по всем предметам у Пети отлично.

— Белоусов, — сказал директор, — ты староста общежития пятиклассников. Устрой нового товарища.

— Тут только Петя увидел своего давнишнего врага — Александра Ивановича. Это был белобрысый, небольшого роста, но мускулистый мальчик. Он мог на ладони вытянутой руки держать три минуты гирю весом в один килограмм, не дрогнув пальцем. Во время игры в прятки он так ударял по свайке, что от одного его удара свайка на четверть уходила в землю. Никто в сосенской школе, кроме Черепана, не осмеливался назвать его Сашкой. Все четыре года в 1-й ступени они учились вместе. Все в классе слушались Александра Ивановича, все, кроме Пети. Из-за этого у них дело доходило до драк.

— Попался, Черепаха, — сказал Александр Иванович, приведя его в спальню.

Свободной койки не было, и староста устроил лотерею. Мальчики подходили к Белоусову и вытягивали у него из шапки билетики с номерами. Первую ночь Черепанову выпало спать с Александром Ивановичем. Ночью в спальню пришли два шестиклассника играть в карты. Александр Иванович начал их выгонять. Шестиклассник запустил в старосту картами. А в это время воспитатель делал обход общежитий. Черепан бросился подбирать карты. Когда вошел воспитатель, все притворились спящими.

«Заметил он, как я подбирал карты, — думал Петя, — или не заметил? А вдруг заметил? Доложит директору, что я играл в карты. Директор выйдет и скажет: «Тебе, мальчик, здесь не место. Иди к Горынычу. Паси коров».

Дверь учительской распахнулась. Крупными шагами подошел директор к Пете. Черепану стало страшно. Лицо директора было красным. Рыжеватые усы спускались с обеих сторон рта ниже подбородка. Он был одет в черный костюм. Черный галстук с белыми горошками четко оттенял его красную шею.

— Пойдем! — сказал он Пете.

И они вошли в класс.

— Здравствуйте, Алексей Мартынович! — сказали ученики.

— Здравствуйте, ребята! Вот вам новый товарищ! Некоторые из вас уже знают его. Садись, Петя, за второй стол. Вон с той девочкой!

— Алексей Мартынович, я не сяду с ним!

— Почему, Шурова, ты не хочешь сесть?

— Так.

— Иди, садись, Петя!

Черепан сел. Она чуть отодвинула свой стул.

— Кто расскажет нам содержание законов Хаммураби?

Директор обвел взглядом весь класс.

— Шурова!

Шурова ответила.

— Молодец, Шурова! А вот, ребята, на прошлом уроке я показывал картину с изображением ассирийского царя. Опишите ее своими словами.

Черепан не видел картины, но тоже постарался вообразить себе царя. Царь походил на Горыныча, только борода была шире. Седая, как у короля треф. Петя даже поднял руку для ответа, но директор спросил другого ученика.

Потом директор начал рассказывать про мумии, про иероглифы и пирамиды, про быка Аписа.

В заключение урока Алексей Мартынович нарисовал на доске иероглифы, написал, что они обозначают, велел ребятам перерисовать и списать их значение. Потом все с доски стер и нарисовал в одну линию человече-

скую голову, сову, ястреба, ласточку, опять ястреба, руку, держащую весло, и птицу в двойной рамке.

— К следующему уроку разгадайте, что я нарисовал, — сказал Алексей Мартынович и вышел из класса, мельком взглянув на Черепана.

Учитель биологии вошел в класс незаметно. Все сразу стихли. Увидев Черепана, он спросил:

— Откуда ты, прелестное дитя?

Черепан в это время рассматривал портрет, висевший слева от доски. Не разобрав, что учитель обращается к нему, Петя встал и спросил, указывая на портрет:

— Это кто?

— Приятно познакомиться, — сказал учитель. — Это, братец ты мой, Мичурин, великий преобразователь природы. У него в саду яблоки в четыреста граммов весом росли! Вот такие! — показал учитель, широко расставив на обеих руках указательные и большие пальцы и потом соединив их. — Видишь?

— Ой ли? — спросил неожиданно для себя Черепан.

— Вот тебе и «ой ли»! Я ребятам десять раз говорил: «Приносите! Приносите семена диких яблонь!»

— Ефим Ефимович, мы и так четыреста граммов насбирали.

— Этого, Хропов, мало!

— Ефим Ефимович!

— Что, Черепанов?

— Возьмите у меня семена, у меня много.

— Принеси! — сказал Ефим Ефимович, казалось, ничуть не удивленный неожиданным предложением.

Когда Петя вернулся в класс, то у всех ребят посреди столов, на белых бумажках, лежали проросшие семена яблонь. Они были разрезаны, и ребята рассматривали их в лупу.

На третий урок в класс пришел учитель математики Василий Иванович. Он говорил очень медленно и часто повторял:

— Вы, ребята, должны знать.

Проходили измерение прямоугольных площадей: квадратов и параллелепипедов. Вдруг Александр Иванович поднял руку и спросил:

— Если у квадрата будут неравные стороны, то как измерить такой квадрат?

Учитель посмотрел на Александра Ивановича и спокойным голосом сказал:

— Я не думал, что ты, Белоусов, такой тупой. Я толкую битый час о том, что у квадрата все стороны равны!

Петя обрадовался, что Сашка успел раньше его спросить, а то бы и ему попало.

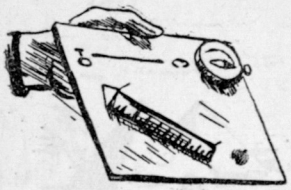
Под конец урока соседка Пети, Шурова, получила записку: «Катя, если ты не хочешь меня прогневать, то не сиди с подпечным гузалом. Смотри!..»

Подписи под запиской не было, но была нарисована голова быка и какая-то птица с горбатым носом.

Глава вторая

Большая перемена началась обедом. Федя свел Черепана в столовую. Столовая находилась в подвале. Столы были накрыты белыми клеенками. Заложив руки за спину, по столовой прогуливался воспитатель, он же учитель географии — Петр Захарович Поливанов. Кухарка, тетя Глаша, каждому давала по три поварешки супу, а на второе — по две поварешки каши.

После обеда Черепан с Федей пошли на площадку между школой и больницей. Площадка имела форму овала метров 120 в длинном поперечнике и метров 80 — в коротком. Она была обнесена невысокой насыпью.



Черепан с Федей сели на вал и свесили ноги над школьным ручьем, который огибал площадку со стороны больницы. Федя щепочкой начертил на песке человеческую голову, сову, ястреба, ласточку, ястреба, руку, державшую весло, и птицу в двойной рамке.

— Давай, разгадаем, что Алексей Мартынович задал! — сказал он Черепану.

Они достали листочки с записями иероглифов.

Александр Иванович стоял на своем любимом белом камне у мостика через ручей. Камень походил на усеченный конус. Белоусов осматривал площадку, опираясь на черную трехметровую палку.

— Истукан! — сказал Петя, взглянув на Белоусова.

Александр Иванович не расслышал, но спрыгнул с белого камня и побежал к валу. Он пошел по насыпи, измеряя ее своей длинной палкой.

Черепан и Федя уже не замечали его.

— Голова, — сказал Черепан, посмотрев на записи, сделанные на уроке истории, — обозначает начальника, а сова — букву М.

— Ястреб — А, — сказал Федя, — ласточка — УР. Опять ястреб. Вышло...

— Начальник Маура, — перебил Черепан, — это наш председатель колхоза. Рука с веслом означает «грести».

— А что же значит птица в двойной рамке?—спросил Миша.

— Большие палаты.

— Какие большие палаты? Никаких палат не признаю, — сказал подошедший Александр Иванович. — Дорогу!

Он растоптал птицу, обведенную двойной рамкой.

— За что он тебя не любит? — спросил шопотом Федя.

— Сам знаешь: все его боятся, а я нет, — ответил Черепан, — и я ему не прощу: из-за него Горыныч меня побил. — Смотри, Федя, — добавил он, взглянув на озеро, — кто-то от Сосенки сюда гребется!

— Это Горыныч за тобой! — сказал Федя.

— Нет, — ответил Черепан, — это председатель, товарищ Маура. В палаты гребется, в школу! Вот что значит птица в рамках!

— Пропал ты, — сказал Федя, и они пошли на урок.

На уроке географии Петр Захарович об'яснял, как производить глазомерную с'емку.

— Прежде чем начать с'емку, надо ориентировать планшет. Что значит ориентировать планшет? — спросил учитель, обращаясь к Феде.

Федя не ответил.

— Ты! — указал учитель на Черепана.

— Не знаете! — рассердился учитель. — Какие же из вас выйдут бойцы? Каждый будущий красноармеец должен уметь производить глазомерную с'емку!

— Научимся! — сказал Александр Иванович.

— Слушайте! — учитель поднял палец к правому усу. — Ориентировать планшет — это значит поставить его так, чтобы линия Север—Юг совпадала с линией стрелок компаса и являлась их продолжением. Черепанов! Белоусов, Хропов! Беспалов! Шурова! Сюда! Ориентируйте планшеты.

Ребята осторожно взяли по планшету и ориентировали их.

— А теперь будете визировать предметы. Что значит визировать предмет? Белоусов! Ты! Ты! Ты! Ты! Не знаете?—Петр Захарович поднял палец к левому усу. — Визировать предмет — это значит, не сдвигая с места ориентированного планшета, направить визирную линейку так, чтобы одним концом она находилась в геометрической точке, а другой ее конец указывал на тот предмет, который визируют. Иголка, воткнутая в визирную линейку у геометрической точки, должна при визировании закрывать иголку, воткнутую на другом конце визирной линейки, иначе визирование не будет точным.

Он растоптал птицу, обведенную двойной рамкой.

— Смотрите в окна, — сказал учитель.

— Галки летят! — крикнул Федоров.

— Кто сказал «Галки летят»? Я спрашиваю, кто сказал «Галки летят»?

Все молчали.

— Визируйте на угол больницы за ручьем.

— Готово, Петр Захарович!

— На улицу, ребята! — скомандовал учитель.

Все выстроились в один ряд, разделившись на пять звеньев, и ребята, вызванные в классе, показывали своему звену, как ориентировать планшет и как визировать предметы.

Петр Захарович ходил вдоль фронта и крутил усы. В гражданскую войну он был командиром взвода. Не раз комполка посылал его в разведку. И всегда комвзвода Поливанов в точности исполнял задание.

Александр Иванович с самого первого дня знакомства полюбил Петра Захаровича. Александр Иванович подолгу простаивал у географических карт в часы, свободные от занятий. Не даром ребята звали его географом. Петр Захарович подходил тогда к своему ученику и задавал ему вопросы, «гонял» по карте, а иногда рассказывал кое-что из своих путешествий по Алтаю и Крыму.

Увидев Маню-сторожиху, идущую к колоколу, учитель отпустил класс на перемену. Ребята бросились в мастерские, чтобы захватить верстаки. Верстаков было мало — и кто опаздывал, оставался без дела.

У порога мастерской, на толстом обрубке, положив руки в карманы, стоял инструктор по дереву Павел Федорович Паромонов. Увидев Черепана, стоявшего без работы, он сказал:

— Ты, мальчик, будешь дежурным. В помощь тебе поступит Катя Шурова.

Черепан ходил между верстаков, собирал голыми руками стружки, обрезки досок и нес их в корзине к большой яме, метрах в пятидесяти от мастерской. Когда у Александра Ивановича накопилось много стружек, Петя подошел к его верстаку.

— Мне лакеев не надо! Я сам вынесу! — сказал Александр Иванович и отпихнул корзину ногой.

Петя подобрал стружки у верстака Хропова и понес их на улицу.

— Черепанов, кто тут Черепанов? — спросила вошедшая в мастерскую семиклассница Настя Шурова, сестра Кати. — Тебя директор вызывает.

Глава третья

Нехотя подошел Петя к двери квартиры директора.

«Почему только я один такой несчастный? — подумал он. — Вот теперь Горыныч стоит перед Алексеем Мартыновичем и жалуется на меня».

Горыныч, действительно, стоял перед директором.

— Петя, — обратился к нему директор, — почему ты убежал из Сосенки?

Петя молчал.

— Ты, может, товарищ Степанов, — обратился директор к Горынычу, — бил его?

— Да не без этого, гражданин директор. Да разве бы я его не отпустил? — Я и сказал Петьке, подожди денек — отпущу.

— Он мне все «денек» да «денек», а ребята все в школу уехали! Я один остался.

— Он и убег от меня.

— Ну так как же теперь? — спросил Алексей Мартынович.

— Теперь мое дело пасти, а его учиться, — ответил Горыныч, — что он заработал за лето, то я вам в интернат сдам. Да и своего: мучки там,

картошки, либо круп, сколько полагается, от себя прибавлю. Пусть на Горыныча не сердится. Горыныч — ему не враг, — повысил он голос, — Горыныч сам пастухом до старости дожил!

— Ну, спасибо, товарищ Степанов. Не даром мне товарищ Маура о тебе хорошо отзывался.

— Премного благодарен, гражданин директор.

И Горыныч вышел из квартиры.

— Иди, Петя, — сказал директор.

Черепан медленно вышел из школы. Хотел идти в мастерскую и вдруг бросился за Горынычем к плоту.

Но пастух уже был почти на середине озера. Петя видел только его сгорбленную спину на корме челна да поблескивавшие на солнце лопасти двухвеселки, которой греб старик.

«Эх, — подумал Петя, — и карт тете Мане не послал».

На лестнице ему встретился Ефим Ефимович.

— Дурашка, — сказал Ефим Ефимович, — к чему тебе было бежать?

После ужина к Пете подошел пионервожатый, ученик седьмого класса по фамилии Старый. Узнав, что Черепанов — пионер, он записал Петю в звено имени Ивана Владимировича Мичурина звеновой Насти Шуровой.

Каждый день Черепан ждал, что его вызовут в совет отряда, спросят, почему он вступил в отряд, для чего стал пионером. Чтобы его не застали врасплох, он с утра надевал пионерский галстук, приготовил даже речь:

«Я, сын трудового народа, Петр Черепанов, вступаю в пионеротряд имени тов. Ворошилова, чтобы стойко бороться за честь нести красное знамя во время октябрьской демонстрации. За время моего пребывания в школе я получил два «отлично» по биологии, одно «отлично» по географии, «отлично» по русскому письменному, «хорошо» по истории и «посредственно» по литературе, но обещаю в четверти по литературе иметь «хорошо».

Петя знал, что ежегодно, в день Октябрьской демонстрации, лучшим ученикам заплотьевской школы предоставлялось почетное право нести красное знамя впереди всей школьной колонны.

Составленная речь Пете не нравилась. Ему хотелось сказать еще многое, но никак не сочинялось. Черепан даже боялся, что и придуманную речь не сумеет сказать.

Петя много раз переписывал свою речь, прибавляя к ней вновь полученные отличные отметки, а его все не вызывали на совет отряда.

Спал теперь Черепан около двери спальной, на отдельной койке. Матрац, одеяло, подушку и две простыни привез ему товарищ Маура, вызванный в школу директором. Алексей Мартынович был не только директором школы, но и секретарем парторганизации Заплотьевского сельсовета. Вечером, в день приезда в школу тов. Мауры, он сам пришел в спальню проверить, сделана ли Пете койка. Петя уже спал. Алексей Мартынович в полутьме погладил Петю по голове. Александр Иванович, заметив ласку директора, подумал:

«И к Алексею Мартыновичу успел подластиться Черепаха!»

Вражда между Белоусовым и Черепановым не кончилась.

Однажды вечером ребята сеяли семена яблонь. После посева Черепан с Федей пошли в школьную библиотеку. Федя взял книжку про Каштанку, а Петя — журнал «Юный натуралист» № 8 за 1935 год — про Мичурина. Поднимаясь по лестнице в класс, они остановились на площадке: здесь, у окна, висела стенгазета. В ней было помещено стихотворение Александра Ивановича.

Свой стишок Белоусов написал, когда Шурова на его записку, которую он прислал ей на уроке биологии, не только не ответила, но даже хотела ее

отдать директору. Она попрежнему сидела с Черепановым за одним столом и больше не обращалась к Александру Ивановичу, а старалась сама решать трудные задачи по арифметике. Александр Иванович расстроился и написал стихотворение:

Не должно быть:

Ты прощай, дорогая подруга,
Больше мне тебя не видать:
Я расстанусь ведь с жизнью не плача,
И не надо меня вспоминать.

И скоро гроб мне красный
Сколотят в мастерской.
Из-за тебя я лягу
О! в вечный упокой.

Дремучий лес шумит,
Волнуется всегда,
Так и мы с тобой
Жили тогда.

«Пусть Катька прочтет, — думал Белоусов, — пусть испугается».

Хотя подписи под стихотворением не было, однако Черепан и Федя знали, кому оно принадлежит. Они удивлялись складности стишка, но Черепану вдруг сделалось смешно от того, что Александр Иванович собирался лечь «в вечный упокой». Его смех услышал Александр Иванович. Он догадался, что Петя смеется над его стихотворением, и решил наказать его при всех.

Вечерние занятия происходили в том же классе, что и дневные. Черепан с Федей сели, как всегда, у дверей, Александр Иванович — у печки.

Они быстро выучили уроки. Белоусов достал атлас и долго рассматривал его. Потом он вырвал из тетради полулист и стал на нем что-то чертить. По углам чертежа Белоусов нарисовал свой любимый белый камень, а на нем себя с обнаженной поднятой саблей.

Черепан раскрыл на шестой странице журнал «Юный натуралист» и прочитал:

«Мой учитель».

Это были воспоминания академика Яковлева о Мичурине. Над статьей Петя увидел картинку, изображавшую уголок мичуринского сада. Картинка ему не понравилась. Он стал читать:

«Сейчас, когда его не видишь, радостно взволнованного на грядках в саду возле какого-нибудь интересного гибрида...»

— Гибрида... Что такое гибрид? — Черепан толкнул Федю.

— Кто знает, что такое гибрид? — спросил Федя.

— Это какая-нибудь зверюшка, — сказала Катя.

«...Невольно всплывают все детали моей двенадцатилетней работы с Иваном Владимировичем. Он меня настойчиво воспитывал...»

Петя пропустил несколько строк.

«...Это было лет 25 назад, когда мне исполнилось 12 лет».

«А мне уже 13», — подумал Черепан и продолжал чтение:

«...Наш дом был на окраине города, в рабочем поселке. И часто с ватагой ребятишек-товарищей...»

«Вот так ребятишки! По двенадцати лет — хороши ребятишки!» — чуть не сказал вслух Петя. «...я ходил купаться на реку Воронеж, которая огибает полукольцом мичуринский сад. Главной же приманкой для нас был мичуринский сад с прекрасными рдеющими на солнце плодами разных пород растений, которых мы тогда нигде не видели, кроме как в саду Мичурина.

Много среди нас было лихачей и сорви-голов. Вихрем налетали мы на мичуринский сад, проскальзывали под колючую изгородь и набивали пазуху яблоками, грушами и абрикосами».

«Что за абрикосы?» — подумал Петя.

«Под визг и отчаянный лай двух раз'яренных желтых собак, потомство которых живет у нас и по настоящее время, мы кубарем проскакивали между проволокой и подкопанной снизу землей, отстреливаясь от собак надкусанными яблоками, и спасались от опасности, бросаясь в реку».

Черепан оглянулся. Все спокойно занимались. Катя Шурова шептала:

«Соседушка, мой свет, пожалуйста, покушай,—
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена...»

Ее подруги, Лида и Валя, сидели, подперев рукой щеку, и слушали ее. Федя читал «Каштанку». Хропов что-то рассказывал соседу по столу. Александр Иванович чертил, высунув язык.

«Как собака», — решил про него Черепан.

Федоров соломинкой щекотал шею своего приятеля Семенова. Когда Семенов оглядывался, Федоров нырял под стол.

«Однажды случилось так, что злополучная проволока решила судьбу всей моей последующей жизни. Стоял жаркий августовский день. Я был вожатым своей ватаги. В случае погони собак последним из сада должен был вылететь я, как капитан последним покидает гибнущий корабль. Таков уговор. А уговор у ребят дороже денег».

Петя вспомнил игру в прятки перед началом учебного года. Ему пришлось пасти. Александр Иванович ловко крал палки. Был уже вечер, становилось темно, и Черепан не допас, сбежал, сгузал.

«А договор у ребят дороже денег», — повторил Петя, густо покраснел и опять погрузился в чтение.

«Но на этот раз собаки оказались ловчее меня. Схватив зубами мою пятку, они крепко держали меня под самой колючей проволокой. Несмотря на страшную боль, я пытался вырваться из собачьей пасти, но сильно порвал штаны и оборвал икру левой ноги. Эта метка осталась у меня до сих пор. Спустя минуту надо мной появился человек...»

— Задаст ему деру!

— Что? — спросил Федя.

— Нет, я так, — ответил Черепан.

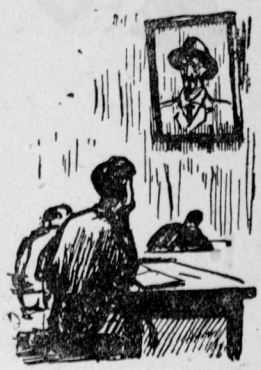
«...отбил меня от собак. Взяв за руку, он повел меня в глубь сада. Узнав подробности о моих родителях и прочитав суровое отеческое наставление, он нарвал мне яблок и велел своим родным препроводить в лодке на тот берег».

— Вот это человек! — сказал Черепан.

— Не мешай, Петя, — попросил Беспалов.

«Этот поступок настолько ошеломляюще подействовал на всех нас и в особенности на меня, что налеты на мичуринский сад с того времени прекратились».

«Вновь в мичуринский сад я вошел уже много лет спустя молодым агрономом. Старик принимал меня на работу. Первым делом он посвятил меня в мои будущие обязанности — исполнять все работы, начиная от чистки коровьего сарая и перекопки земли до научной работы. Я с радостью согласился».



Черепан подпер щеку рукой и смотрел на портрет Мичурина. Мичурин глядел на Петю. Его седые брови, казалось, шевелились. Глаза щурились от солнца. Над бровями Аркаша нарисовал по выпуклости. Они сейчас казались зеленоватыми, словно на лбу наклеены половинки яблока. От выпуклостей во все стороны расходились морщины, как лучи от лампы.

Черепан задумался. Ему показалось, что со стены смотрит на него не Мичурин, а Ефим Ефимович.

— Эх, ты дурашка! — говорит Ефим Ефимович. — Нечего горевать. Будем сами разводить яблони, груши, сливы. Такие яблоки вырастим, что и пальцами не обхватить!

Черепан замечтался. Прошло 20 лет. Август. Сад. Жара. Стволы яблонь вымазаны известкой. Бесконечными рядами тянутся яблони вдоль озера на

те ухожи, где когда-то вместе с Горынычем пас Черепан коров. На зеленой скамейке под яблоней сидят Горыныч и тетя Маша. Громадные, с голову, краснобокие яблоки висят над ними. Белые колья-рогатки подпирают тяжелые ветви. Петя несет в решете лучшие яблоки сада.

— Ешь, Горыныч, ешь!

— Не могу, Петенька, десны у меня слабые! Не могу!

— Ешь, Горыныч, тетя Маша, ешьте! Они мягкие. Я ведь для вас старался. Что же вы?

Черепан умоляет, просит, отрезает от яблока по маленькому кусочку и подает старикам. Они снова отказываются. А Черепану так хочется угостить их. Ведь он даже карты — и те забыл послать с Горынычем тете Маше. Горыныча Петя считал злым, убежал от него, а Горыныч оказался таким добрым. Вчера он привез Пете в школу творогу, масла, яиц и обещал справить сапоги. Пете стало обидно, что он ничем не может отблагодарить стариков. Он закрыл глаза руками. Александру Ивановичу показалось, что Петя плачет.

— Смотрите! Черепаха плачет! — крикнул Александр Иванович. — Гузало! Трус! — издевался Белоусов.

— Замолчи! — зарычал Черепан и ударил Белоусова по вытянутой руке. Александр Иванович отскочил в изумлении.

— Накось — выкуси! — крикнул он, показывая кукиш. — Подойди! Подойди, плакса!

Черепан ринулся на Белоусова. Федя пытался удержать его.

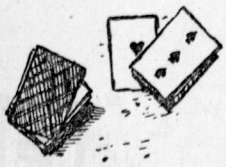
Но Петя был уже у стола Александра Ивановича. Он схватил чертеж, скомкал, разорвал и, дрожа всем телом, стал топтать его ногами.

— А, ты так! — вскрикнул Белоусов и изо всей силы ударил Петю по лицу. Кровь потекла из носа Черепана. Он сразмаху стукнул классной линейкой по голове Александра Ивановича. Белоусов не защищался. Он в ужасе смотрел мимо Пети. Черепан оглянулся и увидел на пороге класса Алексея Мартыновича.

Глава четвертая

В сундучке Черепана нашли карты. Записку Белоусова Катя обронила. Ефим Ефимович нашел записку и отдал директору.

Черепан и Белоусов старались не попадаться на глаза учителям. За весь день их никто не вызвал к доске, никто ни о чем не спросил. На последней перемене все уже знали, что на пять часов вечера назначен педсовет.



После уроков на кухню прибежали Катя и Лида. Увидев, что, кроме них, на кухне никого нет, Катя подбежала к тете Глаше и умоляюще сказала, сложив руки ладонями:

— Тетенька Глашенька! Пусти нас послушать к тебе в комнату, что учителя будут говорить. Мы никому не скажем.

— Пожалуйста, тетечка! Будь добренькая! — сказала Лида.

— Ни-ни-ни! Не могите и думать! — ответила тетя Глаша.

Но девочки начали обнимать, целовать ее, и она согласилась.

Они легли поперек кровати тети Глаши у замочной скважины. Алексей Мартынович сидел боком к девочкам. На столе, покрытом красной суконной скатертью, стоял бронзовый бык величиной с большую кошку. Его рога поднимались навстречу спущенным вниз усам директора.

— Товарищи! — сказал Алексей Мартынович. — Вопрос сегодня один: о дисциплине в школе. Вы уже все знаете о драке Белоусова с Черепановым. Я вопрос ставлю прямо: от вас зависит их дальнейшее пребывание в школе и, значит, вся их последующая жизнь. Товарищ Поливанов, вам, как воспитателю, даю первое слово.

— Иногда ночью, — начал Петр Захарович, — я обхожу интернаты. По привычке с фронта. В разведку, так сказать, хожу. В первую ночь по при-

бытии Черепанова я нашел короля треф в ногах Белоусова и Черепанова. Они спали вместе. Если они враги, драчуны, то как вышло, что они легли спать вместе? Значит, заключаю я, драка у них случайная.

— Петр Захарович за Петьку, — шепнула Катя.

— А карта, — продолжал Петр Захарович, — оказалась, действительно, из колоды Черепанова. Когда я сосчитал карты, найденные в сундучке у Черепанова, то там как раз и не хватало короля треф. Видимо, карты принадлежали Черепанову, и в спальне играли в них. Ночью, значит, на деньги. Я не хочу обманывать педсовет — докладываю, как было, но я не могу верить, чтобы такие мальчики, как Белоусов и Черепанов, были картежниками.

— Петр Захарович неравнодушен к ним, — сказала Людмила Михайловна.

«Вот не знала, что она такая, — подумала Катя. — За что она злится?»

— Василий Иванович, тебе слово, — сказал директор.

— Все говорят Белоусов, Белоусов! Во! Способный парень! На большой палец!

Катя увидела в скважину толстый кулак учителя с оттопыренным кверху большим пальцем. Самого учителя не было видно. Говорил Василий Иванович высоким и вместе хриплым голосом:

— А что Белоусов? Я однажды битый час об'яснял ему, что квадрат — не трапеция. А насчет Черепанова просто скажу: не успел ознакомиться. Впрочем, Людмила Михайловна их лучше знает: она их классный руководитель. Что она предложит, с тем я и соглашусь. Хотя скажу: я бы исключать подождал.

— Павел Федорович, — обратился директор к столяру.

Инструктор встал с места и заслонил скважину.

— Мое дело маленькое! — сказал Павел Федорович. — Я их вижу только у себя в мастерской. Два раза в неделю. О Белоусове ничего худого сказать нельзя. О Черепанове определенно заявляю: вредный паренек. Сначала не хотел говорить, а скажу: пропала у меня стамеска. И подозреваю я этого паренька. Видел я, как он стружки из мастерской носил, и что-то прятал. А что прятал, разобрать не мог. Думаю, что это стамеску он и прятал. Впрочем, вы как хотите. Я свое сказал.

Столяр сел. Катя увидела, что Алексей Мартынович курит.

— Чтобы дрались они, — добавил столяр, — этого я не замечал. Справедливо Людмила Михайловна на большой перемене сказала: Черепанов — подозрительный мальчик.

— Пропадет Черепаха, — шепнула Лида.

Кате сделалось жалко Петю, и она вспомнила, что стамеска, про которую рассказывал инструктор, давно найдена Валей и находится в мастерской.

— Стамеска в шкафу! — чуть не крикнула Катя.

— Высказывайся, Людмила Михайловна, — продолжал директор.

— Что с ними няньчиться? Выгнать, и все! — обрезала учительница.

Катя в замочную скважину увидела острый кончик носа Людмилы Михайловны. Учительница откинулась на спинку стула, и нос ее исчез из поля зрения Кати.

— Ты выскажись подробнее, — сказал Алексей Мартынович.

Он надел горящую папиросу на рог быка. Папироса курилась, дым медленно поднимался кверху, потом его рвануло в сторону, и Катя опять увидела Людмилу Михайловну.

— Во-первых, что это за появление в школе? — сказала учительница.— Ученика находят в кухне под печкой! И никто не поинтересуется, как он туда попал! Может быть, он красть в кухню забрался! А послушать его, как он говорит: «Птичка сидела, сидя», «деревья кряхтели», — язык сломаешь с ним. Пишет хорошо, не спорю. Белоусов — тоже фрукт известный — драчун, поискать. Но до появления Черепанова с ним еще можно было ладить. Не умели вести себя, пусть сами на себя пеняют!

— Все? — спросил Алексей Мартынович. — Ефим Ефимович! Вы что скажете?

Девочки напряженно прислушивались.

— Ефим Ефимович, я к вам обращаюсь, — повторил директор, сняв папиросу с рога быка. — Что вы думаете?

— Я думаю то, что и вы, Алексей Мартынович!

— То есть как? — спросил директор. — Как вас понимать? Откуда вы знаете, что я думаю?

В учительской стало тихо. Девочки затаили дыхание.

— Черепанов, когда сеяли яблоки, — четко произнес Ефим Ефимович, — принес двадцать пять ящиков навоза. Я считал. Никто больше его не принес. Мальчик по своей инициативе собрал килограмм яблочных семян. Без всякой моей просьбы он сам предложил их мне для посева. Белоусов и Черепанов — лучшие ученики класса. Если мы их выгоним, то нас самих надо отсюда выгнать!

Ефим Ефимович встал и пошел к двери.

— Куда вы? Ефим Ефимович! Сядьте. Я вам говорю! — крикнул директор. — Петр Захарович, позовите сюда Белоусова.

Петр Захарович хлопнул дверью. Слышно было, как Ефим Ефимович сел на стул и тяжело дышал.

Александр Иванович встал против замочной скважины.

— Белоусов! — спросил директор. — Правда, что ты любишь по ночам играть в карты?

— Я не играл, — сказал Александр Иванович.

— Кто же играл?

— Не знаю, Алексей Мартынович.

— Черепанов играл?

— Не играл.

— Молодец! Не врет! — похвалила Катя.

— Правда, что ты не любишь Черепанова? — опять спросил директор.

— Правда.

— Из-за чего вы подрались?

— Он гузало! — сказал Белоусов.

— Это еще что такое? — спросила Людмила Михайловна.

— Трус, — пояснил Александр Иванович.

— А зачем же ты спал с ним на одной койке? — возразил Петр Захарович.

— Он мне по жребию достался. Как же его прогонишь? Он был вроде, как гость. Куда ему было деваться?

— Подойди сюда, — сказал директор. — Это что? Ты писал?

Лида схватила Катю за волосы, чтобы, оттянув ее, самой посмотреть в замочную скважину. Катя оттолкнула подругу, и Лида стукнулась лбом о дверь. Все в учительской посмотрели в сторону девочек.

— Ты писал? — опять спросил директор.

— Я... — ответил Белоусов тихо.

Катя увидела в руках директора записку.

— Это я в шутку! — сказал Александр Иванович.

— Не больно-то я и испугалась, — сказала Катя, — подумаешь — подписался: бык и ястреб — могучий А!

— Разве так можно относиться к девочкам? — спросил Алексей Мартынович. — А скажи, Саша, это что?

Директор положил на стол две измятых четвертушки бумаги.

— Это карта мира, — сказал Александр Иванович.

Алексей Мартынович разгладил бумагу. Учителя встали со своих мест и подошли к столу, чтобы лучше рассмотреть чертеж. Действительно, на измятых четвертушках бумаги была начерчена карта мира ввиде двух соединенных полушарий: западного и восточного. Рамка карты имела форму эллипсиса, т. е. вытянутой окружности, на подобие школьной площадки. В до-

вершение сходства Александр Иванович начертил и школьный ручей, огибавший площадку со стороны больницы. В узком месте школьного ручья Белоусов изобразил плотину.

— Зачем? — спросил директор.

— А мы выроем на площадке впадины, как океаны и моря, пустим на площадку воду из ручья, она и зальет их. Когда замерзнет вода, кататься будем! Учиться!

Александр Иванович воодушевился, говорил полным голосом, позабыв, что его еще могут выгнать из школы.

— Молодец! — сказал Ефим Ефимович.

— А зачем ты мальчиков на камне с саблями нарисовал? — спросил Петр Захарович, улыбнувшись.

Белоусов молчал.

— Иди! — сказал директор.

Учителя начали очень скучно говорить о воспитании, и девочки, едва сдерживаясь от смеха, радуясь, что ребят не выгонят из школы, осторожно слезли с кровати и побежали обо всем рассказать Вале.

Педсовет постановил:

1) Поручить Петру Захаровичу совместно с учеником 5-го класса Белоусовым обсудить и подготовить строительство карты мира на школьной площадке с тем, чтобы начать строительство сразу после октябрьских дней.

2) Белоусова перевести из класса «А» в 5-й класс «Б», а Черепанова переселить в спальню 6-го класса.

3) Усилить внешкольную и пионерскую работу, особенно с учащимися 5-х классов.

4) Вопрос о том, могут ли Белоусов и Черепанов быть почетными знаменосцами, передать на разрешение совета пионеротряда.

Глава пятая

— Пионеры должны дружить, а не драться! — сказал Володя Старый, ударяя кулаком по столу после каждого слова.

Александр Иванович и Черепан стояли рядом, не глядя на секретаря.

— Что же вы как чурбаны встали? В знак дружбы пожмите руки! — Володя посмотрел на портрет Ворошилова и добавил: — Поздравляю вас с великой честью: вы понесете красное знамя в день Великого Октября!

Увидев, что Белоусов и Черепанов продолжали неподвижно стоять, Володя приказал:

— Настя, соедини!

Настя Шурова, сестра Кати, взяла правые руки ребят и ладонь Белоусова положила в ладонь Пете. Володя продолжал говорить о дружбе, а Настя держала их руки. Черепан почувствовал, как ногти Белоусова вонзаются в его руку, но молчал.

Исполнялась его давнишняя мечта: он понесет знамя! Но заготовленную речь произнести не удалось. Все получилось не так, как ему мечталось. Володя кончил говорить. Настя отошла, и ребята спрятали руки в карманы. Не глядя друг на друга, они вышли с заседания совета пионеротряда.

Александр Иванович пошел к школьному ручью, а Черепан спустился к озеру ловить налимов. Под первой же корягой, которую он осторожно свернул с места, Петя увидел большого пестрого налима. Толстый налим стоял неподвижно, чуть шевеля зелеными плавниками. Черепан пронзил его вилкой, прижав ко дну. Схватил за жабры, вытащил на берег. Налим весил не меньше килограмма. Черепан спрятал его под куст подальше от берега и, увлекшись ловлей, не заметил наступления сумерек.

Александр Иванович встал на свой любимый камень у ручья.

Чтобы затопить площадку и устроить на будущей карте мира океаны и моря, достаточно было прорыть вал, окружающий площадку, и поднять плотиной воду в ручье. Белый камень мог бы легко служить преградой в узком проходе через вал.

Александр Иванович спрыгнул с камня, набрал щепочек и, бросая их в темный ручей, считал: раз, два, три!

В зале у школьных часов он натренировался произносить до трех ровно в одну секунду.

Ручей у мостика, где считал Белоусов, был два метра шириной и с полметра глубиной. Щепочки успевали проплыть один метр в секунду. Значит, думал Александр Иванович, в секунду прибывал один кубометр воды. Весь пруд вместит шестьсот кубометров. Стоит только запереть плотиной ручей — и через десять минут вода хлынет на карту мира.

Редколлегия стенгазеты сегодня выпускала октябрьский номер. Александр Иванович побежал в школу: пусть знают, не только стихи умеет писать Белоусов!

К десяти часам утра ребята выстроились перед школой. Впереди всей школьной колонны Черепанов и Белоусов держали в руках по древку. Над головами на кумачовом знамени все могли прочитать: «За отличную учебу».

Перед знаменосцами был только один Федя. Он прижимал к губам кларнет и ждал сигнала.

Выглянуло солнце. Засверкали плакаты, портреты вождей. Сзади, нарастая, перемешиваясь, приближались другие песни: «По долинам и по взгорьям», «Родина», «Возьмем винтовки новые».

Уже прошли мост через школьный ручей, прошли мимо больницы. Александр Иванович и Черепан не смотрели друг на друга. Палка, брошенная Белоусовым, попала Пете в руку. Несмотря на боль Петя высоко подымал знамя. Александр Иванович, чтобы его край плаката не был ниже петиного, еще выше поднимал свое древко. За больницей они несли знамя на вытянутых руках. У всех плакаты парусил ветер. Их плакат был натянут, словно прибит к стене. Они шли как можно дальше друг от друга.

Сзади ребят выступали колхозники. Горыныч с красным знаменем на плече, слегка пьяный, пробрался к тете Глаше. Старуха Настасеюшка, бывшая нянька господ Щеглуновых, в бывшем имении которых помещалась заплотьевская школа, звала Горыныча, но он не слышал.

— Мой-то птенец, смотри, — сказал он тете Глаше, — идет впереди всех. Отличник! Выше всех знамя несет! Вот как наши пастухи нынче!

Он хотел взять тетю Глашу под ручку, но та не далась.

— Ну-ну! Не буду, — сказал Горыныч и запел:

«Вихри враждебные веют над нами».

Но никто не подхватил, и он, обидевшись, обратился к Аркаше-почтальону:

— А еще ВЛКСМ!

Аркаша нес на высоком шесте японского генерала из фанеры. У генерала были оскалены желтые квадратные зубы. Правой рукой генерал держал окровавленный меч, а левой сжимал косу китайца, отрубленная голова которого болталась при каждом шаге Аркаши.

Пять гармонистов-комсомольцев с задранными на затылок кепками, приплясывая, играли и пели «Коробочку». Горыныч тоже подплясывал, потом остановился и погрозил кулаком генералу:

— Ишь, живодер! Мы вот тебе кузькину мать покажем!

Колонна остановилась у старой опаленной березы. Александр Иванович и Черепан стали у самого ствола. Береза была настолько толста, что их двухметровый плакат не мог ее опоясать. На высоте человеческого роста и пониже на стволе березы образовались наросты от пуль, засевших в коре. Здесь в ноябре 1919 года белогвардейцы расстреляли трех заплотьевских партизан. Тела расстрелянных были тут же сожжены, и вдовы убитых приходили к березе совершать поминки, как на могилу. И старую березу теперь все называли Вдовьей березой. Алексей Мартынович молча повесил венки на высокие наросты березы, и колонна двинулась дальше.

После мостика через Живой ручей дорогу преградил бывший лакей

князя Щеглунова — Кустов. Он тряс головой, и его длинные серые баки взлетали, как крылышки.

— Нельзя! Нельзя! — кричал он высоким голосом. — Сначала заплотьевские пойдут!

На рукаве старика была красная лента: он входил в тройку по организации шествия.

Александр Иванович пошел прямо на него и увлек за собой Черепана. За ними двинулась вся колонна. Кустов, ругаясь, отскочил в сторону и попал в грязь.

— Ну погоди же! Будет тебе на орехи! — пообещал он Белоусову.

Председатель сельсовета Герасимов стоял на крыльце, украшенном зеленью, флажками, портретами.

— Да здравствует наша боевая смена! — приветствовал он школу.

Крыльцо окружали охотники. Они дали залп холостыми зарядами. Катя, Лида, Валя и все девочки зажимали уши. Ребята кричали «Ура! На крыльцо поднялся Алексей Мартынович. Он поманил Александра Ивановича и Черепана пальцем, и они, высоко держа красное знамя, с трудом пробрались сквозь ряды демонстрантов. Председатели колхозов, стахановцы полей, учителя и почетные гости уже сидели на ступеньках крыльца, как на трибуне. Знаменосцы повернулись лицом к демонстрантам. От имени всего народа Алексей Мартынович пожал им руки и открыл митинг.

После каждого выступления охотники стреляли. Хулиган Кустов, племянник лакея, тоже стрелял. Во время речей он незаряженным ружьем целился в стоявших поблизости девушек. Девушки, особенно медицинская сестра Оля, взвизгивали, боясь, что парень в самом деле выстрелит. Старик Кустов осуждающе мотал бакенбардами. Герасимов, перевесившись через перила крыльца, кричал:

— Кустов! Кому говорю!

Когда митинг кончился, из всех окон сельсовета начали продажу конфет, пряников, печенья. Белоусов и Черепанов не знали, что делать со знаменем, можно ли им уйти. Ни один из них не хотел попросить другого, чтобы тот подержал знамя. Обратиться к другому ученику они считали неудобным, так как держать знамя — большая честь. От этой чести отказываться, хотя бы и временно, было нельзя. А между тем Александру Ивановичу уже принесли пряников. Он набил ими полный карман и ел, поглядывая в сторону Черепана.

Пять гармонистов сели на перила крыльца. Музыка разносилась на весь сельсовет. Директор разрешил ученикам танцы. Черепан смотрел, как Катя с Лидой танцуют русскую. Катя в синеньком платье махала белым платочком и, подбоченясь, мелко-мелко семенила перед наступавшей на нее Лидой, которая танцовала за кавалера.

Окончив танец, Катя отыскала в толпе Валю, и подруги пошли в школу. К Александру Ивановичу подошла мать, совсем еще молодая женщина, и Алексей Мартынович велел Пете одному отнести знамя. По дороге в школу Черепан нагнал Катю, Лиду и Валю. Они шли, взявшись за руки, и смеялись. Петя позвал их на кухню есть налимью уху. Они пообещались придти и побежали скорее к школе. Петя нес на плече знамя и чувствовал себя счастливым, но ему чего-то не хватало.

«Почему, — думалось ему, — я все могу! Стоит мне обхватить хоть Вдовью березу, — и я с корнем вырву! Захочу — взмахну руками — и полечу! А вот не подойти мне к Александру Ивановичу. Не сказать ему: «Давай будем дружить, Саша! Отчего это?»

Глава шестая

Одиннадцатого ноября, сразу после уроков, школа вышла на площадку. Ученики выстроились на валу в один ряд. В середине площадки, там, где должна быть Сахара, стояли учителя. Площадка была усеяна мелкими колышками. Они шли извилистыми линиями, образуя очертания материков,

озер, островов. Множество отдельных колышков торчало на месте будущего Великого океана.

День был хмурый. Ветер гнал за озеро, на Сосенку, серые тучи. Алексей Мартынович говорил речь:

— Имя каждого, — сказал директор, — будет занесено в альбом строительства карты мира. Например: Азовское море делает Катя Шурова. На отдельной странице альбома, наверху, будет написано: «Работа Кати Шуровой». Под надписью сама Катя начертит Азовское море. Справа, в верхнем углу, мы приклеим фотографическую карточку Кати.

И еще вопрос, — закончил директор, — не первая ли в СССР наша школа строит карту мира? Да здравствуют строители мира! Да здравствует ученик, первый подавший мысль о строительстве! Ура!

Место для плотины выбрали там, где Черепан с Федей чертили иероглифы. Берега ручья здесь были крутые, и ширина плотины по ее верху не могла превысить четырех метров. Большие еловые сваи уже торчали в два ряда поперек ручья. Надо было обвить их ивняком и пространство между ними забросать камнями, песком, землей.

Александр Иванович, назначенный начальником строительства плотины, вскочил на сваи и закричал, посмотрев на любимый белый камень:

— Все камни по ручью до мостика реквизируются на постройку плотины!

Александр Иванович взглянул на Черепана. Петя работал над Италией. Он оглянулся и встретился глазами с Белоусовым.

— Форсит! — сказал про Александра Ивановича Федя, копавший Генуэзский залив.

Сваи под Белоусовым чуть качались. Колени от напряжения дрожали. Он соскочил на берег, схватил с серой травы топор и стал рубить иву.

Ива скрипнула, опускаясь черными ветвями в журчащую воду ручья.

— А ну тащи! — крикнул Александр Иванович ни на кого не глядя. — Шевелись! — и принялся за вторую иву.

Аркаша-почтальон привез почту, запряг свою сивую лошадь в школьную телегу и возил песок для Сахары.

— Сахару! Сахару! — кричал Аркаша. — А вот, кому Сахару?

— Побелее надо! — сказал ему Петр Захарович.

— Есть, надо побелее! — ответил Аркаша. — Будет исполнено в точности, товарищ командир.

Председатель сельсовета возил камни для Кавказа. Алексей Мартынович с двумя семиклассниками сбрасывал их с телеги и укладывал большими хребтами.

— Ты для Казбека поздоровее привези, — сказал он председателю. — Понимаешь, чтобы орлам было тяжко!

Алексей Мартынович тряс огромными кулаками.

— Поздоровее! — кричал он, и красная шея его напрягалась.

Катя Шурова маленькой лопаткой рыла Азовское море.

— Крым, Катя, не повреди, — сказал Петр Захарович. — Глубоко не надо. У Перекопа осторожнее!

— Не бойтесь, Петр Захарович. В четвертом классе проходили. Знаю! — отвечала Катя, осторожно обтачивая лопаткой Арабатскую косу.

Лида и Валя копали Черное море.

По площадке ходили с красными повязками на рукавах «комиссары географии» — ученики 6-го и 7-го классов, имевшие по географии «отлично». Они наблюдали вместе с Петром Захаровичем за работой. Черепан и Федя делали Италию. Хропов подошел к ним и начал вместе с Черепаном рыть Адриатическое море.

— Вот тут, братцы, — показал он на место, где должен быть Везувий, — лошадь Аврора ногу себе сломала.

Но его не слушали.

— Я думаю, — говорил Черепан, — будь бы у Спартака хоть одна когорта коммунистов, он бы всех римлян победил.

— Может, у него и была, да не описали, — сказал Федоров.

— Коммунистов до Ленина не было, — ответил Черепан, нажимая ногой на лопатку и бросая землю на место будущих Апеннин.

— А Карл Маркс? — спросил Федя.

— Ну, Маркс... — сказал Черепан, опять нажимая ногой на лопату. — А до Маркса не было.

— А это еще вопрос, — сказал Федя, передразнивая Алексея Мартыновича. — А из чего мы Везувий сделаем?

— Из глины, — сказал Хропов.

— А я думаю, лучше камень притащим, — посоветовал Черепан.

— А как же кратер тогда выйдет? — спросил Федя.

— Мы глину сверху! — крикнул Черепан, бросая громадную глыбу на место Альп.

— Его смоет дождем, — заметил Федя.

— А мы опять сделаем!

— А он опять смоет!

— А мы опять сделаем!

— Эх, я и камешек знаю! — воскликнул Хропов.

— У моста? — спросил Федя.

— Ну и что?

— Сашка не дает!

— Даст! Мы все пойдем! — сказал Хропов, втыкая лопату в море у самой Эльбы.

— Поберегись! — крикнул Аркаша, сбрасывая с телеги камни для Альп.

Ребята пошли за камнем.

Длинная цепь шестиклассников тянулась через всю карту от Берингова залива до Огненной земли, окапывая западные берега Америки.

По дороге Петя поднял камешек и бросил его в ручей.

Камешек булькнул в воду рядом с Белоусовым, который рубил иву.

«Рыба, что ли?» подумал Александр Иванович и опять, поплевав на руки, стал рубить.

Черепану с товарищами преградила путь Настя Шурова, комиссар географии:

— Куда?

— За Везувием!

— Аркаша привезет, — сказала Настя.

— Пусть идут, — разрешил Ефим Ефимович.

Ребята спрыгнули с вала и побежали к речке.

— Хорош! — сказал Федя, пнув серый камень.

— Надо белее. Пойдем, не бойся! За мной! — крикнул Федоров, побежав к мосту.

Александр Иванович уже следил за ними.

— Белоусов, — позвал его учитель географии, — сбегай в мастерскую за метром. Будь друг!

Александр Иванович нехотя пошел исполнять приказание. У белого камня он остановился.

— Поскорее! — насмешливо крикнул ему Хропов.

Александр в ответ погрозил кулаком и побежал, не оглядываясь. Мастерская была заперта.

— Вот! — сказал Хропов, подойдя к белому камню.

— Хорош! — подтвердил Черепан.

Они втроем понесли камень.

— Отдохнем! — сказал Федя.

— Сейчас Сашка прибежит, — возразил Петя.

— Ну и что же, не его камень! — крикнул Хропов.

Черепану пришлось отдыхать.

— Пойдем, Федя! — Черепан поднялся. Руки их скользили, камень был скользкий и тяжелый. Они медленно шли втроем вдоль школьного ручья.

Аркаша стоял на возу с камнями.

— Поберегись! — крикнул он ребятам, проезжая мимо.

Черепан с Федей посторонились. Телега прижала их к самому ручью.

— Не дам камня! — крикнул, подбегая Белоусов, замахнувшись метром, как саблей.

— Белоусов! — позвал его Петр Захарович.

Беспалов бросил камень на землю. Петя, натужась, один хотел поднять его.

Александр Иванович снова подбежал к ним.

— Не дам камня! — повторил Белоусов в бешенстве.

— Поберегись! — крикнул Аркаша, возвращаясь с площадки.

Черепан оступился. Ледяная вода ручья хлынула ему за сапоги. Камень бултыхнулся вслед за Петей. Дрожь охватила Черепана. Ноги сделались непослушными и какими-то легкими. Петя навалился животом на берег, схватился руками за траву и, наконец, задрал ноги кверху. Вода с шумом полилась из сапог.

Глава седьмая

Наутро Петя лежал в жару. Постель казалась ему жесткой. Он скинул с себя одеяло и смотрел в потолок, обшитый тонкой рейкой.

Пришел Петр Захарович. Вызвали фельдшера.

— Возьмем в больницу, — сказал фельдшер Петру Захаровичу. — Так, пустяки. Маленькое воспаление легких. Мигом вылечим, — обратился он к Пете. — Куриный бульон сварим. Любишь? Это, брат, я тебе скажу, бульон! — Федор Матвеевич прищелкнул языком и улыбнулся.

Они одели Петю и завернули в одеяло.

Воспитатель открыл дверь из спальни, стукнув скобой по лбу подглядывавшего Федю.

— Кто из вас сильный? Ты? — ткнул Петр Захарович в Белоусова. — Ты, Хропов. Ты! Ты! Идите. Возьмитесь руками крест накрест по-военному. Устанете — будете меняться.

Учитель взял Петю в охапку и посадил на скрещенные руки Хропова и Александра Ивановича.

— Обними их за шею. Крепче! — сказал он Черепану.

— В больницу! — скомандовал учитель.

Белоусов и Хропов боком вышли из дверей спальни, медленно спустились по ступеньках крыльца. Со всех сторон сбегались ребята.

Черепан открыл глаза, с трудом узнал Александра Ивановича, Хропова и посмотрел на Катю Шурову.

— Черепанушка, — хотела сказать Катя, — что с тобой?

Она пробралась сквозь толпу, чтобы поправить Пете шапку, надетую слишком набок, но не решилась. Петя смотрел на нее, не узнавая, и Катя пошла сзади всех.

Александр Иванович был ниже ростом Хропова, и Петя сползал на руки Александра Ивановича, крепко сжимал его шею. Белоусову было жарко и душно. Он вертел шеей, но Петя еще сильнее сжимал ее. Руки Александра Ивановича ломило от тяжести больного. Он стал считать свои шаги. Мед-

Девушка брала его за руку, и Черепан успокаивался.

ленно приближались они к мостику через ручей. Наконец, Петю посадили на перила мостика.

— Отдохните, — сказал Петр Захарович и быстро пошел к больнице.

Вода журчала, Петя видел, как ниже мостика мотает течением подводную траву, а к берегам примерз тонкий, прозрачный лед.

Александр Иванович, придерживая Петю за спину, смотрел на неоконченную плотину. На валу белел камень, отнятый им у Черепана. Шурова подошла и поправила Пете шапку.

— Пить! — сказал он. Но Петр Захарович замахал с крыльца больницы руками, и Александр Иванович — на этот раз с Беспаловым — понес Петю дальше.

Черепан не помнил, как очутился в больнице. Лишь лежа под одеялом, пришел он в себя. Красивая девушка в белом халате совала ему подмышку градусник.

Грудь Пети, казалось, пронизывали раскаленными стальными спицами. Стонать было больно, и он не стонал, а лишь тихо, через минутные промежутки, хмыкал носом. Девушка сидела на крашеном белом табурете у койки

Черепана и держала его за кисть левой руки. Когда она уходила, Пете становилось страшно.

— Оля! — шептал он. — Оля!

Девушка опять брала его за руку, и Черепан успокаивался.

В сумерки он лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок. Потолок был белый, оштукатуренный. Тоненькие, как волоски, трещинки извивались на нем. Черепану представлялись они водорослями. Его знобило. Ему было так холодно, словно он плыл в ледяной воде.

— Холодно, ужасно холодно, — однообразно твердил он про себя. Ему нравилось слово «ужасно».

Вспомнилась Людмила Михайловна, которая сказала вчера на уроке:

— Ты ужасно, Черепанов, дикий, ужасно!

Оля давала Черепану пить клюквенный морс, кормила куриным бульоном, но Петя ел мало и часто впадал в забытье.

В палате, кроме него, были еще три человека.

Койка Черепана стояла прямо против двери, посредине комнаты. Влево от входа, в дальнем углу, лежал на кровати товарищ Маура, председатель Сосенского колхоза. Его зашибло деревом на лесозаготовках. В правом углу стояла койка Кустова. Парня сильно побили. Голова его была сплошь обмотана бинтами: виднелись лишь синий глаз да краснорыжие щетинистые усики, которые отросли уже в больнице. Кустов сидел на кровати и, наклонившись над ночным столиком, рисовал в ученической тетради. В ногах койки Кустова стонал на своей кровати бобыль Посошков, председатель двадцатки при заплотьевской церкви. Седой, с длинным тонким носом, он слегка походил на Горыныча. Они все уже поправлялись, много спали, часто разговаривали. Когда Оля вышла, Посошков подошел к Черепану, перекрестил и вздохнул:

— О, господи, за что младенцев караешь?

— За твои грехи, дед, — сказал товарищ Маура.

— Опять ты за свое, Николай Николаевич, какие такие особые, прости, господи, грехи у меня? Кажись, я тебя не трогаю.

— А зачем мальчонка крестишь?

— А что же ему, худо от этого?

— Стошнит, — сказал Кустов.

— Смотри, тебя не стошнило бы, — ответил старик, — хоть бы кисель с усов слизал. Вишь, красные!

Кустов вытер рот рукавом халата.

— Эх ты, вояка! Сошкодить не умеешь, — засмеялся старик, — три пуще!

Он сел на скамейку и, обернувшись к Мауре, сказал:

— Ведь это он мальчонкин кисель слизал, когда мы спали.

— Доиграешься ты, Кустов, — пригрозил Николай Николаевич. — Доиграешься! Голову разукрасили. Мало?

— И что ж такое? И меня попомнят. Попомнят! Узнают, кто такой Костька Кустов!

— А ты, малец, молчал бы больше да свое знал. Забыли бога, вот и фулиганите.

Старик рассердился, встал с кровати.

— Вона, опять высыпали, — сказал он, взглянув в окно.

Ребята выстроились на валу с обеих сторон плотины, лицом к больнице. Толстый мальчик, надув щеки, приложил кларнет к губам. Это был Федя Беспалов. Он стоял на краю плотины. Над ним развевалось большое красное знамя. Другой мальчик, небольшого роста, расставив ноги над белым камнем, запиравшим воду, ожидал сигнала. По эту сторону ручья на большой лошади сидел верхом Аркаша-почтальон.

— Ровно Блюхер, — сказал Посошков.

Лошадь кивала головой, как будто говорила:

— Да! Да! Да!

По обе стороны Аркаши стояли учителя и председатель сельсовета Герасимов.

— Красный штаб — из ружьеца бы пальнуть! Не будь я Кустов!

— Болтаешь! — сказал Николай Николаевич.

Герасимов вскинул ружье. Все увидели ворон, летящих над плотиной. Раздался выстрел. Ворона упала у белого камня. Девочка, стоявшая рядом, взяла ее на руки. Заиграл кларнет. Александр Иванович свернул с места белый камень.

— Ура! — закричали ребята.

Вода хлынула на площадку.

Кустов распахнул форточку: пели «Интернационал».

— Кто был ничем, тот станет всем! — подхватил Николай Николаевич.

— Форточку, форточку закройте! — закричала Оля, на ходу закрывая лицо Черепана одеялом. — Николай Николаевич, как вам не стыдно кричать во все горло!

Черепану сделалось хуже. К вечеру он бредил. Пришел фельдшер, велел дать аспирину и поставил горчичник на левый бок. К ступням Черепана привязали глины.

— Через час, это, камфары впрысни, — приказал он Оле, — а ежели что — зови, этого, меня.

Фельдшер постоял над Петей минуты три с отвисшей нижней челюстью. Потом закрыл рот и, не говоря ни слова, ушел.

Пете привиделось, что по всей комнате летают деревянные желтые ложки. За дверями палаты, далеко в коридоре, подпрыгивая по половику, приближается к дверям палаты большой глиняный чайник. Вода в нем бурлит, крышка звенит. Чайник доскакал до двери и остановился.

— Двери! Двери заприте! — закричал Черепан.

На крик в палату вбежала Оля. Чайник впрыгнул в комнату. Петя в ужасе сел на кровать.

— Вот он, вот он! — прошептал Черепан, указывая пальцем на пол у кровати.

— Умрет мальчонка! — тихо сказал Посошков.

— Уйди! — вскрикнул Петя и упал спиной на подушку.

Чайник вскакивал все выше.

«Сейчас он меня обварит», — подумал Петя, еле шевеля пальцами, а ему казалось, что он обеими руками отбивается от наскоков чайника.

— Ольга Васильевна, — сказал Кустов, — разрешите преподнести рисунок.

Оля махнула рукой. Листок упал на пол. Это был портрет Некрасова. Дверь открыла сиделка. Она хотела что-то сказать.

— За Федором Матвеевичем беги! — шепнула Оля, впрыскивая камфару в руку Черепана.

Посошков размашисто крестился.

Кустов вышел из палаты.

Николай Николаевич понимал, что помочь не может ничем. Он сидел на кровати, накручивая на палец свою бороду.

«Что же это? Никто и не придет, — думал он, — забыли товарища».

Но пионеры не забыли Петю. По предложению Старого, решили проведать Черепана. Александру Ивановичу хотелось, чтобы его выбрали, так как он считал, что Петя заболел из-за него. Ему хотелось загладить свою вину. Но выбрали Федю Беспалова.

После торжественного открытия карты мира Федя пошел в больницу. Было уже темно, и он не заметил, что следом за ним идет Александр Иванович. Белоусов спрятался за поленницей у самого крыльца больницы, ожидая Беспалова. Шел мелкий снег, и ветер свистел меж дровами. Белый свет из окон больницы падал на тропинку. Скрипнула дверь, и Александр Иванович услышал голос сиделки:

— Что вы тут шляетесь? Говорят, не велено пускать!

С крыльца по тропинке пробежал Федя.

— Федька! — хотел крикнуть Александр Иванович, но Федя уже скрылся в темноте.

— Эх, дурака выбрали! Я бы уж добился.

Белоусов решительно вошел на крыльцо. Он дернул скобу двумя руками. Дверь не поддавалась. Занес руку стучать и раздумал:

— Что ж, меня ведь не выбирали!

И отошел от двери. Но уйти назад, ничего не добившись, Александр Иванович не мог. Он подтянулся к окну, схватившись за подоконник, и увидел большую кухонную плиту. На плите горел примус. Сиделка в сером халате стояла перед примусом и прокаливала пинцет. Огонь пылал желтыми лепестками. Белоусов вспомнил, как Ефим Ефимович показывал на уроке искусственное опыление цветов. В следующее окно он увидел плохо освещенную комнату с большим стеклянным шкафом, сплошь заполненным склянками. Кто-то входил в комнату. Белоусов поспешил спрятаться. В третьем окне перед ним открылась палата. У окна, сидя на койке, накручивал на палец черную бороду товарищ Маура. Кустова не было. Черепан лежал на спине, с закрытыми глазами. Лицо его было бледно, дыхание незаметно. Федор Матвеевич с отвисшей челюстью стоял перед его кроватью. Фельдшер что-то сказал. Александр Иванович не разобрал слов, руки его устали, и он опустился на землю. Оглянувшись, он увидел Алексея Мартыновича, который шел от школы к больнице. Чтобы не встретиться с ним, пришлось бежать к карте. Только у плотины остановился Белоусов. Белый камень, отнятый им у Черепана, серел рядом. Александр Иванович вскочил на него и, обернувшись к освещенным окнам больницы, с остервенением стал топтать камень. Пронзительный ветер дул ему в спину. Белоусов повернулся, расстегнул свой овчинный полушубок и пошел навстречу ветру. Через несколько шагов Антарктида закончилась, и он провалился в Индийский океан. Он шел по колени в воде, ломая лед. Высокие русские сапоги спасали его от верной простуды. Белоусов вылез из океана у мыса Доброй Надежды и, широко шагая, пошел по Африке к Суэцкому каналу. Среди египетских пирамид он остановился. Ветер рвал полы полушубка. Окна больницы были освещены попрежнему. Александр Иванович перешагнул Красное море, подошел к Кавказу, перепрыгнул его и пошел, миновав степи, вдоль Уральского хребта. На Новой Земле он остановился, потрогал левой ногой прочность льдов Карского моря. Здесь было мельче, дальше от течений, лед крепче. Белоусов оттолкнулся от острова, скользнул по льду к Северной земле, к Новосибирскому архипелагу. Лед трещал, гнулся, едва держал. Александр Иванович пролетел море Лаптевых, оттолкнулся от острова Врангеля и промчался по скользкому льду мимо того места, где погиб когда-то «Челюскин». Выйдя на Аляску, он повернулся и, снова скользя по морям, проделал обратный путь до Новой Земли.

Долго катался Белоусов. Ему казалось, что он один затерялся среди льдов Арктики. Ветер свирепел, бросал за шиворот мелкий колючий снег. Окна больницы светились, как отдаленные огни зимовья.

Глава восьмая

В спальнях говорили о смерти Черепана. Когда перед звонком на уроки в школу пришла шестиклассница Вера, дочь фельдшера, ее окружили девочки.

— Правда, — сказала Вера, — у Петьки вечером был кризис, но папа его спас, и теперь Петька скоро выздоровеет.

Девочки очень обрадовались. Особенно Шурова. Она побежала в кухню.

— Тетя Глаша! — закричала Катя еще с лестницы. — О Петьке наврали. Жив!

Она кинулась в угол, за стол.

— Галка! Галка! Слышишь? Черепан жив!

И стала тормошить ворону. Ворона каркала. Катя совала ей в клюв кусочки сахара.

— Ешь, Галочка, ешь, — говорила она.

Это была та самая ворона, которую подстрелил председатель сельсовета Герасимов. У вороны было перешиблено крыло, и летать она не могла. Катя ее выходила и назвала Галкой. Ворона бегала по кухне и каркала, когда Катя долго не приходила к ней.

Все вороны выговаривают:

— Карр! Карр!

У катиной вороны близ зоба засела дробинка, у нее «карр» не выходило, а получалось:

— Кать! Кать!

Ворона вскочила Кате на плечо и стала щипать ее за волосы. Волосы у Кати были такие же черные, как у вороны, и птичий глаз сверкал в волосах Кати, словно драгоценный камень.

— Кать! Кать! — кричала ворона, таская Катю за волосы.

— Галка! Перестань! Я тебя Сашке отдам: он тебя с'ест!

Черепан вышел из больницы недели через три.

Катя заметила Черепана еще из окна класса, когда он остановился на мостике, разглядывая карту мира.

Она побежала на кухню к тете Глаше, но вышло так, что встретилась с Петей на лестнице.

Петя всходил на первые ступеньки, а Шурова остановилась вверху, на площадке.

— Не пущу! — сказала Катя, раскрыв руки.

Александр Иванович в это время, оседлав перила, с'езжал вниз и ударил плечом по катиной руке.

— Виноват, Катерина Ивановна, — насмешливо сказал он и лишь тогда увидел Черепана. Петя сердито посмотрел на него. Белоусов засунул пальцы в рот и со свистом проехал мимо.

«Не больно мне и нужен!» — подумал он о Пете, отходя от лестницы.

На уроках Черепан попрежнему сидел рядом с Катей. Катя и Федя показывали ему на переменах, что прошли без него.

Ефим Ефимович, как и осенью, вошел в класс неожиданно.

— Здравствуй, строитель чудотворный! — приветствовал он Петю.

На этот раз Петя не растерялся и радостно сказал:

— Здравствуйте, Ефим Ефимович!

— Узнал, что прошли без тебя?

— К завтраму выучу, — сказал Черепан.

— К завтраму не надо, а через неделю я тебя, братец, как миленького спрошу. Так и знай. Садись!

На большой перемене играли в «красные» и «синие» 5-й класс «А» — против 5-го класса «Б». Командиром класса «А» был Ефим Ефимович. Классом «Б» командовал Петр Захарович. Игра состояла в том, что бросались снежками. В кого попадал снежок, тот считался убитым. Чья партия будет скорее перебита, та и побеждена. Черепану Ефим Ефимович играть не позволил. Пришлось бой наблюдать с крыльца школы. Только Ефим Ефимович высунулся из-за поленницы, как Белоусов ударил ему в лоб снежком: «Ладно, что шапка была надвинута до самых бровей», — подумал Петя.

Ефим Ефимович сел рядом с Черепаном.

— «Убили» меня!

— Я за вас отомщу! — крикнул Петя.

— Черепанов! Вернись!

Вскоре «убили» и Беспалова и Федорова, «ранили» Хропова в ногу, выбыла из строя Лида. Поскользнулась Валя, и пять «пуль» сразу пронзили ее. Шурова «убила» Петра Захаровича. Она искусно пряталась за дровами, на момент появлялась и почти наверняка посылала снежок.

— Катя! Катя! Не сдавайся! — шептал Черепан.

Голова Кати показалась над дровами. Александр Иванович ударил в полено, зеленую шапочку Кати обдали снежные брызги.

— Контузия! Не в счет! — закричал Ефим Ефимович.

Загремел колокол. Все побежали в классы.

— Я живая! Я живая! — кричала Катя на лестнице, в раздевалке, в классе. Белое платье ее развевалось, карие глаза блестели, как у Галки.

— Я живая! Я живая!

— Никто не сомневается, что ты живая, — сказала Людмила Михайловна, входя в класс. — Иди на свое место и скажи, какая часть речи «живая».

— Глагол, — ответила Катя.

— Неверно! Садись, Катя, урока не знаешь, а на весь класс кричишь.

По вечерам Черепан усиленно занимался и вскоре по всем предметам догнал класс. Одна мысль занимала его: отомстить 5-му классу «Б» за поражение. Черепанов, Федоров, Хропов, Беспалов и еще трое ребят их звена организовали бригаду ворошиловских стрелков. На расстоянии в двадцать шагов они бросали снежками в стволы деревьев толщиной с оглоблю и достигли четырех попаданий из пяти возможных. Людмила Михайловна рассказала на уроке о дуэли Пушкина с Дантесом, и стрелки стали играть в дуэль.

Катя, Лида и Валя, входившие в то же звено, что и Черепан, составили женскую бригаду. Они также стреляли в цель, играли в дуэль. Катя решила назвать свою бригаду в честь жены Пушкина.

— Она была красивая, — сказал Черепан.

— Красивая — значит хорошая, — отвечала Катя.

— А Людмила Михайловна красивая? — спрашивал Хропов.

— Нет! — кричала Катя.

— Врешь, красивая!

— Сестра Оля красивая, а Людмила Михайловна нет! — твердила Катя.

— А Горыныч? — спросил ее Черепан.

— Горыныч красивый, — сказала Катя.

— Да у него нос красный и зубов нет!

— Ну и что ж, что зубов нет. И пусть!

Александр Иванович все больше отдалялся от сосенских ребят и бывших одноклассников, но не мог сдружиться и с классом «Б», куда его перевели за драку с Черепаном. В свободное время он расчищал снег с океанов и морей и катался на коньках. Больше всего любил Белоусов кататься по Великому океану. Он выделывал самые разнообразные фигуры вокруг Сандвичевых островов, Таити, Новой Каледонии. Иногда, разбежавшись от Америки, проскальзывал он Молуккским проливом. Снова разбегался по Индийскому океану, ухитрялся на одном коньке скользнуть по Красному морю, пролететь Средиземным морем мимо Мальты и без промаха вынестись через Гибралтарский пролив в Атлантический океан. А там опять Ледовитым океаном, уже с севера, врывался в Великий океан и круто останавливался у Владивостока.

Белоусов видел, что Черепан со своим звеном готовится к бою, но прежней вражды к Черепану не чувствовал. И все-таки битва произошла. Снег был особенно липкий. Звено Черепана упражнялось в стрельбе. Александр Иванович звал Хропова кататься и бросил в него снежком, но попал в Черепана.

— Ура! — крикнул Хропов, отвечая снежком за Черепана.

Мигом образовались две партии.

— Заманивай! Заманивай! — кричал Хропов, отступая к карте мира.

— Сунься, кто посмеет! — сказал Черепан, став на то место, где должна быть Москва.

Катя увидела начало сражения из окна кухни. Ворона широко разевала рот, бежала за Катей, но крики ребят заглушали ее карканье.

— Сдавайтесь! — кричал Александр Иванович.

Град снежков посыпался на него.

— Убит! Убит!

— Ничего подобного!

Но ему пришлось отступить.

Александр Иванович пробил каблуком в Немецком море лед и смачивал в воде для веса и твердости снежные комки.

— Сашка — фашист! — крикнула Шурова.

В ответ Белоусов пустил в нее комком. Катя присела за Кавказские горы.

В это время Беспалов ударил снежком Белоусова прямо в лоб. Александр Иванович остервенел. Еле сдерживая себя, отошел он за Англию, снял полушубок, завязал поясом один из рукавов, наполнил его ледяными комками и, держа перед собою полушубок, как щит, направился на снежную крепость. Он шел медленно. Губы его дрожали. Иногда он останавливался, вынимал из завязанного рукава ледяшку.

— Получи! — шептал он про себя, бросая комок.

Он бил без промаху.

Лида плакала, присев у Каспийского моря. Беспалов, побледнев, схватился за левый бок.

«Пусть знают, как называть меня фашистом — думал Александр Иванович. — Пусть знает, как называть меня Сашкой!»

Катя Шурова терла левое плечо. Беспалов получил удар в лоб. Ближе и ближе придвигался к крепости Александр Иванович. Он шел прямо на Черепана. Черепан стоял за зубцом стены, посылая снаряд за снарядом. Но все было напрасно. Белоусов был уже совсем близко. Щит спасал его от ударов. У Пети остался только один снежок. Он оглянулся. Беспалов закрыл лицо шапкой и плакал, прислонясь боком к снежной стене.

— Действуй! Плакса! — сказал Черепан.

Федя открыл лицо. Желто-синий волдырь вскочил у него над правым глазом. Катя бесстрашно бежала через Азовское море на помощь. Два—три бойца сражались еще на границе. Остальные отошли на Урал. От Японии доносился сплошной рев, стон:

— Пощады! Пощады!

«Наши победили, — догадался Черепан, — только бы здесь выстоять».

Вдруг Александр Иванович запустил в него ледяшкой.

Черепан отпрянул. Льдинка впилась в зубец стены.

С криком «Победа!» вскочил Александр Иванович на стену.

Федя, увидев над собой сапоги Белоусова, схватил его за лодыжки. Александр Иванович, проехав задом по стене, упал на спину по эту сторону стены. Черепан оторвал целый зубец и занес его над лицом врага. Александр Иванович смотрел в глаза Черепана. Шапка Белоусова валялась в стороне. Полушубок лежал под ногами. Волосы слиплись, как птичьи перья.

— Сдаюсь! — сказал Александр Иванович, закрыв глаза. Ни на кого не глядя, надел он шапку, накинул полушубок и, не отряхиваясь, пошел к школе. Никто его не останавливал. Катя искала Галку. Ворона, испугавшись битвы, забилась под камни в Кавказских горах. Когда сраженье закончилось, она вспрыгнула на вершину Эльбруса и закричала:

— Кать! Кать! Кать!

— Галка! Галка! Мы победили! Победили!

Катя схватила ворону на руки и бегала по карте.

Все кричали «ура». Никто не хотел расходиться.

— Давайте строить мавзолей Ленина! — предложил Черепан.

Отсчитали десять шагов в длину, шесть — в ширину. Принесли кольев. Накатали снежных комьев. Стали строить стены. Время шло незаметно. Большими хлопьями повалил снег. Было уже около десяти часов вечера, когда мавзолей был окончен. Лишь подходя к школе, вспомнил Черепан, что не выучил стихотворения Пушкина.

«Неужели спросит?» — подумал Петя.

Александр Иванович раздевался в спальне, ни на кого не глядя.

— Если не хотите, чтобы я оставался старостой, выбирайте другого! — сказал он, закутываясь в одеяло.

Глава девятая

— Черепанов!

«Так и знал!» — подумал Черепан, вставая.

— Скажи наизусть «Зимнее утро» Пушкина.

— «Зимнее утро», стихотворение Александра Сергеевича Пушкина, — сказал Петя и замолчал.

— Говори же! — приказала Людмила Михайловна.

«Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры,
На встречу северной Авроры,
Звездою Севера явись!»

Черепан сказал все стихотворение.

— Ну, ладно. Стихотворение ты выучил... (Черепан встал для этого в 5 часов утра.) — А скажи мне: понимаешь ли ты его?

Черепан молчал.

— К кому обращается Пушкин в своем стихотворении?

— К одной знакомой.

— Дай полный ответ.

Петя посмотрел на окно. На подоконнике стояли две длинных плошки. Мандариновые, лимонные и апельсиновые зернышки, посеянные в них, уже взошли.

— В стихотворении «Зимнее утро», — сказал он, — Пушкин обращается к одной своей знакомой.

— Так. А не знаешь ли, что такое Аврора?

Черепан молчал.

— Беспалов!

— Аврора — крейсер.

Беспалов хотел сесть.

— Постой, — сказала Людмила Михайловна. — Ну, кто выручит своих товарищей? Ты, Хропов?

Хропов встал.

— Беспалов ошибся, — сказал Хропов. — Аврора есть крейсер, только это не то. Мой дядя на «Авроре» служил. Еще при царе. Только он заболел.

— Кто заболел? — спросила учительница.

— Дядя.

— Постой и ты. Шурова!

— Аврора — богиня утренней зари у римлян.

— Правильно. Садись! Садитесь! Ты, Черепанов, еще будешь отвечать. Скажи, что ты понимаешь под выражением Пушкина «звезда Севера»?

— Не знаю, — сказал Черепан тихо, чувствуя, что его ждет плохая отметка.

Валя подняла руку.

— Скажи, Валя.

— Людмила Михайловна, Хропов в меня чернилами брызнул.

— Хропов! Это еще что такое?

— Я не брызгал, Людмила Михайловна. Она сама запачкалась.

— Садись, Хропов! Садись, Черепанов, — сказала учительница, еле сдерживаясь от возмущения. На ее щеках показались красные пятна. Класс притих.

Людмила Михайловна отыскала в журнале фамилию Пети и поставила отметку. Встала и, не глядя ни на кого из учеников, произнесла:

— Пушкин называет «звездою Севера» свою знакомую. «Звезда Севера» — планета Венера. У древних римлян Венера — богиня любви и красоты, что еще более усиливает лестный смысл пушкинского сравнения.

Первый раз в жизни Черепанов получил плохую отметку. Он водил пальцем по парте, усиленно мигал веками, чтобы не заплакать.

На перемене шум, беготня, которых он раньше никогда не замечал, показались ему странными. Он встал в углу зала, стараясь не показать, что так сильно огорчен плохой отметкой.

— Брось, Черепаха, — сказал Федоров, — велика штука — отметка! Плюнь!

— А я бы, — сказал Хропов, — тоже наплевал. Она к тебе все время придирается. У нас в Банькове тоже был учитель, так...

— Что вы пристаете ко мне... Наплевал! Наплевал! Как будто сам не знаю!

— Ты, Черепаха, не сердись, — сказала Катя, — пожалуйся Алексею Мартыновичу. Зачем она не об'яснила, а спрашивает?

— И верно! — удивилась Валя. — Не об'яснила, а спрашивает! Я сейчас у Василия Ивановича спрошу, — сказала Катя.

Учитель математики был дежурным педагогом и ходил по залу, заложив руки за спину.

Катя подбежала к Василию Ивановичу, но не спросила его.

— Что же ты? Трусиха! — сказала Валя. — Вот я сейчас! Василий Иванович!

— Что, Валя?

— Василий Иванович, что такое «звезда Севера»? — спросила Катя.

— Не знаю, девочки. Полярная звезда, наверное.

— Видишь! — сказала Катя Черепану. — И Василий Иванович не знает.

Но Пете от этого не было легче. Сегодняшний день был последним днем второй четверти. Он боялся, что в четверти ему будет «плохо» по литературе.

К большой перемене на школьный двор начали с'езжаться родители. Видно было, как они тщательно отряхивали веником снег с валенок, прежде чем войти в школу. Приехала и тетя Маша, мать Феди. Она была в шубе из красной овчины, собранной сборками в талии, в сером шерстяном платке. Она выглядела очень молодой и красивой.

— Что ты сегодня такой тихий? — спросила она Черепана.

— Ему Людмила Михайловна «плохо» поставила, — об'яснил Федя.

— Ну, ничего, Петя, пройдет, до свадьбы заживет. Я тебе картофельных лепешек напекла, молока привезла. Ешь — теплая! — сказала она, протягивая Черепану мучную лепешку величиной с чайное блюдце.

Четвертого и пятого уроков не было. Вместо них Алексей Мартынович провел собрание с родителями. На собрании присутствовали и ребята. Алексей Мартынович сказал, что после каникул школа предполагает провести военные маневры, и в заключение пожелал ребятам хорошо отдохнуть, чтобы с новыми силами взяться за учебу. Ребята закричали «Ура!» и побежали в спальни за сундучками. Но Черепану было некуда спешить. Он медленно подошел к окну у своей койки. На дворе родители взнуздывали лошадей, под-

бирали сено. Синими, серебряными, солнечными искрами вспыхивал снег. Вдали чернел зубчатый лес. Стекло было покрыто прозрачным узором.

. . . . . .

— До свиданья, Черепанушка! — крикнула Катя, увидев в окно Черепана. По бокам ее в санях сидели Валя и Настя. Все они жили в Банькове, по эту сторону озера.

— Тетя Глаша, Галку береги! — услышал Петя.

Сани с девочками скрылись за поворотом. Кто-то сзади ладонями закрыл Черепану глаза. Черепан вырвался и увидел Федю.

— Мама зовет! Скорее! К нам! В гости!

Черепан мигом оделся и побежал на улицу.

Сани за санями выезжали со двора. Сдерживая лошадей, колхозники медленно спускались под гору на озеро и уже мчались вовсю по льду, мимо школьной лестницы, среди сверкающих снегов. Вдруг на верхнюю площадку в белом фартуке выбежала тетя Глаша.

— Федя! Петя! Помелов для печки привезите! Помел-о-ов!

— Помелов! — поддержал ее Петр Захарович. — Помелов!

Черепан и Федя в ответ подкидывали вверх шапки и тоже кричали:

— Слы-шим!

— Слы-шим!

Ветер обдавал их холодом, лошадь вскидывала задними ногами и била твердыми комьями снега из-под копыт.

— Но, ты! — передернула вожжами тетя Маша.

Лошадь перестала скакать и помчалась ровной быстрой рысью. Лед бунчал под ее копытами. Несколько саней они уже обогнали.

— Наддай! Наддай! — кричали ребята с передних саней.

Но их лошади сдавали. Несколько мгновений сани летели рядом. Тетя Маша лихо покрикивала на Ваську. Черепан с Федей снимали шапки и кланялись отставшим.

— До свиданья! До свиданья! Родным кланяйтесь.

Впереди оставался один Александр Иванович.

— Вася! Васенька! Не выдай! — просил Черепан лошадь.

Но Александр Иванович, сам правивший лошадью, всякий раз, когда его пытались обогнать, подвертывал свои сани под передние ноги Васьки. Васька из-за боязни споткнуться замедлял бег.

— Я тебя вот! — грозила тетя Маша кнутом Александру Ивановичу, но так и не смогла обогнать. Сани взлетели на пригорок и помчались по деревне. Мелькали окна, полисадники, женщины с полными ведрами воды на коромыслах, прыгали собаки, разевая розовые пасти, сверкая зубами.

—Тузик! Цыган! Милка! Свои! Свои!

— Что — взяли? — крикнул Александр Иванович. — Что — взяли?

Тетя Маша ослабила вожжи, и Васька, сдерживая бег, завернул во двор дома с резными синими надоконниками.

Черепан с Федей на ходу выскочили из саней.

Глава десятая

Горыныч сидел за столом и пил чай.

— А, Петенька приехал! — сказал старик.

Петю уже не удивляло ласковое отношение старика. Он быстро размотал шарф с шеи и подал руку Горынычу. Горыныч обнял Петю.

Ребята напились чаю, побежали на скотный двор. Бык, казалось, узнал Черепана. Он протяжно вдохнул воздух, внимательно осмотрел Петю умными синими глазами и, как лошадь, левым копытом передней ноги стукнул о земь. Черепан почесал ему белую звездочку на лбу.

— Умник! — сказал Петя, но бык отрицательно мотнул головой.

— Апис! — назвал его Федя, и бык, соглашаясь, опустил голову вниз.

На другой стороне стояли овцы. Они становились передними копытами на перекладины загородки, и Петя с Федей давали им кусочки хлеба.

— А, Петенька приехал! — сказал старик.

Большая белая свинья лежала на возвышении, покрытом чистой соломой.

— Беатриса! — позвал ее Черепан.

Беатриса тихо хрюкнула, не раскрывая глаз. Двенадцать белых поросят сосали ее.

— Ну и житье им! — сказал Федя.

Черепан взял грабли и стал ручкой грабель чесать свинью за ушами. В соседней загородке хряк вскочил на задние ноги. Беатриса нехотя приподнялась. Несколько поросят скатилось с возвышенья. Хряк оскалил желтые клыки, глаза его налились кровью, он бил копытами по загородке.

— Пойдем! Сердится! — сказал Черепан.

Они вышли на улицу.

У липы стоял на лыжах Александр Иванович.

— Стоп! — скомандовал он, остановившись у самого обрыва горы. Александр Иванович был в белых валенках, в черном полушубке, шапке-ушанке, в красных рукавицах.

Завидев Черепана и Федю, он подался всем корпусом вперед, вниз, под гору. Как птица взмахнул он руками в красных варежках, проносясь в воздухе над рытвинами горы. И вот уже Александр Иванович мчится по льду озера, мимо прорубей, мимо стада стригунов, пьющих воду из оледенелых бадей.

— Ну и отчаянный! — говорит колхозница, черпая воду. — Ты бы матку свою пожалел. Ведь шею сломишь. Один ты у нее!

— Не сломлю, тетя Груша! — крикнул Александр Иванович. — А сломлю, ученые новую приделают!

Стригуны ржут. Конюх дядя Федя гонит их в гору, щелкая длинным бичом. Сосновые леса незаметно розовеют, темнеют. На зеленом небе загораются звезды. Слышны голос Аркаши почтальона, гармоника, песни. Ребята бегут по домам обогреться, поесть. Вечером в гумне будет кино — «Дубровский».

Александр Иванович вернулся на улицу в полушубке, вывороченном шерстью наружу. На лицо навязал старую баранью шапку отца, проделав в ней дырки для глаз. Он бегал по деревне, рычал медведем, кидался на ребят и даже на взрослых.

Девушки визжали, кричали:

— Медведь! Медведь! Он задерет!

Вдруг Александр Иванович заметил медицинскую сестру Олю. Она шла об руку с Кустовым. Они о чем-то спорили у дома Беспаловых. Свет из окна падал на дорогу, и Александр Иванович видел, как Кустов тянул Олю за рукав, а та не хотела идти.

— Я не хочу! — сказала Оля. — Я все расскажу про тебя!

— Врешь! Помолчишь! Побоишься! — сказал Кустов. — А то места живого не оставлю! Убью!

Оля рванулась и побежала. Хулиган бросился за ней. Александр Иванович нагнулся, схватил из-под ног ледяшку, размахнулся, чтобы бросить в Кустова, как кто-то схватил его за шиворот. Он обернулся и узнал свою мать.

— Ах ты дрянь такая! Фулиганить? Марш! — закричала она.

Мать привела его домой. Александр Иванович сел на лавку.

— Никуда не пойдешь! — сказала она.

Мать подошла к зеркалу, висевшему над комодом, поправила платок на голове, приподняла с комода стеклянный колпак, каким в железнодорожных буфетах обычно покрывают бутерброды от пыли и мух, и вынула из-под него жестяную коробку. Александр Иванович молчал. Мать открыла жестянку, взяла что-то двумя пальцами из нее и поднесла к носу. Александр Иванович смотрел в пол.

— Ты долго будешь, как истукан, си... — и не докончила.

Александр Иванович взглянул на нее. Мать стояла посреди комнаты, закинув голову кверху.

Вдруг она чихнула так громко, что даже звякнул стеклянный колпак.

Мать ушла из дому. Александр Иванович спрыгнул с лавки, подбежал к колпаку. Под стеклом в картонной рамке стояла фотография: за рулем легкового автомобиля сидел отец Александра Ивановича, а на сиденье сзади — отец Черепана. На борту автомобиля белыми буквами было написано: «Привет с берегов Великого океана».

«А меня заперла, — подумал Александр Иванович. — Как бы не так!»

Жестянку он сунул к себе в карман, а с фотокарточкой сел ближе к

лампе. «Привет с берегов Великого океана». Тысячи раз читал Саша эту надпись, читал с наслаждением. Ему было шесть лет, когда мать получила карточку. Отец Александра Ивановича был инструктором танковой части на Дальнем Востоке. Каждый месяц он высылал деньги и звал их во Владивосток. Мать не ехала. Александр Иванович бережно поставил снимок на прежнее место и вылез через чердак на крышу, прыгнув в сугроб, побежал к гумну, где обыкновенно устраивали киносеансы. В гумно он не вошел. Ловко, как настоящий медвежонок, забрался он по углу гумна на крышу и начал осторожно разгребать руками солому. Снизу все сильнее слышались гуденье и отдельные выкрики. В небе стояла полная луна. Чернели изгороди и стены домов. По огородам и дальше, в поле, к кустарникам, мела белесая поземка. Александр Иванович разгребал солому на теневой стороне крыши. Пахнуло теплотой, и он увидел массу людей, сидевших рядами в шапках, платках, шубах. Прямо под ним стояла кинопередвижка и горела тусклая электрическая лампочка. У аппарата суетился киномеханик, кипщик Чупа, как называли его сосенские ребята. Чупа направлял световой фокус на две широкие, сшитые вместе простыни, висевшие на дальней стене гумна. Круг света на простынях напомнил зимнее солнце, только был размером больше.

Приглядевшись, Александр Иванович узнал Горыныча, товарища Мауру, председателя двадцатки Посошкова, ребят. Черепан и Федя сидели у киноаппарата и вдвоем вертели ручку динамо. Черепан работал зажмурясь, подняв кверху лицо.

«Нософырку выставил», — подумал Александр Иванович и вынул жестянку с табаком.

— Граждане! — крикнул охрипшим голосом Аркаша-почтальон. — Сейчас перед вами будет продемонстрирован фильм «Дубровский» из жизни разбойников господских времен с пояснениями Аркадия Петрова, заслуженного артиста смеха.

— Шибче вертите! — приказал Чупа.

На экране показался Пушкин.

«Посмотрю сначала», — подумал Александр Иванович, но не удержался и выронил щепотку табаку.

Черепан поморщился, зашмыгал носом и вдруг чихнул.

— Великий русский поэт! — закричал Аркаша и тоже чихнул.

Пушкин побледнел и пропал.

— Верти! — сказал Аркаша Черепану.

На экране замелькали помещики, собаки, лакеи, офицеры.

— Владимир Дубровский, гусар смерти, будущий укротитель помещиков, читает письмо своей няньки, бабки Настасеи Щеглуновской, — крикнул Аркаша; все оглушительно захохотали. Горыныч взглянул на Настасею. Бабка морщилась и, по-черепашьи вытянув морщинистую шею, вертелась в разные стороны.

— Ох-п-чихи! — вскрикнула она.

Горыныч вздрогнул, схватился за нос, слезы текли по его щекам. Чихали товарищ Маура, Кустов, мать Александра Ивановича, тетя Маша, отец Феди, Оля, Чупа, ребята; сам Александр Иванович тоже чихнул, но никто не расслышал: чиханье расходилось кругами от киноаппарата к дальним углам гумна. Кое-кто из зрителей пробирался к выходу. Фильм продолжался. Несмотря на чиханье зрители с волнением следили за действием.

Дубровский уже похоронил отца Вот приехали чиновники отбирать у Дубровского имение. Кузнец Архип запер дверь и поджег дом. Кошка металась на крыше, охваченной пламенем. Александр Иванович просунул голову, чтобы лучше рассмотреть: кузнец Архип спасал кошку.

Жгучая боль обожгла Александра Ивановича. Он вытащил голову из дыры в крыше и оглянулся. Внизу стоял Кустов. Черная палка скатывалась по снежной крыше гумна вниз. Александр Иванович бросился на другую сторону крыши, кубарем скатился в снег и, весь белый, мохнатый, побежал прочь от деревни. Он слышал крики, улюлюканье. Поземка, крутясь, обгэ-

няла его. Крики затихли, и Белоусов остановился. Он был в Марьином логе, в полукилометре от деревни. Картофельные бунты, как мелкие сопки, окружали его. Бегство из-под замка, проделка с табаком не позволяли и думать о возвращении домой. Александр Иванович решил переночевать в ближайшем сарае с сеном, а там будет видно, что делать дальше. До сеновала было не меньше километра. Белоусов подошел к сараю:

— Кто тут? Выходи! А не то подожгу! — сказал он басом. Но никто не отозвался, и Александр Иванович осторожно открыл двери сарая. Холодное, мерзлое сверху сено резало руки. Он выкопал направо от двери глубокую яму, забросал себя сеном и лег. Стало тепло.

«Пусть поищет, — подумал он о матери, — не будет запирать больше. А то стану жить здесь, и никто не узнает. Картошки украду и буду печь. А книги возьму через чердак ночью. И соли. А летом уеду к отцу. Раз в неделю буду ходить на карту кататься, Черепана отколочу».

«А нет, — продолжал он думать, — все скажу Алексею Мартыновичу. А что табак сыпал, само вышло: зачем Черепан кверху нос задрал? И зачем запирала... зачем...»

Александр Иванович заснул. Ему приснился страшный сон: кто-то подошел к сараю, застучал кулаком в стену и закричал:

— Кто тут? Выходи! А то подожгу!

Александр Иванович открыл глаза. Сено кололо уши. Он в ужасе понял: то был не сон.

— Что ты валяешь Ваньку! — сказал другой пискливый и тоже знакомый голос, — кому тут быть, господи Христе!

— А вот я пощупаю, — ответил прежний, страшный голос. Холодная, острая палка скользнула по щеке Александра Ивановича.

— И вправду нет, значит, послышалось.

— Но, ты! — прикрикнул кто-то на лошадь.

Раздались глухие удары палкой, видимо, по спине лошади.

— Назад! Назад! — понукал лошадь прежний, страшный голос, и на этот раз Александр Иванович уже не сомневался, что голос принадлежит Кустову. Тяжелые дровни ударили в стену сарая. Кустов, кряхтя, сопя и ругаясь, стал сваливать огромные мешки на Белоусова. Мешки были полны картофелем, и каждый из них весил не менее центнера.

— Едем! — сказал Кустов. — Еще раз, и полно!

Белоусов остался один.

«Бежать в деревню к председателю! Сказать обо всем! Скорее! Скорее!»

Но тяжелые мешки мешали двигаться. С громадным напряжением всех сил, разодрав о сено до крови пальцы, Белоусов освободил туловище. Но напрасно старался освободить ноги. Он в отчаянии упирался руками в мешки, рыл сено. Ему уже думалось, что вот-вот сейчас вернется Кустов, войдет в сарай, увидит развороченные мешки. Будет мучить, проткнет глаза своей острой палкой, а потом убьет, подожжет сарай. И никто никогда не узнает, куда пропал Александр Иванович.

Белоусов с новой силой схватился руками за перекладину в стене сарая. На этот раз ноги выскользнули из валенок, мешки опять на них навалились, но, обдирая лодыжки в кровь, Александр Иванович, наконец, освободился. В одних чулках спрыгнул он с сена в снег. Поземка уже перешла во вьюгу. Густые резкие снежинки слепили глаза. Ветер дул прямо в рот. Александр Иванович задыхался. Острая боль пронизывала его легкие, ноги ломило, глубокий снег заставлял спотыкаться. Он падал, поднимался и снова бежал. Но, казалось, все те же сосны и голые кустарники маячили сквозь метель слева и справа. Александр Иванович споткнулся о пень и упал. Вьюга сразу же стала его заметать. Лежать было приятно. Он подогнул под себя ноги, обнял их руками, но почувствовал, что одна нога уже без чулка, растер ее снегом и встал. У Марьина лога свернул вправо, чтобы не встретиться с Кустовым, и попал в сугроб. Он уже не мог бежать. Шел из одного упрямства.

— Адь-два-три! Адь-два-три! — считал Александр Иванович свои шаги.

Вьюга рвала его ушанку, в ушах стучало. Волосы сделались мокрыми, а голая нога опять стала мерзнуть.

— Адь-два-три! — считал Белоусов.

С трудом расстегнул полушубок: пальцы заледенели, хотя ладоням было жарко. Голова кружилась. Он стал зевать и даже не обрадовался, услышав лай собак. Показались совсем уже близко, сквозь несущийся снег, огни деревни.

— Адь-два-три! Адь-два-три!..

Белоусов уже не помнил, как стучал в окно к председателю, упал в снег, как его втащили в избу.

— За Марьиным. Картошку...

Через десять минут человек десять колхозников, вооруженных охотничьими ружьями, ехали на трех подводах к сараю. Недалеко от сеновала они слезли с дровней и начали его окружать. С винтовками наперевес они подходили все ближе и ближе.

— Кто здесь? Выходи! А то подожгу! — крикнул товарищ Маура. В сарае зашуршало.

— Я... я, братцы!

— Один ты? — спросил председатель.

— Один! Как перед Христом один,—сказал Посошков, стоя с поднятыми руками перед товарищем Маурой.

Глава одиннадцатая

Кустова не поймали. Посошков на все вопросы отвечал, что у него не было соучастников: он боялся мести Кустова, если назовет его имя. Ясно было, что Посошков что-то скрывал. Александру Ивановичу не во всем верили. Ведь он не видел Кустова, а только слышал его голос.

«Со страху и не то может показаться», — думал председатель.

Все же у Кустова спросили, где он провел ночь.

— У тети Груши, — отвечал Кустов, — я не один, а вместе с дядей, и Ольга Васильевна была.

— Верно, Оля?

— Верно, товарищ Маура, была,—солгала запуганная Кустовым Оля.— Из кино чай пить зашли. Мятель поднялась страшенная. Я и заночевала.

На другой день приехал из города агент с ищейкой Кальвой. Ищейка бежала на поводу впереди агента, одетого в красноармейскую форму с зелеными петлицами на шинели. Шагах в десяти сзади шел председатель и уже за ним — ребята. Александра Ивановича не было: у него распухли ноги. На поляне у сеновала все остановились.

— Шерш, Кальва, шерш! — сказал настойчиво агент.

Собака сунула морду в снег, усиленно дыша носом, но ничего не обнаружила. Она повернула морду к агенту, как бы спрашивая его.

— Шерш! Шерш! — повторил еще настойчивее агент.

Кальва вздохнула и побежала к другому углу сарая и стала разгребать лапами снег. Нашла картофелину, обнюхала ее. Привстала на задние лапы, взвизгнула и коротко пролаяла раза три.

— Недовольна, — пояснил проводник.

Кальва села и завиляла задом. Хвост ее описывал широкие круги, поднимая метель.

— Извиняется, — сказал агент. — Надо было сразу. Теперь снег затоптан.

— Кальва! — позвал тихонько Федя.

Но она даже не взглянула на него.

— Не мешай! — сказал Черепан. — Она думает.

Еще через день в колхоз приехал корреспондент районной газеты «Лесной голос». Он побывал у Александра Ивановича. На стене висел фотоснимок прошлогоднего выпуска Сосенской школы. Корреспондент взял его и уехал.

Вскоре в Сосенке получили газету с портретом Александра Ивановича на третьей странице. Под портретом была напечатана заметка:

„Геройский поступок пионера.

Наднях в деревне Сосенке, в одном из колхозов нашего района, ученик 5-го класса заплотьевской неполной средней школы пионер-отличник Александр Белоусов совершил геройский поступок. Поздно ночью, выследив вора, не теряя времени на то, чтобы обуться, он по глубокому снегу прибежал в колхоз и сообщил о происходящей краже. Благодаря энергии председателя колхоза товарища Маура вор был арестован, а семенной картофель, сваленный вором в сенном сарае, был возвращен колхозу. Вором оказался председатель двадцатки заплотьевской церкви гражданин Посошков. Есть подозрения, что у вора были соучастники в его мерзком деле. Ведутся дальнейшие розыски. Герою-пионеру вовремя была оказана медицинская помощь, его здоровье вне опасности».

— Герою привет! — сказал Аркаша-почтальон, вручая газету Александру Ивановичу.

Когда Аркаша ушел, Белоусов мельком взглянул на портрет и медленно прочитал заметку.

«Брови нахмурил», — подумал он о портрете и улыбнулся. Мальчик на портрете сердито смотрел в сторону.

— Герой, — прошептал Александр Иванович.

— «Есть подозрения, что у вора были соучастники», — перечитал он снова.

«Герой, а не верят, — подумал Белоусов. — Что же, что я его не видел. По голосу сразу ясно, кто!»

Александр Иванович опять прочитал заметку. Портрет мальчика по-прежнему смотрел в сторону.

Белоусов спрыгнул с кровати, достал с печки доску и начал кухонным ножом делать из нее саблю. Он думал о том, как в Банькове читает заметку Катя Шурова. В школе после каникул она подойдет к нему и скажет:

— Прости, Александр Иванович, я ошиблась в тебе. Ты герой. Теперь я буду с тобой дружить.

Черепан и Федя тоже прочли заметку.

— И не так было, — сказал Федя.

— Нет, похоже, — ответил Черепан, — а что про табак — писать лишнее.

— Петенька, — вмешался Горыныч, — что это? Сашку напечатали, а тебя нет!

— Я не герой, — сказал Черепан.

— А Сашка? Что ж он, герой табаком сыпаться. Настасеюшка по сю пору чихает.

— Это она, Горыныч, не с того, — сказал Федя.

— С чего же, не с того? А я с чего чихаю?

Горыныч махнул рукой и чихнул.

— Видишь?

— Вижу! — сказал товарищ Маура, входя в избу.

— Пойдем! — сказал Черепан Феде.

Они надели лыжи и пошли в лес. Надо было заготовить помела для тети Глаши. Лыжи шли мимо сосен. Черепан поднял две шишки. Федя крикнул:

— Погоди! Которую кто ел?

Одна шишка была обглодана до стержня, а другая почти не тронута, только чешуйки были чуть-чуть отогнуты.

— Эту, которая совсем обглодана, — белка, а другую, — не знаю.

— Клест! — с торжеством сказал Черепан.

Они пошли рядом, внимательно вглядываясь по сторонам.

— Смотри! — сказал Федя.

Хулиган вскинул ружье на плечо и прицелился.

— Это и есть клест, — шепнул Черепан.

Красно-бурая птичка сидела на вершине сосны. Зоб ее был оттопырен.

— Самец, — прошептал Петя, — у них яйца теперь есть, самка сидит, не слетает: желтоватая она.

Клест, увидев ребят, улетел.

Петя двинулся дальше. Внезапно он остановился. Федя наехал на него и чуть не упал. Черепан смотрел на мертвую птичку. Это был клест-самец. Клест лежал на спине, подняв кверху свой клещеобразный клювик.

— Понюхай! — сказал Петя, подавая птичку Беспалову.

Клест пахнул сосновой смолой, был легок и тверд.

— Застыл! — сказал Федя.

— Они как мумии: не сгниют.

В лесу было очень тихо. На соснах лежал снег. А Черепану хотелось движенья и звуков.

Он нагнул сосновую ветку и неожиданно отпустил. Снег, блестя на солнце, посыпался на Федю.

— Ля-ля-вичью-кик! Ля-ля-вичью-кик! — передразнил Петя воображаемого зяблика. — Видишь, в сосновой щели шишка воткнута. Кем? Дят...

— Лом! — окончил Федя.

— Это он, чтобы лучше семечки клевать. А это кто насорил чешуек под сосну? Ну-ка, скажи! Мы...

— Ш-ш-шь, — странно зашипел Федя.

На поляне под большой красностволой сосной стоял Кустов. Ребята спрятались за густые кусты можжевельника. Хулиган вскинул ружье на плечо и прицелился. На стволе толстой сосны, шагах в сорока от Кустова, Черепан увидел листок бумаги. Кустов выстрелил и подбежал к сосне. Пете видно было, как парень наклонился к бумаге, сорвал ее со ствола, скомкал и кулаком с зажатой в нем бумагой погрозил в сторону деревни. Скомканную бумагу он бросил на снег, проткнул ее своей длинной острой палкой и, высоко подняв палку над головой, сделал ею несколько широких вращательных движений. Бумага слетела в сторону, и Кустов затоптал ее. Неожиданно повернулся он к ребятам, схватил ружье и на этот раз выстрелил прямо в можжевельник, за которым прятался Черепан. Петя едва успел броситься в снег.

Когда Черепан приподнял голову, чтобы осмотреться, Кустова уже не было на прежнем месте. Перепуганный Федя стоял за своим кустом без движения. Черепан, дрожа от волнения, подполз к Феде и схватил его за полу, когда тот хотел бежать назад, по старому следу.

— Нельзя, — шепнул он Феде, — попадемся. Надо идти по его следу.

Ребята медленно поползли к тому месту, где недавно стоял Кустов. Далеко в просеке они увидели Кустова, идущего по направлению к деревне.

Черепан вырыл из снега бумагу и осторожно расправил ее на коленке. Это был полулист, вырванный из ученической тетради. На нем был нарисован портрет Некрасова. Острая палка прорвала его в трех местах, но лицо не пострадало. Тщательнее разгладив бумагу, Петя увидел, что правый глаз портрета пробит пулей. Обратная сторона рисунка была исписана цифрами. Они были разной величины, написаны вкривь и вкось, иногда даже перекрещивая друг друга, но везде одни и те же: 84, 2. Ребята подошли к сосне, на которой висел портрет, и обнаружили расщелину примерно на высоте своего роста. Пули не было видно. Петя положил рисунок в карман, и они с Федей, не упуская из виду Кустова, двинулись по его лыжне. На опушке леса ребята остановились. А Кустов уже подходил к деревне. Они наломали сосновых веток и пошли домой по своей старой лыжне. Огромная ель в углу беспаловского огорода уже потемнела до самой вершины, когда они подходили к ней. Почувствовав себя вне опасности, ребята кинулись вперегонки. Черепан первый подлетел к ели, бросил на снег сосновые ветки, обнял елку, задрал голову кверху: лиловые сучья густой лестницей подни-

мались к вершине. Весной в сумерки на ней любил распевать дрозд. Толстый Федя медленно приближался к ели.

— Федь—Федь—Федь! — засвистал Черепан, подражая дрозду.

— Чай пить! Чай пить! Чай пить!

— С сахаром! С сахаром! С сахаром!

Федя бросился на Черепана, и они еще долго барахтались в снегу.

Глава двенадцатая

«Сомнительно» — написал на снегу Петя. Он вспомнил, как Шурова вчера на уроке оговорилась: 6 × 6 = 34, а Василий Иванович сказал:

— Сомнительно!

«Сомнительно» — написал Петя опять на снегу, но уже более крупными буквами.

Каникулы кончились, и Черепан стоял на разведке у школы за кустом акации. Ребята тренировались к маневрам. Охотники и допризывники будут защищать сельсовет. Начало военных действий в семь часов вечера. Школьники с учителями должны взять сельсовет штурмом.

— Стой! — крикнул Черепан, увидев выглянувшую из-за угла Шурову. — Я тебя убил.

— Вот невидаль! — сказала Катя. — Я еще до тебя убита. Скажи, что по географии сегодня задано. Я была на кухне дежурной.

Петя почувствовал какую-то хитрость.

— Обзор Азии, — ответил он.

— Готов! — крикнул Александр Иванович, больно ударяя Черепана деревянной саблей по спине.

— Не зевай, — сказала Катя. — Пойдем в плен!

Она привела его на парадное крыльцо.

На перилах и ступеньках сидели «пленные» и «убитые». Федоров вертел ручку трещотки, означавшей пулемет. Хропов по обыкновению что-то рассказывал, но Петя не стал слушать. Он сел на перила и начал барабанить пятками по перекладинам.

— Перестань! — сказала Шурова, сидевшая рядом.

Черепан продолжал стучать. Катя удивленно посмотрела на него:

— Блажной какой!

— 34, — сказал Черепан.

— Гибрид, — ответила Катя.

— Ворона!

— Сам хуже!

Черепан смолчал.

— О чем ты думаешь все? — спросила Шурова.

Черепан не ответил.

— Ну и сиди, как сыч! — сказала Катя, отходя.

Растрелянный портрет Некрасова, таинственные цифры на обратной стороне рисунка и все поведение Кустова на лесной поляне казались Черепану сомнительными.

Кому грозил тогда кулаком Кустов? Зачем с такой злобой целился в портрет?

Постепенно у Черепана возникло подозрение, что Кустов хочет застрелить Александра Ивановича. Но Петя сам понимал, что никаких серьезных оснований подозревать Кустова у него нет. Он поделился своими сомнениями с Федей. Но Федя только посмеялся над ним. Ему хотелось рассказать обо всем Алексею Мартыновичу, но не решился. Ведь Сашка сам слышал в сарае разговор Посошкова с Кустовым, но ему не поверили. А тут портрет, какие-то цифры. Алексей Мартынович только посмеется, а то и рассердится. И так колхозники говорят, что эти маневры до добра не доведут. А если ничего не случится, тогда все будут звать Петю трусом: маневров испугался. Вот и Федя не верит, что грозит беда.

«Подожду еще, не скажу, — решил Черепан и на этот раз. — Еще успею сказать Аркаше».

Аркаша под'езжал к крыльцу на своей кобыле. По озеру шли в сельсовет из Сосенки допризывники и охотники. Они пели. Петя встал на перила крыльца и увидел певцов. Из всех голосов выделялся бас Кустова. Он шел отдельно от всех. Высоко подняв над головой палку, Кустов делал ею широкие вращательные движения, как будто хотел улететь. Черепан вспомнил, что на поляне в лесу парень так же вращал палку над головой, и Пете стало неприятно. Страшные подозрения опять овладели им.

«Что стоит, — подумал он, — выстрелить Кустову настоящей пулей, когда мы пойдем в атаку на сельсовет. Никто и не узнает, кто выстрелил».

Допризывники подходили к сельсовету и скрылись за крутым откосом берега. Черепан отвернулся от озера.

— Школьникам почет! — крикнул Аркаша, соскакивая с коня.

На левой руке у него была белая повязка. Аркаша выбран главным посредником. В кармане его тулупа торчал полевой устав. Воротник тулупа был отогнут, папаха нахлобучена до бровей, но он ловко спрыгнул с лошади.

— А ну, — сказал Аркаша, — какой род войск наиболее пригоден для ночных боев?

— Пехота! — ответил Федоров.

— Естественно, пехота! — сказал Аркаша, покрывая своим тулупом лошадь.

— А когда используется артиллерия в ночном бою? Когда? — спросил он Александра Ивановича, но сам же, с уважением стукнув себя по затылку, ответил: — Для поддержки пехоты, только тогда, когда противник откроет свой огонь. Вот! Не знаете!—помахал Аркаша полевым уставом.—Глава IX. Наступление на обороняющегося противника, раздел седьмой, параграф двести сороковой! Надо знать! Как я! Всю ночь зубрил. Петро! Веди меня на твою койку. Спать хочу!

В спальне, уже сняв валенки, он подбежал к форточке и крикнул:

— А ну! Кем выполняется в зимнее время охранение и связь на походе?

— Лыжниками! Лыжниками! — закричали ребята.

— Теперь спать! — сказал Аркаша. — Разбуди, Петро, через два часа. Ровно в восемь.

— Аркаша! — сказал Черепан.

— Что? — спросил Аркаша уже в кровати.

— Я боюсь!

Аркаша открыл глаза.

— Сашку убьют.

— Балда ты: так ведь это понарошку.

— Кустов убьет.

— Ерунда! Трус ты, Петро, — сказал Аркаша, зевая. — Задай Бове сена.

Успокоенный, Черепан вышел на улицу. На дворе встретился Ефим Ефимович.

— Пойдем, Петя, я тебе покажу инфузорий, — сказал учитель.

В квартире Ефима Ефимовича было очень тепло и чисто. На столе тикали часы. В детской кровати лежал голый сынишка учителя и сучил ножками.

— Ходит, — сказал Ефим Ефимович, зажигая лампу.

Черепан наклонился над кроватью, и ребенок схватил его за нос.

— Иди, Петя, — сказал учитель, настроив микроскоп.

Черепан закрыл левый глаз ладонью, а правым стал смотреть. Сначала он увидел круг, желтый и большой, как солнце. Приглядевшись, он заметил на солнце пятна. В пятнах извивались серые пузырчатые закорючки.

— Видишь? — спросил учитель.

— Вижу.

— Сколько?

— Много, — сказал Черепан, — не сосчитать.

Большая книга в зеленом переплете лежала сбоку. Петя открыл левый глаз и прочитал: «В. И. Мичурин. Итоги шестидесятилетних трудов».

Инфузории исчезли.

— Иди-ка, брат, вымой руки да с мылом!

Когда Петя вернулся к столу, Ефим Ефимович заставил его показать пальцы.

— Хорошо, — сказал учитель и положил зеленую книгу на середину стола, — страницы перевертывай вот так: за верх, пальцев не мусоль, — и показал рисунок яблока, о котором говорил осенью на уроке.

Яблоко действительно было гигантское. Рядом оно же изображалось в разрезе. Коричневые семечки на желтой мякоти смотрели совсем живыми. Петя в восхищении перевертывал страницы. Перед ним проходили огромные груши-дюшес нежножелтого цвета, оранжевые абрикосы без косточек, персики, разноцветный виноград и даже гроздья черемухи, смородины, каждая ягода которых не уступала по величине обыкновенным ягодам вишни.

— С Белоусовым теперь не дерешься? — спросил учитель. — Эх, хороши! Мы тоже такие вырастим. Ну, ладно, иди! Потом досмотришь.

Февральская луна поднималась над черными деревьями парка. С карты долетал до Черепана осторожный треск пулеметов-трещоток. Петю снова охватило беспокойство.

«Что же я, — думал Петя, — не сказал Ефиму Ефимовичу. Ведь он сам спрашивал про Сашку».

Черепан опять уверился, что Кустов убьет.

«Сашка не врет — никогда не врет», — это Черепан твердо знал. «Значит, он на самом деле слышал Кустова в сарае. Кустов знает, что ему помешал в краже Сашка, — продолжал думать Черепан. — Ему что курицу, что человека. А если Кустов убьет, то Посошков испугается и уже совсем не выдаст Кустова».

Незаметно для себя Черепан прибавил шагу и побежал.

Аркашина лошадь спокойно жевала сено.

— Бова! — сказал Черепан. — Бова!

Лошадь удивленно посмотрела на мальчика.

На часах в зале не было еще и половины восьмого. Будить Аркашу еще рано. Черепан побежал на площадку.

Ребята строились по классам. На острых гранях мавзолея блестел лед. Перед входом в мавзолей стоял Алексей Мартынович. Его рыжие усы, охватывавшие подбородок, заиндевели. Справа в черной тени стояли Петр Захарович, Ефим Ефимович и Василий Иванович. Лыжники — особый отряд, разведка и связь — выстраивались слева от мавзолея. Черепан проскочил сзади педагогов. Федя молча подал ему лыжи. Александр Иванович стоял впереди, в особом летучем отряде лучших лыжников школы. Через плечо у него висела деревянная сабля. Рядом с Федей стояли Катя, Настя и Валя. Черные волосы Кати выбивались из-под зеленой шапочки и блестели. Ворона с закрытыми глазами сидела у нее на плече, изредка разевая клюв.

— Спать хочешь, Галочка? — спросила Катя и увидела Черепана.

Петр Захарович стал рядом с Алексеем Мартыновичем и поднял руку. Все посмотрели на него.

— Равняйсь! — скомандовал учитель.

— Смирно! — ребята уже не двигались.

Командир раз'яснил задачи похода. Подозвал к себе командующих отдельными отрядами, шопотом отдал им приказания и, опять подняв руку, об'явил:

— Сигнал к общей атаке — красная ракета над Вдовьей березой.

Потом скомандовал:

— Вперед!

Колонны, выслав охранение и разведчиков, начали расходиться. Черепан, выскользнув из рядов, подошел к Петру Захаровичу и получил разрешение отлучиться, чтобы разбудить Аркашу. Александр Иванович увидел, как Черепан побежал к общежитию.

— Гузало под печку бежит, — сказал он Хропову.

Аркаша спал на спине.

— Аркаша! Аркаша! — кричал Черепан.

Но почтальон спал так крепко, что ничего не слышал. В полосе лунного света его лицо с раскрытым черным ртом казалось мертвым. Петя бросился обратно к мавзолею, но там уже никого не было. Тогда он помчался к квартирам педагогов.

— Людмила Михайловна! Людмила Михайловна! — кричал Петя, стуча кулаком по двери. Наконец, подошла учительница.

— Кто тут? — спросила она из-за двери.

— Я! Черепанов! Людмила Михайловна! Откройте!

— Отстань. У меня зубы болят!

Черепан услышал уходящие шаги и снова бросился в спальню. Почтальон попрежнему без движения лежал на спине. Петя схватил папаху Аркаши и выбежал на крыльцо. Стянув с лошади тулуп, он надел его на себя и, путаясь в полах, подвел лошадь к крыльцу. Бова второй раз удивленно посмотрел на него, но не противился. Подняв воротник, надвинув папаху на глаза, Черепан помчался к сельсовету, чтобы рассказать председателю о своих подозрениях на Кустова.

Отряды ребят двигались на сельсовет. Колонна шестиклассников шла длинной цепочкой. Василий Иванович шел впереди. Он часто падал в снег, и вся колонна ложилась за ним. Тогда длинная цепь ребят походила на извилистый ряд пеньков среди кустарников на склоне озера. В открытых местах ребята ползли на брюхе поодиночке. Вскоре они залегли густой цепью в кустах под сельсоветской горой, ожидая сигнала к атаке.

Летучий отряд лыжников и седьмой класс быстро продвигались долиной школьного ручья, чтобы выйти в заплотьевское поле, в тыл сельсовету. Александр Иванович шел впереди всех в белом балахоне с обнаженной саблей. Несмотря на лунный свет уже метрах в двадцати его было трудно заметить. Вдруг товарищ Старый, командир летучего отряда, тихо свистнул. Александр Иванович спрятался за елку. Совсем рядом, справа, на лыжах ехали два неприятельских разведчика с ружьями в руках. Товарищ Старый пропустил их мимо и негромко скомандовал:

— Руки вверх!

Разведчики схватились за ружья, но, увидев себя окруженными, сдались. Пока все шло благополучно. Стояла полная тишина. Что делалось у неприятеля, было, однако, неясно. Отряд подошел к полю. Старый, нагнувшись, помчался к изгороди и упал под елку. Он поднял руку, и Ефим Ефимович, скользнув по открытому месту, лег рядом с комсомольцем. Белоусов ринулся третьим.

В окнах председателя светились огни. Гладкая поляна со скатом к сельсовету лежала за изгородью. На лыжах можно было ее проскочить минуты в две. Правда, перед самым сельсоветом шла густая липовая аллея, а за ней — это все знали — тянулась канавка, природный окоп, в котором могли залечь стрелки противника с пулеметами. Этим, вероятно, и об'яснялось то, что неприятель, понадеявшись на разведку, не занял позиции вдоль изгороди. Теперь все напряженно ждали взлета ракеты.

По прямой дороге на сельсовет двигались пятиклассники. У Вдовьей березы Петр Захарович делал приготовления к пуску ракеты. Хропов, Беспалов и бригада Кати шли в охранении, пробираясь на лыжах среди кустов. В это время по дороге рысью промчался Черепан. Мельком увидел он Хропова и Федю с поднятыми вверх руками. Они стояли, окруженные развед-

Черепан вбежал в дом с криком: — Кустов, Кустов! Он убить хочет!

кой противника. Катя лежала за кустом в снегу. Ворона прыгала вокруг нее и кричала. Черепан слышал, как столяр, тоже бывший посредником, сказал:

— Придется в плен идти — попались!

Ребята опустили руки и пошли впереди допризывников. Черепан мчался дальше. У моста через Живой ручей из-за дерева выступил ему наперерез охотник с ружьем.

— Пароль! — крикнул он.

Но, увидев на рукаве повязку и приняв Черепана за Аркашу, быстро отпрыгнул в сторону. Бова вынес Черепана к парадному крыльцу сельсовета. Мигом кинул Петя вожжи и, волоча за собой длинный тулуп, бросился на крыльцо. На последней ступеньке он запнулся и упал. Красная ракета высоко взвилась в зеленом лунном небе. Поднимаясь, Черепан видел, как она рассыпалась на мелкие огненные брызги. И в то же мгновенье со всех сторон обрушилось ура, треск пулеметов, гул ответной ружейной пальбы.

Черепан вбежал в дом с криком:

— Кустов! Кустов! Он убить хочет!

Милиционер схватил его и оттащил от дверей кабинета председателя к окну. Петя рвался, кричал. В комнате было почти темно. В углу плакала Оля. Но ни криков Черепана, ни плача Оли в шуме боя не было слышно. Длинной, колеблющейся цепью бежали от озера в гору шестиклассники. С поднятой саблей пробежал под окном Александр Иванович. Видно было, как одна из его лыж скользнула по лунному снегу навстречу бегущему от озера Василию Ивановичу. Белоусов первый ворвался в сельсовет.

— Штаб арестован! Прошу сдаться! — закричал Александр Иванович и ударил по двери председателя так сильно, что сабля разломилась надвое.

Милиционер схватил и его. Воспользовавшись суматохой, Петя кинулся к Бове и помчался к школе.

Аркаша встретил Черепана у мавзолея.

— Слезай! — сказал он мрачно.

Петя покорно слез с лошади.

Аркаша сорвал с него шапку, тулуп, вскочил на коня и умчался. В спальне Черепан машинально разделся, забрался с головой под одеяло, но заснуть не мог. Вскоре пришли шестиклассники; они весело смеялись и много рассказывали про поход.

Глава тринадцатая

— Трус подпечный! Гузало! — сказал Александр Иванович, прямо посмотрев в лицо Пете. Черепан шел за водой для кухни. Он поставил пустое ведро на ступеньку лестницы.

— Плакса! Трус! — повторил Александр Иванович и ткнул Черепана в грудь сломанной саблей.

— Я не трус! — сказал Петя, побледнев.

Он хотел ударить Белоусова, но вместо этого взял ведро и повернулся, чтобы идти к проруби.

— Получи же! — крикнул Александр Иванович, толкнув Черепана в спину.

Петя покатился по обледенелым ступенькам. Ведро ударило Петю по плечу, дребезжа прыгало сбоку и, наконец, обогнало. Сверху доносился хохот ребят. Черепан встал на ноги у самой проруби.

Александр Иванович стоял наверху. Он плюнул вниз и бросил в Черепана саблей. Петя сжался. Сабля больно ударила между лопаток.

— Пойдем, ребята! — скомандовал Александр Иванович.

Черепан остался один. Бока ломило. Колени саднило. Между лопаток, казалось, был воткнут кинжал.

Раздался звонок. Но Черепан не пошел в класс. Обида, боль, негодование мешали ему думать. Он шел по дороге к Сосенке. Холодный ветер освежающе дул в лицо.

Когда-то давно-давно ночью он бежал от Горыныча в школу. Озеро было бурно, звезды прыгали в воде. А теперь все замерзло, лед, снег, холодно. Петя обратно идет в Сосенку.

— А что теперь скажет Горыныч?

Тетя Глаша ждет воды, идут уроки. Катя одна сидит за партой. Ефим Ефимович рассказывает что-нибудь интересное.

Черепан вернулся. Он пошел в зал.

— ...а + в, деленное на с, равно а — в, — диктовал Василий Иванович.

Людмила Михайловна спрашивала шестиклассников. Ефим Ефимович об'яснял осмотическое давление. Все было так привычно, что Пете захотелось постучаться в класс, сесть, как всегда, рядом с Катей. Но он не постучался, не вошел в класс. Тяжелая обида опять сдавила ему горло. Не помня себя, бросился Черепан из школы и побежал к мавзолею Ленина.

Катя сидела на парте одна. О происшествии на лестнице она узнала от Насти. Ей стало казаться, что Петя бросится в прорубь. Она боялась за Черепана и ненавидела Александра Ивановича. На каникулах Катя прочла заметку о подвиге Белоусова и подружилась с ним. Теперь ей стало стыдно, что вчера она обманула Черепана, поругалась с ним. Ефим Ефимович продолжал об'яснять, но Катя даже не смогла бы сказать, о чем говорил учитель. Она смотрела в окно. Как раз в это время Петя скрылся в мавзолее.

Катя подняла руку.

— Ефим Ефимович, — сказала она, — разрешите выйти.

Учитель удивленно посмотрел на нее. Катя покраснела.

— Иди!

В мавзолее было темно и холодно.

— Черепаха! Черепаха! — тихо позвала Катя. — Черепанушка!

Черепан не отзывался.

— Петя, что же ты не отвечаешь? Я знаю: ты тут.

Черепан молчал.

Катя пошла в самый темный угол. Ее рука, скользя по стене мавзолея, натолкнулась на щеку Черепана. Щека была мокра.

— Ты плачешь? — спросила Катя.

— Ничего подобного! — сказал Черепан, утираясь шапкой.

Катя опять тронула пальцами петину щеку.

— Я все знаю. Я с тобой дружить буду!

— Отстань! — крикнул сердито Черепан.

— Ну, как хочешь, — сказала Катя, намереваясь уйти.

— Катя! — позвал ее Черепан.

— Что?

— Ты на меня сердишься?

— За что? — спросила Катя.

— За то, что я на маневрах не был.

— Нет, — подумав, ответила Катя, — может, ты больным сделался.

— А я тебя видел, — улыбнувшись сказал Черепан, — как ты под кустом лежала, а Галка все тебя звала. Еще Федьку с Хроповым в плен уводили.

— Вот, гаденыш. Кричит! Я так и думала, что меня откроют.

— Ага, — сказал Черепан, — только они не догадались.

— А как же ты меня видел?

— Не скажу!

— А вот скажешь!

Катя села рядом с Черепаном, и Петя рассказал все, как было.

Уже раздался звонок на перемену, потом опять на урок, а они все разговаривали.

— Пойдем, — сказала Катя, — расскажем все Алексею Мартыновичу.

— Я не пойду, — ответил Черепан.

— Трусишка! — сказала Катя, но Черепан не обиделся.

Катя пошла одна.

У директора сидели председатель сельсовета, Аркаша, агент, который приезжал в Сосенку с собакой, и милиционер. В комнате было накурено. Над головой Кати узорами качался сизый дым.

Она рассказала, как расстреливал Кустов портрет Некрасова. Алексей Мартынович переглянулся с агентом и велел позвать Черепана. Агент внимательно выслушал Черепана и велел ему, Кате и Феде молчать обо всем.

Среди ребят держался упорный слух, что Кустов сбежал в Ленинград и будто бы его там арестовали. Все также знали о ночной поездке Черепана в сельсовет, но зачем ездил тогда Черепан, никто даже и не догадывался.

Александр Иванович уже понимал, что Петя — не трус. Иногда ему хотелось побить самого себя. В один из таких порывов он с силой ударил кулаком по перилам лестницы на том месте, где толкнул Черепана, и сильно ссадил себе руку. Петр Захарович заметил ранку и велел Белоусову идти на перевязку.

Перевязку делала Оля. В амбулатории, кроме них, никого не было.

— Кто тебя укусил, мальчик? — спросила Оля.

Но Александр Иванович ничего не ответил. А когда она окончила перевязку, сам спросил ее:

— Оля, почему ты плакала тогда в сельсовете?

Оля смутилась и тоже ничего не ответила.

После того как в спальне гасили лампу, Александр Иванович ложился на спину, закидывал руки за голову и думал. Но ничего у него не выходило. Он только спрашивал себя, а ответов не находил.

«Почему тетя Груша лгала, что у нее Кустов пил чай в ту ночь? Почему Кустова арестовали, если мне не поверили, что он крал картошку? Зачем Черепан ездил в сельсовет на аркашиной лошади?»

От этих вопросов не мог отделаться Александр Иванович. Одно было ясно: Черепан не проспал маневров, не струсил, и напрасно он столкнул Петьку с лестницы.

Тогда Белоусов взмахивал забинтованной рукой, словно в ней была сабля. Спавший на соседней койке Федя просыпался и спрашивал Александра Ивановича:

— Что ты?

— Спи, — отвечал Белоусов, повертывался на другой бок и засыпал.

Когда арестовали тетю Грушу и дядю Кустова, бывшего щеглуновского лакея, Александр Иванович еще больше почувствовал свою вину перед Черепаном. Ему было стыдно встречаться с ним. Ему казалось невозможным оставаться в одной школе с Петей. Он пошел к Алексею Мартыновичу и сказал:

— Я к отцу хочу!

— Далеко! — ответил директор. — Впрочем, я тебе устрою поездку.

В школу опять приехал агент с собакой. После уроков об'явили о собрании. За столом, покрытом красной скатертью, сидел агент. Рядом с ним, на полу, лежала Кальва. Закрыв глаза, она уткнула морду в передние лапы и только поводила ушами. Ребята из задних рядов привстали, чтобы ее увидеть. Бронзовый бык стоял на столе у графина с водой.

— Чтобы не расстроить маневров и не волновать вас, ребята, — начал Алексей Мартынович, — мы многое от вас скрывали и, пожалуй, напрасно.

Все слушали, стараясь не проронить ни одного слова директора. Алексей Мартынович рассказал о том, что перед началом маневров председатель сельсовета велел осмотреть ружья у всех допризывников и охотников, защищавших сельсовет. Ружье Кустова было заряжено боевым патроном. Председатель арестовал его и стал допрашивать. Медсестра Оля, прикомандированная к отряду допризывников, узнав об аресте Кустова, показала, что Кустов ее подбивал украсть из аптеки яды, но она не соглашалась и

думала, что Кустов шутит. Тогда Алексея Мартыновича вызвали в сельсовет.

— Вот почему, — сказал директор, взглянув на Петю, — Черепанов не мог меня найти.

Петя, красный, стоял у двери.

— Черепанов поступил, как прекрасный пионер и достойный товарищ, — продолжал директор. — На лесной поляне в снегу он нашел рисунок Кустова. У него зародились подозрения, что Кустов хочет убить нашего товарища Белоусова. Но когда Петя примчался в сельсовет, то мы в кабинете председателя уже допрашивали Кустова, и милиционер его не пустил, а мы из-за шума атаки даже не слышали, как Белоусов нас арестовывал.

Директор улыбнулся. Все посмотрели на Александра Ивановича. Белоусов чувствовал себя уничтоженным. Катя с презрением смотрела на него.

— Кустова отправили в город, но, к несчастью, он сбежал из-под конвоя. Вот тут-то, — директор поднял голос, — и пригодились наблюдательность Черепанова и добросовестные показания Оли. Оля сказала нам, что Кустов во время своей болезни подарил ей портрет Некрасова. Черепанов сообщил, что Кустов исписал портрет цифрами 84, 2. Когда Кустов сбежал из-под конвоя, то он и был снова арестован в Ленинграде, на улице Некрасова, дом 84, квартира 2! Враги народа его приютили, но они промахнулись!

Агент подал Алексею Мартыновичу обыкновенную курительную книжку.

— Можете прочесть.

Алексей Мартынович медленно перебрал пальцами тоненькие листочки книжечки в розовой обертке.

— Это, — сказал директор, — письмо бывшего лакея Кустова своему барину князю Щеглунову в Германию:

«Милостивый князь, барин и благодетель наш Федор Федорович! Желаем здоровья и долголетия в вашей уважаемой жизни. А еще доношу дом и усадьба ваша в цельности. Комнаты, которые пропилены для классов, а так все в цельности».

Все взглянули на пропиленную стену класса: класс явно состоял из двух комнат.

«А серебро ваше, ваше сиятельство, у меня почти что в сохранности, и многие предметы вашего сиятельного обихода по сю пору целы. Скатерка суконная, красная...»

— Вот она! — указал на стол Володя Старый.

— Не мешай, Володя, —сказал Алексей Мартынович.

«...и обожаемый вами бронзовый бык с вашего письменного стола у них в учительской. Портрет вашего сиятельства кисти бесценной супруги вашей (царство ей небесное!) висит в гостиной, только на изворотe намалевали ихнего бандита».

Петя взглянул на портрет Мичурина.

«А еще доношу дела идут, прямо сказать, ваше сиятельство, неважно. Если вы, ваше сиятельство, в отдалении вашем помните вашего жокея Маура мальчишку (еще ее сиятельство, изволите, может, помнить, сапожки ему подарили, когда отец его на вашей каурой кобыле Авроре для вашего сиятельства первый приз взял), так теперь он председателем нашего колхоза состоит. И я, было, к нему подходы делал, так он даже в ум не берет. Чего уж, ваше сиятельство, пастух ваш Горыныч, когда я стал намекать на прежнее хорошее житье, то его деревенские выражения о вашем сиятельстве описать затруднительно. Посошкова заплотьевского, с которым вы, ваше сиятельство, про бога толковать любили, арестовали. Одна надежда, ваше сиятельство, на войну».

— По шеям и получат! — крикнул Александр Иванович.

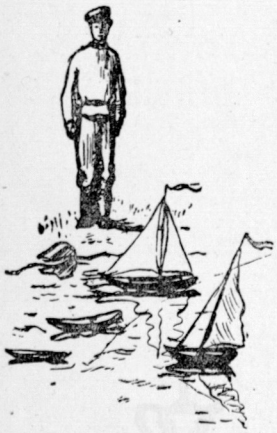
— Вот так! — сказал Володя, показав увесистый кулак.

Алексей Мартынович продолжал:

«И еще прошу, ваше сиятельство, Кустова Лексея, вашего крестника (под самый тот день, как царя согнали, крестить изволили) племяша моего не оставьте, ваше сиятельство, вашими щедротами, а ему тут боле делать нечего».

— Все! — сказал Алексей Мартынович.

Глава четырнадцатая



Лед на океанах и морях побурел, стал проваливаться, и ребята перестали кататься. Мавзолей подтаял, и его отдельными глыбами отвезли на санках к Северному полюсу. Провели реки. На Днепре построили плотину и шлюзы. Москву превратили в порт пяти морей. Прорыли канал между Волгой и Доном. Федоров надолбил в мастерской лодочек, и целый флот плавал по рекам и морям.

Приближались первомайские праздники, а за ними испытания.

Володя Старый созвал пионерский сбор.

Алексей Мартынович тоже пришел к пионерам.

— Алексей Мартынович! Кто больше герой: Белоусов или Черепанов?— спросил голос с задних парт.

— Скажи-ка лучше, Федоров, с кем ты будешь соревноваться?

— Алексей Мартынович! — сказал, поднимаясь Хропов. — А я думал, что это зря.

— Что зря?

— А то. У нас в Баньковской школе соревновались. А кто в году лучше учился, тот и на испытаниях победил.

— А ты будешь соревноваться?

— Я-то буду, — сказал, не торопясь, Хропов, — у меня и противничек есть подходящий.

— Кто? — спросил Алексей Мартынович Хропова.

— Эх, и противничек! Катя Шурова!

Катя приняла вызов Хропова.

Петя поднял руку.

— Ты, Черепанов, говори! — сказал Володя.

— Я вызываю на соцсоревнование Белоусова по всем предметам! — сказал Черепан. — Вот! — и сел снова на свое место.

— Молодец! — сказал Алексей Мартынович. — А ты, Белоусов, принимаешь вызов Черепанова?

Белоусов сидел, не отвечая.

— Что же ты? — спросил его Володя. — К тебе Алексей Мартынович обращается.

— Я, — сказал Александр Иванович, — вызов Черепанова не принимаю.

— Он только драться ловок!

— Катя! Тебе говорю, помолчи! Почему? — опять спросил Александра Ивановича Володя.

— Потому что... потому что мы в разных классах.

И как Володя ни старался его убедить, говоря, что программа в классах «А» и «Б» одинакова, учителя одни и те же, но Белоусов от вызова Черепанова все-таки отказался.

Но однажды Федя назвал Александра Ивановича Сашей. Александр Иванович посмотрел на него с недоумением, думал, не ослышался ли. Но Федя не заметил удивления Александра Ивановича.

— Саша, — повторил он, — почему ты не запишешься в кружок юных натуралистов?

В тот же день Белоусов сам подошел к директору.

— Алексей Мартынович, — сказал он, — переведите меня обратно в 5-й класс «А».

— Зачем? — спросил директор.

— Я хочу соревноваться с Черепановым.

На другой день Александр Иванович снова сидел в 5-м классе «А», на задней парте, рядом с Федоровым.

— Держись, Черепанушка, не подкачай, — шепнула Катя, когда после Александра Ивановича Алексей Мартынович спросил Черепана.

И Петя ответил про богов греческого Олимпа не хуже чем Белоусов про Александра Македонского. Теперь, повторяя программу перед испытаниями, учителя спрашивали Белоусова и Черепанова одного за другим.

Александр Иванович сделался усидчивым, читал, писал, на улице бывал мало. Даже первомайскую демонстрацию он просидел дома, сказавшись больным.

Черепан же большею частью проводил время на карте мира.

Яблочные семена, посеянные осенью, взошли, и маленькие яблоньки быстро развивались. Черепан пересадил несколько яблонек на место, где зимой стоял мавзолей.

— Это идея! — сказал Ефим Ефимович.

— Это треба разжувати! — добавил Петр Захарович, любивший иногда блеснуть знанием украинского языка.

И под их руководством ребята распикировали все яблони широкой, косой полосой от Чудского озера до Ульяновска и Саратова. С этого все и началось. К северу от полосы яблонь устроили питомник дубов, кленов. Еще севернее насадили маленьких сосенок, елей, пихт. К югу Ефим Ефимович развел питомник трав; на юг Украины и на Кубань Катя предложила высадить из парников дыни, арбузы, табак. Она же побежала в класс и схватила с окна обе плошки с лимонными, абрикосовыми и апельсинными деревцами. Александр Иванович в это время читал в классе.

— Ты куда? — спросил он Катю.

— Открой дверь! В Грузию!

Все с увлечением работали над картой.

— Ту-ту-ту! Ох, устал! Ох, устал!!! — пропыхтел, как паровоз, Федя, направляясь от Москвы к Финскому заливу, чтобы вымыть руки после посадки яблонь. И дорожки стали проводить лишь там, где должны быть железные дороги.

Александру Ивановичу было невесело, хотя соцсоревнование с Черепаном шло удачно. Уж осталось только одно испытание — по географии. По всем предметам Александр Иванович получил «отлично», лишь по биологии «хорошо»; зато у Черепана тоже было одно «хорошо» — по литературе. География должна была решить, кто победит в соцсоревновании. Александр Иванович не сомневался в своем знании географии. Он закрыл книгу и пошел на карту мира. Медленно прошелся Белоусов по всем железным дорогам.

— Петр Захарович, а где же города? — спросил он у воспитателя, стоявшего подбоченясь на Украине.

— Верно! Якие же мы глупые!

— А я обдумал, — сказал Александр Иванович.

И вот раздался звонок на последнее испытание. 5-й класс «А» ожидал Петра Захаровича. Стены были увешаны картинами и картами. На учительском столе, в высоком глиняном горшке, стоял букет из цветущих веток дикой яблони. За окном блестела на солнце морями и океанами карта мира. В СССР среди зелени разных оттенков развевались красные флаги неравной высоты. Александр Иванович с гордостью любовался своим изобретением. Флаги были воткнуты на месте городов. Флажок высотой в сто сантиметров обозначал город со стотысячным населением. Города с населе-

нием меньше ста тысяч не отмечались. Мачта почти в четыре метра высоты стояла на месте Москвы. Ветер полоскал в воздухе полотнище флага. У самого древка четко виднелись золотистые серп и молот. Иногда ветер так натягивал флаг, что можно было прочитать: Москва, столица СССР.

— Идут! — крикнул Федя.

Катя открыла настежь окно. С площадки донесся плеск развевающихся флагов. Дверь открылась, ветер пробежал под картинами и картами. В новом синем костюме и с зеленым платочком в кармане вошел в класс Петр Захарович. За ним показались Горыныч и Аркаша-почтальон. Горыныч был в красной русской рубахе с белыми перламутровыми пуговицами на вороте, в начищенных хромовых сапогах. Его седую, жидкую бороду откинуло ветром на плечо. Горыныч празднично улыбался. Маленький Аркаша закрыл дверь. Ветер утих. Ребята уже стояли, приветствуя вошедших. Катя улыбалась в ответ Горынычу. Петр Захарович положил классный журнал на стол и сказал, смотря на Хропова:

— География — предмет нетрудный, интересный. Я уверен, что все вы, ребята, и ты, Хропов, и ты, Белоусов, и ты, Шурова, — одним словом, все, будете отвечать хорошо и отлично. Товарищ Степанов и Аркадий Игнатьевич будут у нас на испытании представителями от общественности.

Учитель сел на стул, покрутил усы, отставил немного в сторону букет и открыл журнал.

— Белоусов и Черепанов, — вызвал учитель.

Черепанов и Белоусов подошли к карте. Аркаша, закинув ногу на ногу, повернулся к ним вместе со стулом. Горыныч положил жилистые руки на стол, покрытый красной скатертью.

«Сейчас начнется», — думали ребята.

Катя, опершись подбородком на сжатые руки, напряженно ждала вопроса учителя.

Александр Иванович и Черепан посмотрели друг на друга.

Петя тихонько ударял указкой в носки сапог, начищенных до блеска. Красная рубашка была ему узка, и Черепан, вытягивая подбородок, вертел шеей. Смуглое лицо его раскраснелось. Белоусов пристально смотрел на Петю, точно впервые увидел его.

Пете показалось, что Белоусов сильно вырос. Лоб его стал еще выпуклее, а волосы словно выцвели. Одет он был в серый костюм. Пионерский галстук ярко выделялся на белой рубашке Белоусова.

Петр Захарович крутил усы и все еще медлил с вопросом. Черепан посмотрел в сторону класса. Катя уже открывала окно. С площадки донесся плеск флагов.

— Покажи, Белоусов, — сказал Петр Захарович, — как проехать Великим северным путем из Ленинграда до Владивостока.

Александр Иванович с удивлением взглянул на учителя: такого легкого вопроса он не ожидал. Не смотря на карту, Белоусов дал подробный ответ. Когда Александр Иванович назвал море Лаптевых, Горыныч подозрительно посмотрел на него и дернул Петра Захаровича за рукав.

— Вы спросить желаете, товарищ Степанов?

— Море Лаптевых, сомнительно мне, — сказал Горыныч, делая ударение на слове Лаптевых.

Аркаша, как перед маневрами, всю ночь не спал. На этот раз он учил географию. Он взял Горыныча за руку и повел к карте.

— Читай, — велел он Горынычу.

— Скажи, пожалуйста, верно! — согласился пастух.

Черепанову Петр Захарович велел проехать южными морями из Владивостока в Одессу. И Черепан отвечал, не глядя на карту. Но когда он назвал Аденский пролив, придрался уже Аркаша. Он отрицательно замотал головой. Горыныч с испугом посмотрел на Петю. Черепан быстро ткнул

указкой в пролив. Аркаша, не замечая, продолжал мотать головой. Тогда уже Горыныч потянул его к карте.

— У меня в книге не так, — сказал Аркаша, смутившись.

Горыныч опять положил руки на скатерть. Его лицо сияло торжеством и лукавством. Ребятам в классе стало весело. Они еле удерживались от смеха.

Петр Захарович задал Белоусову и Черепану еще несколько вопросов. Они отвечали подробно и быстро.

— А на Алтае, — сказал Петя, показывая Алтай, — есть птичка-оляпка. Там реки быстрые, не замерзают. Она сядет на камень и ловит рыбу. Метель, а она поет!

— Садитесь! — сказал Петр Захарович и поставил Белоусову и Черепанову «отлично».

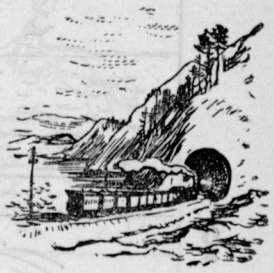
Счастливые и раскрасневшиеся, они сели на свои места. Уже шестиклассники! Пете хотелось сделать что-нибудь особенное, хорошее! Белоусов, слушая ответы Кати, одобрительно тряс головой.

Петя вырвал листок из тетради и написал:

«Александр Иванович, давай дружить!

Петр Черепанов».

Катя визировала планшет на белый камень. Оглянувшись, она увидела, как Федоров передал Белоусову записку Пети.



Александр Иванович хотел уже приставить ладони лодочкой ко рту, чтобы ответить Черепану, но, заметив на себе взгляд учителя, сдержался.

— Петр Захарович, готово! — сказала Катя. — Проверьте!

Учитель подошел к планшету.

— Ага! — крикнул Белоусов Пете.

Петр Захарович ничего не заметил. Он был очень рад. Все ученики отвечали верно и быстро. Только Федя довольно долго искал на карте Везувий, но все-таки сам показал, без помощи.

Белоусова и Черепанова премировали за отличную учебу. Пете от имени школы Алексей Мартынович подарил такую же зеленую книгу, какая была у Ефима Ефимовича. Александр Иванович получил в подарок Альбом строительства мира. Директор сдержал свое обещание: Белоусов поехал на лето к отцу на Дальний Восток. Мать его не захотела бросать хозяйства и осталась дома. Перед от'ездом Александр Иванович несколько часов ходил с Петей по карте мира. У белого камня они дали обещание никогда не забывать друг друга. Петя вместе с Катей, Федей и другими ребятами проводили Александра Ивановича до станции, а Петр Захарович — даже до Ленинграда. Дальше Белоусов ехал один. И в вагоне все его звали Александром Ивановичем. Многое, о чем мечтал Белоусов: огромные сибирские реки, степи, тайгу, горы, озера и города, — все это он увидел сам, собственными глазами. Особенно поразил его Байкал. Было еще утро. Поезд остановился.

«Байкал» — прочитал Александр Иванович на желтом деревянном здании станции. Блестящий, окруженный далекими сизыми горами Байкал гремел гравием прибоя. Белоусов спустился к озеру, помотал рукой в воде. Вода была студеная и прозрачная. Александр Иванович пил пригоршнями и чуть не опоздал к отходу поезда.

Вечером на исходе десятого дня пути справа блеснул Великий океан, и Александр Иванович уже не отходил от окна. В вагоне почти никого не осталось, и он открыл все окна. Было сыро. Низкие тучи белой ватой лежали на дальних берегах Амурского залива. Поезд подбежал к океану и долго двигался по самому краю берега, потом круто свернул влево, и вместо Амурского залива показался залив Золотого рога. Огни Владивостока горели совсем близко. Поезд подошел к вокзалу. Отец взял у Александра Ивановича сундучок, и они пошли в гору по 1-й Матросской улице домой.

Необыкновенные приключения Августа Амадея Иеронима Хуста, доктора и магистра разных наук, знаменитого путешественника и колдуна каннибальского племени Джибарро

Глубоко трагическая и столь же поучительная история в двадцати одном рисунке, художественно выполненном А. М. Каневским по специальному заказу редакции журнала «Пионер» и снабженном самыми подробными пояснениями Л. Лагина.

1

1. Знойным февралем 192... года экспедиция Августа Амадея Иеронима Хуста, доктора и магистра разных наук, плыла вверх по течению широкой и совершенно неизведанной Розовой реки. Лодка, нагруженная доотказу ящиками, медленно двигалась по середине реки. Вечерело. Доктор Хуст внимательно осмотрел в подзорную трубу берега, выбрал, наконец, подходящее место для ночевки и произнес долгожданную команду: «Причаливай!»

2

2. Быстро раскинув палатки, негры-проводники принялись готовить ужин для экспедиции. Доктор Хуст возился у лодки, проверяя целость футляров с приборами.

3

3. Ах как приятно после дневного зноя присесть в тени роскошной пальмы! Кругом тишина, величественный закат. Так и тянет к поэзии. Члены экспедиции, как вы видите, неплохо спелись за долгое время путешествия. Вот тот, крайний слева, конечно, тенор. Он затянул любимую песню: «Их вайс нихт, вас золь эс бедойтен, дас их зо траурих бин», что в переводе на русский язык звучит примерно так: «Я не знаю, с чего бы это мне так взгрустнулось». Справедливость требует отметить, что в этом незнании виноваты были сами члены экспедиции. Если бы они удосужились посмотреть, что делается над их головами, они увидели бы, что для грусти имелись вполне достаточные основания.

4. Ну конечно, на них готовилось нападение свирепого племени Джибарро—больших любителей человечьего мяса как в свежем, так и в вяленом, копченом и вареном виде.

5. И вот как раз в тот момент, когда тенор самозабвенно залился какой-то необыкновенно сладостной руладой и зверски сфальшивил, каннибалы не выдержали и, сотрясая воздух воинственными кликами, набросились на экспедицию.

Мы не будем расстраивать вас ужасающей сценой избиения экспедиции. Поверьте нам на слово, что это было очень грустное зрелище. Отметим только, что соратники доктора Хуста дрались буквально как львы. На худой конец, как тигры. Хотя нет, пожалуй, скорей всего, все-таки как львы.

6. Через несколько минут изо всей экспедиции осталось в живых только два человека: проводник, карауливший лодку и благоразумно ретировавшийся на ней вниз по реке, как только началось это кошмарное нападение, и доктор Хуст, возившийся у берега с фотоаппаратурой.

7. Как раз к нему и подбирался, зловеще щелкая зубами, сам вождь племени Джибарро по прозванию Аракитанаки. Мы обращаем внимание читателей на лицо Аракитанаки. Очень неинтеллигентное это лицо.

— Ага! — воскликнул Аракитанаки на своем каннибальском языке и схватил доктора Хуста за руку. — Как раз тебя-то, голубчика, мне и надо. Давненько я не пробовал мясца работников умственного труда.

Спрашивается: что бы сделал на месте доктора Хуста любой кабинетный человек? Он бы замер от ужаса. Вот Август Хуст и замер.

И в тот короткий миг, когда он еще только начинал замирать от ужаса, он вспомнил милые берлинские улицы и тихий сад, в который выходило окно его кабинета, и фотографии его дедушки и бабушки на стенках гостиной, и доктору Хусту стало страшно грустно и очень захотелось обратно домой, в Германию.

4

5

6

7

8

8. Как раз в ту самую минуту, когда он уже приготовился окончательно умирать, ему чертовски повезло. У него оторвалась рука. Рука осталась в цепкой пятерне посеревшего от ужаса Аракитанаки.

9

9. «Мама!» — воскликнул Аракитанаки на своем каннибальском языке и в свою очередь оцепенел. Он держал в руке оторванную руку этого странного белого человека, и на ней не было видно ни одной капли крови. Правда, если бы он хоть маломальски разбирался в готическом алфавите, он бы увидел на ней фабричную марку «Ортопедическое заведение Иоганна Майера. Дрезден». Однако полное отсутствие навыков в чтении помешало ему разобраться в этой надписи. Он был глубоко потрясен происшедшим и на всякий случай пал ниц.

Тогда сообразительный доктор Хуст немедленно учел своеобразие обстановки и привычным движением вытащил из левой глазницы искусственный глаз. Надменно улыбаясь, он дважды высоко подбросил его на ладони и, довольный произведенным эффектом, торжественно водворил на прежнее место.

10

10. Если раньше у кое-каких маловеров еще существовали сомнения насчет доктора Хуста, то теперь стало совершенно ясно, что они имеют дело с очень могущественным и абсолютно неуязвимым колдуном. И как это ни было грустно для Аракитанаки, последний вынужден был смиренно возвратить доктору Хусту руку, снять со своей шеи и надеть на шею доктора ценнейшее заграничное украшение—ожерелье из импортных консервных банок.

Теперь каждому из наших читателей уже совершенно ясно, как это получилось, что из 10 участников германской экспедиции в джунгли таинственной Розовой реки остался в живых только один, и именно доктор Хуст. Совершенно понятно также и то, почему и при каких обстоятельствах ему пришлось на целых одиннадцать лет сменить свой пост профессора Берлинского университета на менее квалифицированную, но более необычную должность штатного колдуна каннибальского племени Джибарро.

11. Потянулась будничная жизнь колдуна; небольшие познания в области медицины, которые доктор Хуст в свое время приобрел на империалистической войне в качестве ротного фальдшера, немало помогли тому, что у него появилась солидная клиентура из самого избранного джибаррийского общества.

11

12. В свободное время доктор Хуст занимался фотографией, стремясь запечатлеть на пленке нравы и быт этого неизвестного племени.

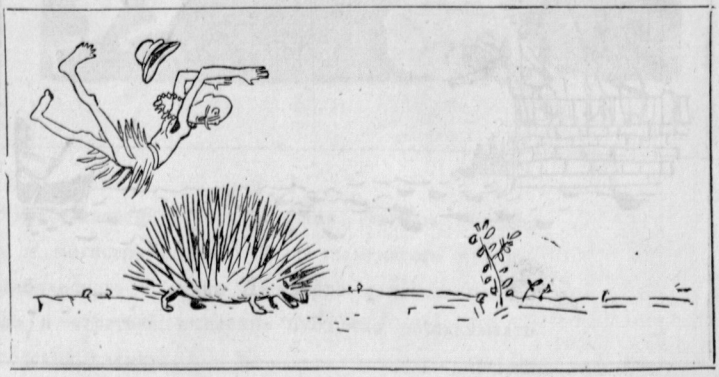
Прошли долгие годы. Одежда и обувь у доктора порядком износились, потом развалились. И только дряхлый тропический шлем сохранил доктор Хуст как память о тех далеких временах, когда он еще ходил в тужурке и брюках установленного европейского образца.

12

13. Он пытался несколько раз убежать, но деревня тщательно охранялась. К деревьям, окружавшим деревню, были привязаны тигры, деловито выполнявшие обязанности ночных сторожей. (Если у кого-нибудь из наших читателей есть на примете парочка—другая тигров, то нет ничего практичней, чем использовать их для охраны разного рода ценностей по способу, показанному на рисунке. Конечно, при помощи тигров охранять нужно только самые дорогие ценности: альбомы с марками или велосипед. При менее ценных вещах тигры не окупаются.)

13

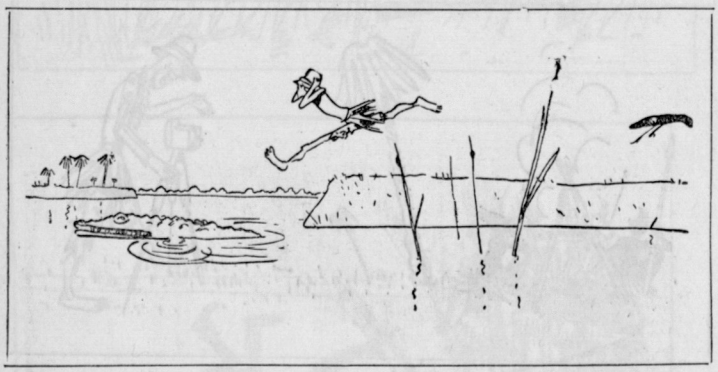
14. Одним словом, только через 11 лет тщетных попыток бегства доктору Августу Хусту удалось, наконец, удрать от обожавшего его племени Джибарро. Мы считаем излишним рассказывать нашим читателям о трудностях продвижения в тропическом лесу. Кто-кто, а они-то уж это дело знают не хуже автора этих строк. Опасности и неожиданности грозили нашему беглецу со всех сторон. Уж, кажется, что может быть безопасней, чем присесть на бугорок отдохнуть. Но бугорок при ближайшем рассмотрении оказался матерым дикообразом, абсолютно не приспособленным для сидения.



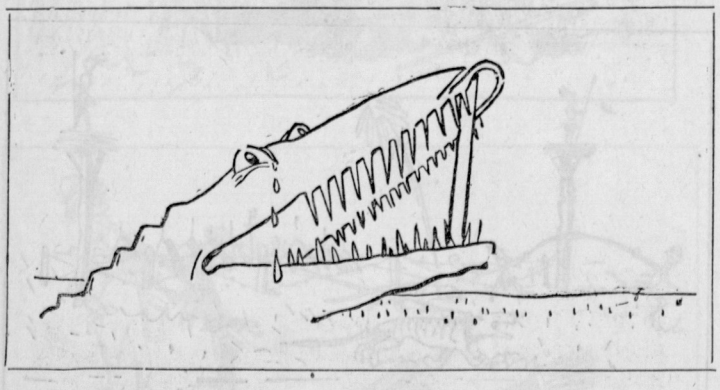
14

15

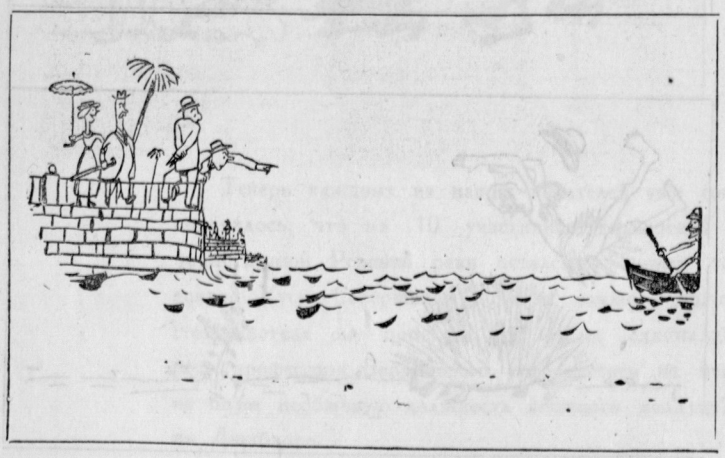
16



17



18



15. Нет, огорчился доктор Хуст, сидеть уж, видно, не придется. И решил выбрать себе на дорогу палку покрепче. Поскольку палка немедленно зашипела, доктор Хуст без труда понял свою ошибку и удрал.

Восемь дней и восемь ночей пробивался он через густую тропическую чащу, питаясь дикими плодами и ночуя на деревьях. В первую же ночь ему пришлось выдержать неравный бой с огромным обезьяньим стадом, ожесточенно швырявшим в него чем попало. Два раза он проваливался в трясины, скрытые под яркозеленым мхом. Восемнадцать раз он, обессилевший, опускался на землю с твердым намерением больше не подниматься и тихо умереть от голоду и жажды. Но, чуть отдохнув, он всегда снова пускался в путь, тщательно обходя малейшие признаки человеческого жилья. Казалось, нет конца его странствованиям и злоключениям.

16. Но вот, наконец, он вышел к реке. Огромный крокодил блаженствовал на берегу. Птичка-зубочистка только что почистила ему зубы, у крокодила было чудное настроение, и он меньше всего думал о неприятности, которая на него не замедлила обрушиться.

17. Теперь вы увидите, что это была за неприятность. Доктор Хуст решил воспользоваться крокодилом в качестве транспортного средства. Улучив минуту, он вставил в разинутую пасть зазевавшегося чудовища колышек. Это подействовало крокодилу на нервы. Он сперепугу хотел нырнуть, но с разинутой пастью не наныряешься. Тогда он быстро поплыл вниз по течению, увлекая на своей спине доктора Хуста.

18. Через некоторое время в небольшом портовом городке, живописно расположившемся у дельты Розовой реки, произошло сенсационное событие: некто дон Гумми ди Арабико, удя утром рыбу, заметил почти голого человека, приближавшегося к устью реки на крокодиле. Увидав дона Гумми ди Арабико, незнакомец спрыгнул с крокодила в воду и вскорости оказался в лодке насмерть перепуганного рыболова. Пять дней все газеты побережья были полны бесчисленными фотографиями доктора Хуста, дона Гумми ди Арабико, снятых как вместе так и порознь.

19. А еще через 15 дней огромный океанский теплоход привез доктора Августа Хуста в пустынную гамбургскую торговую пристань.

Прошло еще несколько дней, и зал самого большого в Берлине театра ломился от публики. Предстоял доклад доктора Августа Хуста для самых избранных кругов фашистского Берлина.

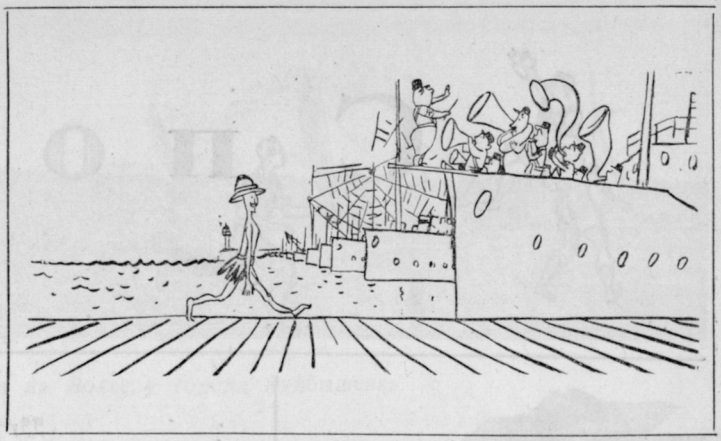
20. Доктор вышел на трибуну под гром аплодисментов и сразу приступил к докладу. Вот когда ему пригодились снимки, заснятые им у дикарей! Хуст начал с подробного изложения основного лозунга Аракитанаки: «Только джибаррийцы — полноценные представители человечества; люди других племен — мясо» для кухонь племени Джибарро. Джибаррийцы созданы для того, чтобы править миром. Джибаррийцы созданы для того, чтобы его завоевать. Джибаррийцы рождены для войны. Высшее счастье джибаррийца — умереть за Аракитанаки. Кто не хочет умереть за Аракитанаки, должен быть убит на месте за отсутствие желания умереть...»

21. Увлеченный изложением этих элегантных идей, пересыпая свой доклад едкими шутками над дикими бреднями каннибальского царька, доктор Хуст не замечал, как рос возмущенный ропот его слушателей. Доктор остановился только тогда, когда в гуле, доносившемся из зала, он различил адресованные ему ругательства. Он был ошеломлен и не на шутку обижен. Под рев аудитории он повернулся и решил уйти с трибуны. Но в тот момент, когда он уже покидал ее, к нему подскочил гориллообразный штурмовик и со всего размаху нанес ему сокрушительный удар дубинкой по голове.

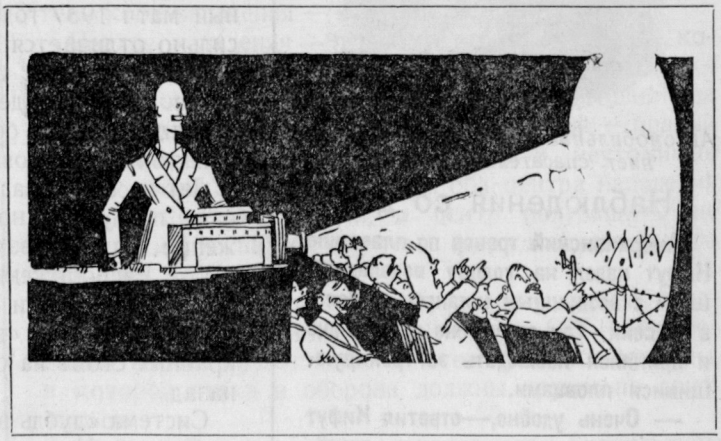
«Боже мой, — подумал доктор Август Хуст в ту миллионную часть секунды, когда он еще мог думать. — Боже мой, зачем я убежал от моих милых каннибалов!»

Так подумал доктор Август Амадей Хуст — и умер. А штурмовик, убивший его, победоносно прокричал:

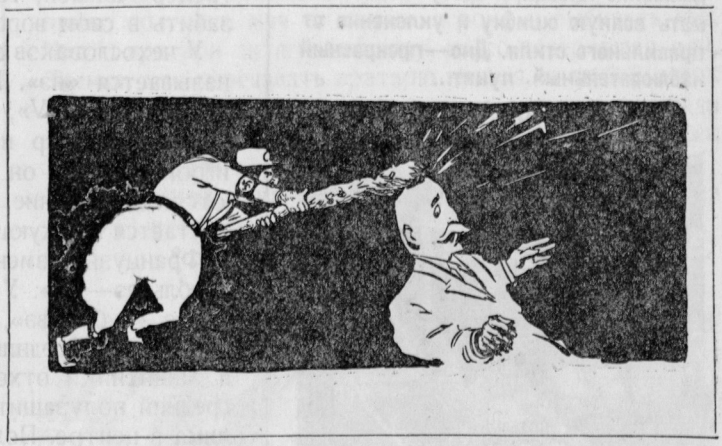
— Так будет поступлено со всеми кто под видом докладов о нравах людоедов захочет издеваться над фашистским режимом!



19



20



21

На этом кончились необыкновенные приключения Августа Амадея Иеронима Хуста, доктора и магистра разных наук, знаменитого путешественника и колдуна каннибальского племени Джибарро, слишком поздно понявшего, что небезопасно в «третьей империи» публично рассказывать о нравах и обычаях людоедских племен.

СПОРТ

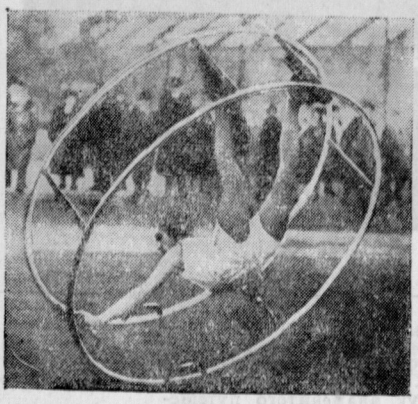
Автомобильная шина вполне заменяет спасательный круг.

Наблюдения со дна

Американский тренер по плаванию Кифут надел на голову водолазный шлем с воздушным шлангом и полез в бассейн. Там он удобно лег на дно и принялся наблюдать за тренирующимися пловцами.

— Очень удобно,—ответил Кифут на вопросы многочисленных зрителей.—Ясно видишь каждое малейшее движение пловца, и сразу можно поймать всякую ошибку и уклонение от правильного стиля. Дно—прекрасный наблюдательный пункт...

Реннское колесо



Упражнения с этим колесом очень полезны для летчиков и шоферов, потому что развивают чувство равновесия.

„Дубль вэ“

— Они играют неправильно! — воскликнул бы зритель футбольного матча 1912 года, попав на футбольный матч 1937 года, настолько теперь игра в футбол сильно отличается от довоенной.

Взять хотя бы тактику нападающих. Раньше нападение старалось держаться в одну линию; некоторые команды считали большим достижением, если их линия нападения шла ровно, как по ниточке.

Лет восемь назад лучшая английская команда «Арсенал» придумала новую тактику для нападения: положение «дубль вэ». Вы знаете английскую букву «W»? Расположение защитников похоже на очертание этой буквы и стало тоже называться «дубль вэ».

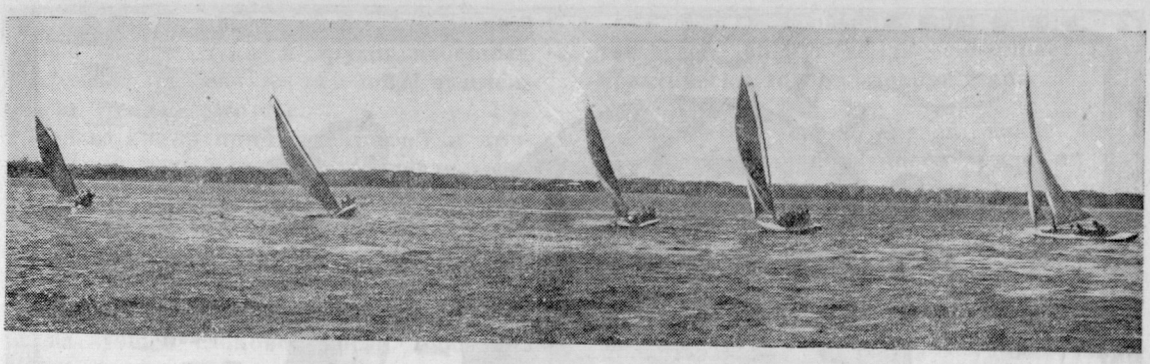
В положении «дубль вэ» центр нападения и оба крайних стоят на одной линии, а полусредние отходят назад.

Система «дубль вэ» требует очень сильной и хорошо сыгранной команды. Она считается защитной системой, и не даром один из ее изобретателей, английский тренер Чэпмен, говорил: «Главное в игре — не дать забить в свои ворота ни одного мяча».

У чехословаков есть своя система для нападения. Она называется «вэ». Игроки нападения становятся дугой вроде буквы «V», широкой стороной к воротам противника. Центр нападения стоит сзади и руководит игрой. Обычно он мячей не забивает, а этим занимаются полусредние, а иногда крайние нападающие. «Вэ» считается атакующей системой.

Французы изменили систему «дубль вэ» в систему «дубль вэ—эм». У них линия нападения стоит по системе «дубль вэ», а защита располагается в форме буквы «М». Средний полузащитник оттягивается назад, а защитники отходят к краям поля. Таким образом средний полузащитник играет как бы третьего защитника в центре. Полусредние нападающие оттягиваются назад, почти к линии полузащиты. Получается, что в команде играют три защитника, четыре полузащитника и три нападающих. Система «дубль вэ—эм» еще более оборонительная чем система «дубль вэ».

В последнее время «Арсенал» вводит новую поправку в «дубль вэ». Так как центр полузащиты оттягивается назад и играет как третий защитник, то прорвать



Состязания яхт на Волге, у города Куйбышева.

Свинцовые подошвы

Перед спортивными состязаниями в Греции и Риме вокруг стадионов часто можно было видеть бегающих людей, которые с трудом поднимали ноги. К ногам у них были привязаны тяжелые свинцовые подошвы. Это был метод тренировки к состязаниям древних легкоатлетов. Перед началом состязаний они снимали эти тяжелые подошвы. Когда они избавлялись от тяжести, они чувствовали особую легкость и им легче было бежать.

Ныряние за тарелочками

Так называется особый вид соревнований в воде. Для него надо трехметровую глубину. На трех квадратных метрах дна раскладывается сто небольших легких тарелочек. Ныряльщик должен собрать и вытащить на поверхность как можно больше тарелочек.

Мировой рекорд сбора тарелочек установил в 1892 году Дальтон: он достал 74 тарелочки. Долго его никто не мог побить. И только в 1931 году в Ленинграде Георгий Петрович Чернов ухитрился вытащить 86 тарелочек, пробыв под водой 2 минуты 10 секунд. Тов. Чернов — отличный пловец и ныряльщик. Ему удалось за последние 10 лет спасти 30 утопавших.

фронт защиты стало очень трудно. Третий защитник, или, как его называют в Англии, «полицейский», специально следит за главной угрозой — центром неприятельского нападения — и мешает ему играть.

Центру нападения — лучшему игроку команды, которого англичане называют «танком» — приходится поэтому очень туго. Тогда «Арсенал» выставил два центра защиты. Один — настоящий, другой — правый край. Оба центра — самые лучшие и неутомимые игроки команды. Во время игры оба центра нападения часто меняются местами, и центр полузащиты не знает, кого из них блокировать (держать) как самого сильного игрока.

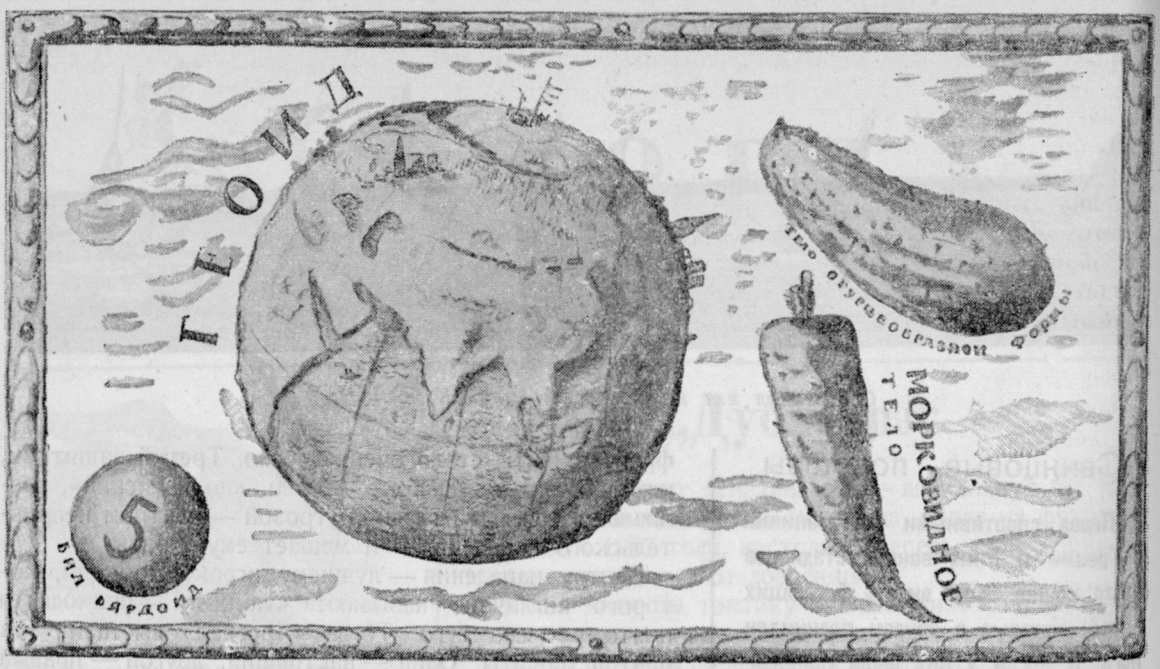
Как видите, заграничные футболисты уделяют защите очень много внимания. У нас, в СССР, футболисты вырабатывают свою собственную систему игры, в которой атака и оборона должны правильно сочетаться.

Недавно Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта изменил некоторые футбольные правила.

Раньше при свободном ударе от ворот вратарь имел право получить мяч от своего игрока и выбивать его. Часто вратари затягивали игру, долго задерживая мяч. Теперь мяч передавать вратарю нельзя, и любой игрок может вводить мяч в игру ударом с линии площади ворот. Надо только, чтобы после удара мяч пересек линию штрафной площадки.

Запрещаются какие-либо разговоры и выкрики на поле во время игры.

В хоккей первыми стали играть индейцы. Этот старинный рисунок изображает индейскую игру в хоккей на земле.



Путешествие вокруг света

Л. Успенский и Л. Зархи — *Рис. П. Кузьмичева*

Земля — шар. Каждый, кто хоть немного знает географию, совершенно уверен в этом. Но огромное большинство из нас совсем не представляет себе, что значат эти два слова: «земля—шар». Это утверждение противоречит всему тому, что мы с рождения и до смерти наблюдаем своими глазами, ощущаем своими ногами. Нам было бы нелегко доказать, что земля действительно кругла как шар, если бы кто-нибудь начал в этом сомневаться. Мы все просто приняли на веру, впитали с молоком матери, затвердили с детских лет эту истину: земля — шар.

А ведь на самом деле она вовсе не шар. Любой ученик средней школы знает, что шаром достойно называться только такое тело, все диаметры которого равны. Полярный же диаметр земного шара короче экваториального на 42 с лишним километра. Уж по одному этому земля — не шар. Скорее, она страшно толстый сплющенный диск, бешено вращающийся и несущийся по вселенной. Так скажут вам те, кто чуть побольше хлебнул географических знаний. Итак, земля — не шар.

Но люди, ставшие еще ступенью выше в области геодезии и географии, добродушно махнут на вас рукой и скажут: «Нет, она шар. Или, если хотите,— не шар. Это все равно. Смотря с какой точки зрения подходить к вопросу».

И действительно, с точки зрения точных наук: геодезии, астрономии, астрономической физики,— форма земл значительно отличается от геометрически правильного шара. Долгое время полагали, что она является «эллипсоидом вращения», или, иначе сказать, «сфероидом». Позднейшие наблюдения показали, однако, что и это определение неточно. Нет, земля—не сфероид: земля—«геоид». А что значит слово «геоид»? Лингвист об'яснит вам: «геоид» значит тело землеобразной формы».

Неправда ли, очень удобная система определения, что такое огурец? Это — тело огурцеобразной формы. А морковь? О, морковь — морковидное тело.

Тем не менее ученые правы. Земля имеет, с их точки зрения, крайне неправильную и очень своеобразную форму. И, дви-

таясь в пространстве, подчиняясь притяжению солнца, луны и других небесных тел, она ведет себя не как шар, а именно как «геоид». Это так.

Однако важно принять в расчет и другое. Наши дети или внуки, бороздя междупланетные окрестности земли, сквозь толстые стекла своих звездопланов не увидят перед собой никакого «геоида». Они увидят правильнейший шар, точно выточенный лучшим токарем на лучшем станке из лучшей слоновой кости. Как так? Очень просто: и хороший токарь, вытачивая на станке бильярдный шар, конечно, допустит почти такие же отклонения от геометрически правильной формы, как те, которыми отличается наша земля. Полярный диаметр короче экваториального на 42 километра. Это значит, грубо говоря,— на $^1/_{300}$ его часть. Вытачивая шар поперечником в 12 сантиметров, вам стоит лишь ошибиться на 0,4 миллиметра в длине одного из его диаметров по сравнению с другим, чтобы приблизиться к форме земли. Совершенно ясно: такое отклонение от правильной формы не может быть замечено даже и соколиным глазом. Итак, будем в обыденном смысле с полным правом считать землю шаром. Иначе, пожалуй, бильярдный шар нам тоже придется счесть «бильярдоидом».

Значит, совершающий кругосветное путешествие вокруг земли, совершает его, практически говоря, вокруг шара.

Спросите у своих друзей: какие доказательства шарообразности земли им известны? В пятидесяти случаях из ста между другими признаками вам укажут как раз на «возможность кругосветных путешествий».

А между тем, по правде говоря, такое представление является удивительной ерундой.

Если бы земля имела не «шаровидную» и даже не «землеобразную» форму, а форму груши, яйца, картофелины, сосиски, баранки, кольца, колбасы или хоть пирамиды с мало-мальски закругленными гранями, кругосветные путешествия оставались бы столь же возможными. Доказать вам это сможет любая муха: изо дня в день совершает она кругосамоварные, кругопримусные, круголамповые и тысячи других круговых странствий. Кругосветные путешествия доказывают только конечность земли и, в лучшем случае, относительную плавность кривизны ее поверхности. Шарообразность земли доказывается совершенно иными способами. О них здесь говорить не место.

Плаванье Магеллана

Сделав эти несколько оговорок, на первый взгляд, может быть, отзывающихся чудачеством, мы можем перейти к сути дела. 415 лет назад из трехгодичного плавания воротилась в Испанию экспедиция Фернандо Магеллана, впервые обогнувшая нашу планету. Экспедиция потеряла многое на своем пути: 4 судна из 5 отчаливших,

своего вождя, убитого на далеких Филиппинах, даже целые сутки, безнадежно и бесследно пропавшие по дороге, — тоже в первый раз в истории человечества.

3 долгих года люди плыли по неведомым морям, не имея никакого представления о том, что ждет их назавтра за туманным западным горизонтом, не зная размеров земного шара и его частей, не имея карт, не будучи твердо уверенными даже в том, что в какой-нибудь неожиданный миг их корабли не рухнут в бездну там, на конце мира... Огромный, таинственный, безграничный мир окружал их. Месяц пути был из Старого света в Новый, месяцы — вокруг Южной Америки, месяцы и годы — через Тихий океан.

4 года назад, 411 лет спустя после возвращения спутников Магеллана, вернулся из своей кругосветной экспедиции и смелый американский летчик — одноглазый полуиндеец, в прошлом каменщик — Вилли Пост. 15 июня 1933 года его самолет вылетел из Нью-Йорка и взял курс на восток. 22 июня колеса машины снова коснулись травы Ньюйоркского аэродрома: Вилли Пост прибыл с запада. За 7 суток 18 часов он обогнул нашу маленькую, тесную, известную во всех своих частях планету. 49 часов от Нью-Йорка до Москвы, двое суток из Москвы до Восточной Сибири. Он почти нигде не отдыхал. А тем, кто его спрашивал о дне возвращения, он отвечал так: «В прошлый раз это заняло 8 суток и 16 часов. Думаю, что теперь смогу сэкономить еще около суток». И он их сэкономил.

Между двумя этими путешествиями легла вся история географической науки, все развитие человеческой техники, целая бурная река великих и величайших событий, протекших за 400 лет. И каких лет! За это время человек, так сказать, уменьшил, сжал земной шар, сократил расстояние на нем в 140 с небольшим раз. Львиная доля этой работы выпала на авиацию. Значительную часть взяла на себя паровая машина. В двух словах припомним, как это произошло.

Парусные корабли Магеллана и Эль Кано, заменившего его, огибали землю с 1519 по 1522 год. Кругосветное путешествие четыре века назад отнимало 3 года.

Прошло триста лет. Вокруг света плыло теперь уже множество судов, в том числе эскадра русского путешественника Крузенштерна и флотилия француза Дюмон-Дюрвиля. Первый плавал с 1803 по 1806 год. Второй — с 1826 по 1829. Срок, потребный на об'езд вокруг нашей планеты, остался тем же самым.

Но пока плавал Дюмон-Дюрвиль, на верфях Европы и Америки уже стучали молотки, сколачивавшие первые океанские пароходы. Эпоха холста и ветра кончилась на морях: в дело уменьшения человечеством земного шара вмешались паровые машины и каменный уголь.

И положение за ближайшие 50 лет изменилось больше чем за предшествующие 500. Человек сделал скачок к большей скорости передвижения.

В шестнадцать раз быстрее

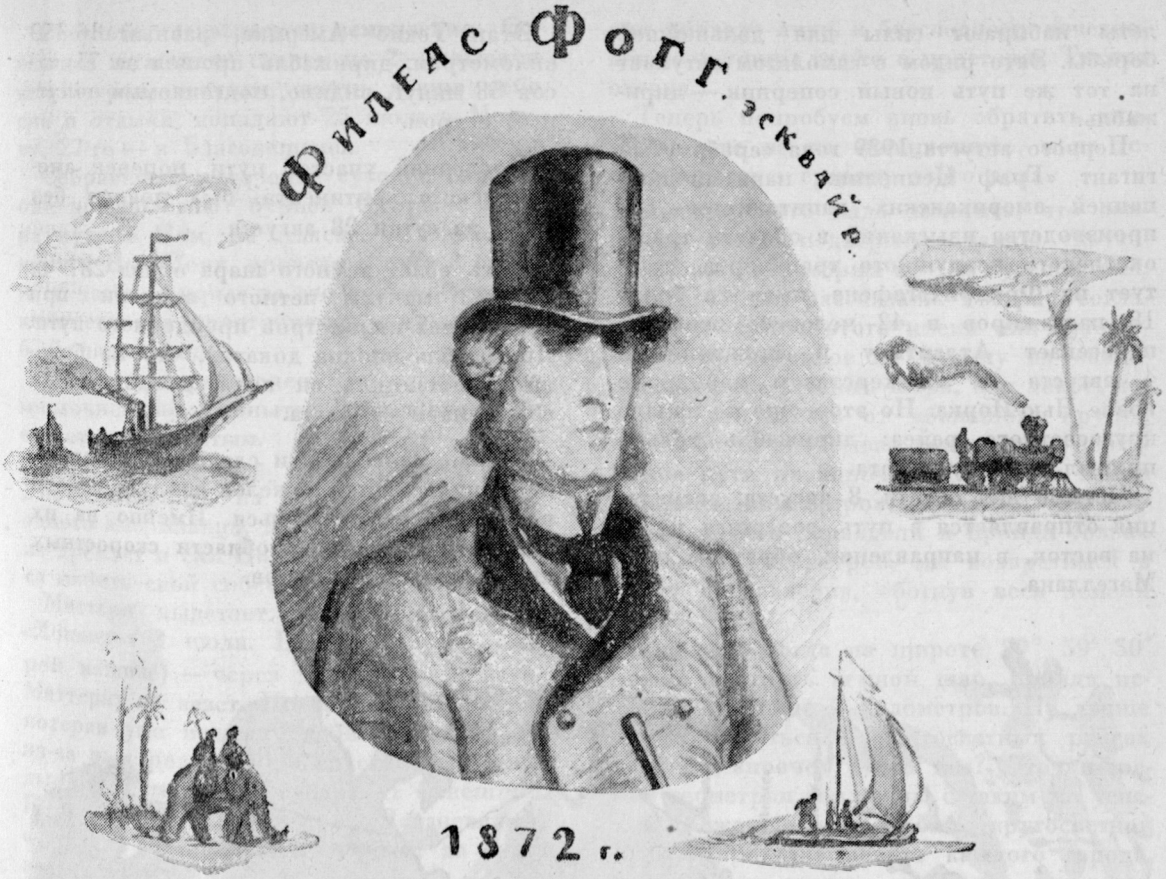
Как всем нам хорошо известно, 2 октября 1872 года из дома № 7 по Сэвил-Роу, Лондон, выехало на восток лицо, знаменитое уже тем, что оно никогда не существовало на свете. То был Филеас Фогг, эсквайр, член «Реформ-клуба». Как все знают, он двинулся к востоку 2 октября, а воротился с запада 21 декабря. Он обогнул земной шар в 80 дней.

Филеас Фогг выдуман Жюль Верном. Но от этого его значение для нас нимало не падает. Путь, проделанный им, могли совершать и совершали к тому времени десятки и сотни других джентльменов. 80 дней вокруг света и впрямь было скоростью, близкой к предельной для конца 19-го века, века пара и парового цилиндра.

Но наступило 20-е столетие, а с ним в мир явились автомобиль и его прямой потомок — самолет. Рядом с паровой машиной стал двигатель внутреннего сгорания. И человечество повторило свой скачок по шкале скоростей. Снова за 20 лет эти скорости возросли в 10 раз больше чем за все предшествующее столетие.

В самом начале девятисотых годов один из пионеров авиации, капитан Фербер, математически вычислил заранее и предсказал момент появления самолета. «Легкость и сила автомобильных моторов так быстро растут,— писал он,— что ближайшие 2—3 года неминуемо увидят взлет человека в воздух». Так и случилось.

Свою книгу, вышедшую в эти дни, Фербер назвал «Шаг за шагом, прыжок за



прыжком, взлет за взлетом». Но следующей книге, изданной лишь 5 лет спустя, ему пришлось дать уже совсем другое заглавие: «С холма на холм, из страны в страну, от континента к континенту». В январе 1908 года Анри Фарман получает двадцатитысячный приз за полет по кругу в 1 километр (жюри полета легло на землю, чтобы убедиться, что машина летит, а не катится по траве). Осенью он перелетает из Буи в Реймс (32 километра). Полгода спустя, летом 1909 года, Луи Блерио пересекает сорокакилометровый Ламаншский пролив.

Но спустя 5 лет началась четырехлетняя всемирная война.

О попытках воздушных кругосветных путешествий в эти годы не могло быть и речи.

Первые из таких попыток относятся уже к 20-м годам.

Застрельщиком в этом деле явились Соединенные штаты Америки. 6 апреля 1924 года из всем нам хорошо известного теперь Сиэттля вылетели в первый воздушный кругосветный путь 4 самолета.

На девятый после вылета день над Аляской потерпел серьезную аварию и вышел из строя экспедиции самолет ее начальника, майора Мартина. Три остальных машины после долгого выжидания погоды на Алеутских островах двинулись все же в дальнейший путь. Шаг за шагом, с многочисленными остановками, ремонтами и сменой частей, они закончили перелет под начальством лейтенанта Смита 28 сентября того же года, потратив всего 175 дней. Из этого времени фактически летали они лишь 66 дней и прошли весь путь в 44 054 километра длиной за 351 час 11 минут со средней скоростью в 122,7 километра в час.

Пример американцев побудил в том же, 1924 году двух летчиков: аргентинца Цанни и итальянца Лопателли — начать за свой страх и риск два отдельных «кустарных» перелета. Но оба они окончились неудачно.

За «урожайным» на попытки кругосветных полетов 1924 годом следует длинный ряд годов, в этом смысле совершенно «пустых». Кажется, что летчики и само-

леты набирают силы для дальнейшей борьбы. Зато рядом с самолетом вступает на тот же путь новый соперник — дирижабль.

Первого августа 1929 года серебристый гигант «Граф Цеппелин», нанятый компанией американских капиталистов для производства изысканий в области трансокеанского воздушного транспорта, стартует из Фридрихсгафена, имея на борту 18 пассажиров и 42 человека экипажа, пересекает Атлантику и приземляется 4 августа на Лекхерстском аэродроме возле Нью-Йорка. Но это—еще не начало кругосветного рейса: дирижабль только прибыл к месту старта.

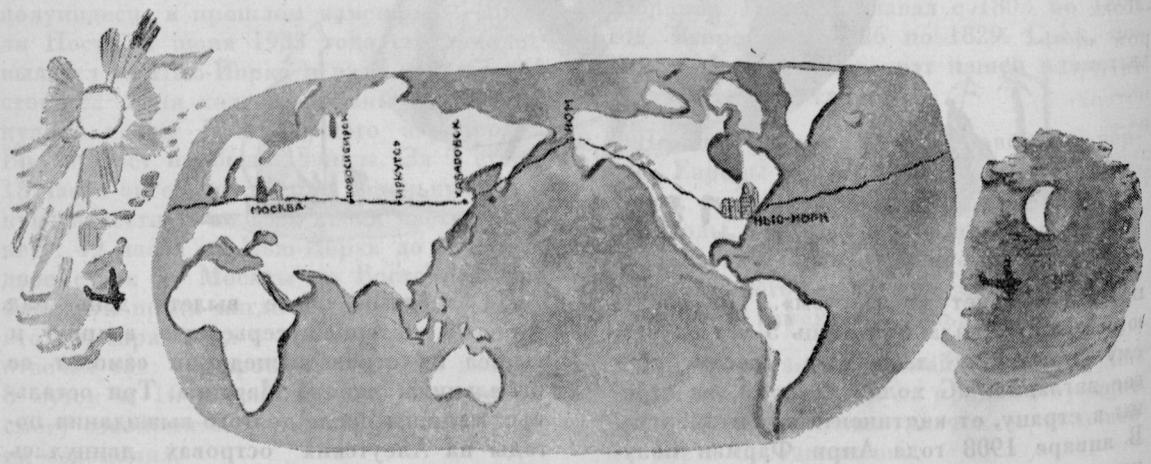
Четыре дня спустя, 8 августа, экспедиция отправляется в путь, совершая полет на восток, в направлении, обратном пути Магеллана.

Этап Токио—Америка, равный 10 350 километрам, дирижабль прошел за 75 часов 58 минут, видимо, подгоняемый попутным ветром.

Последний участок пути, поперек американского континента, был покрыт без труда за сутки 28 августа.

Весь облет земного шара отнял 287 часов 33 минуты летного времени при 45 тысячах километров пройденного пути. Дирижабль вполне доказал, что на больших дистанциях он является достойным соперником самолета.

Тем не менее, как и следовало ожидать, поборники машин тяжелее воздуха совсем не собирались сдаваться. Именно на их долю выпал успех в области скоростных кругосветных перелетов.



Путь Вилли Поста

23 июля 1931 года тоже из Нью-Йорка и тоже на восток стартует одномоторный сухопутный «Локхид-Вега». Его ведет до этого дня сравнительно мало кому известный, но тем не менее превосходный летчик Вилли Пост. Всю свою молодость Пост проработал каменотесом. Осколок гранита, неладно отскочивший, выбил ему глаз. Другие в таких случаях становятся полуинвалидами. Пост стал мировым летчиком, специалистом по дальним и высотным полетам.

23 июля 1931 года он вылетает из Америки вместе с навигатором Гэтти. К этому времени Линдберг и Чемберлин открыли уже прямой беспосадочный путь через океан. Кругосветный полет не требует более бесчисленных посадок и несчетного множества этапов-коротышек.

Превосходный мотор «Уост» в 465 лошадиных сил — не чета моторам «Либерти» образца 1924 года. Зализанный, обтекаемый моноплан «Локхида» тоже совсем не похож на бипланчики первой американской воздушной экспедиции: он прорезает воздух со скоростью ровно в два раза большей чем они (245 километров в час вместо 122 километров). Одну треть всего пути Пост летит над СССР, обслуженный при посадках на советской территории с такой заботливостью и тщательностью, как нигде в мире.

Результат сказывается немедленно. Совершая гигантские скачки по 2—3 тысячи километров, летчики, почти лишив себя сна и отдыха, попадают 25 июля в Москву, 27-го — в Благовещенск.

Собравшись в течение суток с силами, они преодолевают бурное Охотское море на пути в Ном, на Аляске, и возвращаются в Нью-Йорк, проведя в пути 8 суток и 16 часов, покрыв за это время 30 тысяч километров в пространстве между 40-й и 67-й параллелями.

Рекорд так разителен, что несмотря на многочисленные попытки долгое время он остается непобитым.

Проходит два года. Лавры Поста побуждают выступить на борьбу с ним еще одного американца, Джимми Маттерна. Но не дремлет и сам Пост. Он тоже собирается побить свой собственный рекорд.

Маттерн вылетает на пятисотсильном «Локхиде» 3 июля. Пост (на своей старой машине) — через 9 дней после него. Маттерну не везет. После ряда задержек, потеряв уже надежду побить рекорд, он из-за перегрева мотора спускается у Анадыря на Камчатке, в тундре. И нынешний Герой Советского союза С. Леваневский, совершив специальный перелет за ним, вывозит его в Америку.

Напротив, Пост, вылетев 15 июня, летит точно по часам. На этот раз он один, без штурмана (как и Маттерн). С изумительной точностью и скоростью, делая совершенно ничтожные остановки (редко более 2—3 часов), он стремится по своему старому пути.

Весь путь вокруг земли отнял на этот раз 7 суток 18 часов 50 минут.

У этого замечательного, теперь уже покойного, летчика (он разбился 2 года спустя, совершая новый полет из Америки к нам, в СССР) железная выдержка. Но многое надо отнести и насчет величайших успехов авиотехники. На самолете Поста стоял «автоматический пилот», летчик сам заявлял, что без помощи этого удивительного прибора даже самый крепкий физически человек не мог бы дать подобных результатов. «Автопилот» позволяет летчику в спокойных условиях полета если не спать, то по крайней мере чутко дремать в кабине машины.

Вот, собственно, и все почти замечательные перелеты вокруг земли.

Не так давно начала кругосветное путешествие Амелия Эрхарт. Как известно, оно привело лишь к бесследному исчезновению летчицы где-то в просторах Тихого океана.

Теперь попробуем вновь обратить внимание уже не на авиационную, а на географическую сторону этого дела.

Прежде всего надо заметить, что сомнению можно подвергнуть самую «кругосветность» некоторых из тех путешествий, о которых мы рассказали. Географ согласится удостоить этого имени или путешествие, проведенное по одному из «больших кругов» земного шара, или такое, которое, отклоняясь от «большого круга», но в общем опоясывая землю, даст протяжение пути не короче окружности земли (40 тысяч километров). Понятно, что, двигаясь по 60-й параллели и пройдя только 20 тысяч километров, мы возвратимся в точку отправления, обогнув весь земной шар.

Но ведь тогда на широте 89° 59′ 50″ можно обогнуть земной шар, пройдя несколько меньше 2 километров. Не лучше ли упражняться в кругосветных рейсах там? Да, впрочем, зачем там? С точки зрения геометрии земли, мы с таким же успехом можем тогда назвать кругосветной любую прогулку вокруг каждого города, даже вокруг нашего квартала... Нет, взыскательный географ несогласен в этом вопросе со спортсменом.

Второе замечание. С точки зрения геометра, земля — шар, хотя и не слишком идеальный, но во всяком случае довольно обыкновенный. Зато на взгляд путешественника это совсем особенный и весьма неудобный шар.

Насколько просто обогнуть его по направлению, параллельному экватору, настолько затруднительно, если не невозможно, проделать это, идя вдоль меридиана. Две ледяных полярных шапки всегда являлись грозным пугалом для всех путников, и до настоящего времени вопрос о путешествии вокруг земли через оба полюса даже не ставился.

Он не ставился сначала потому, что не было авиации. Он не ставился затем потому, что авиация была, но только капиталистическая авиация, где каждый летчик должен лететь на свой страх и риск и, как бы отважен он ни был, особенно много в одиночку сделать не может.

Но теперь появилась такая авиация, какой до сих пор не существовало в мире: авиация Советской социалистической стра-

ны. Она вырастила Чкаловых и Громовых, построила замечательные самолеты. Теперь каждый летчик знает, что за ним стоит вся страна, она помогает организовать перелет, поддерживает отважного пилота, создает ему лучшие условия и для подготовки и для перелета.

И каких же поразительных, неслыханных результатов уже добилась советская авиация!

И мы вовсе не уверены в том, что в недалеком будущем отважные летчики нашего Союза не будут уже принимать поздравления всего мира после кругосветного полета, побившего рекорд Поста, положим, на сутки или на двое.

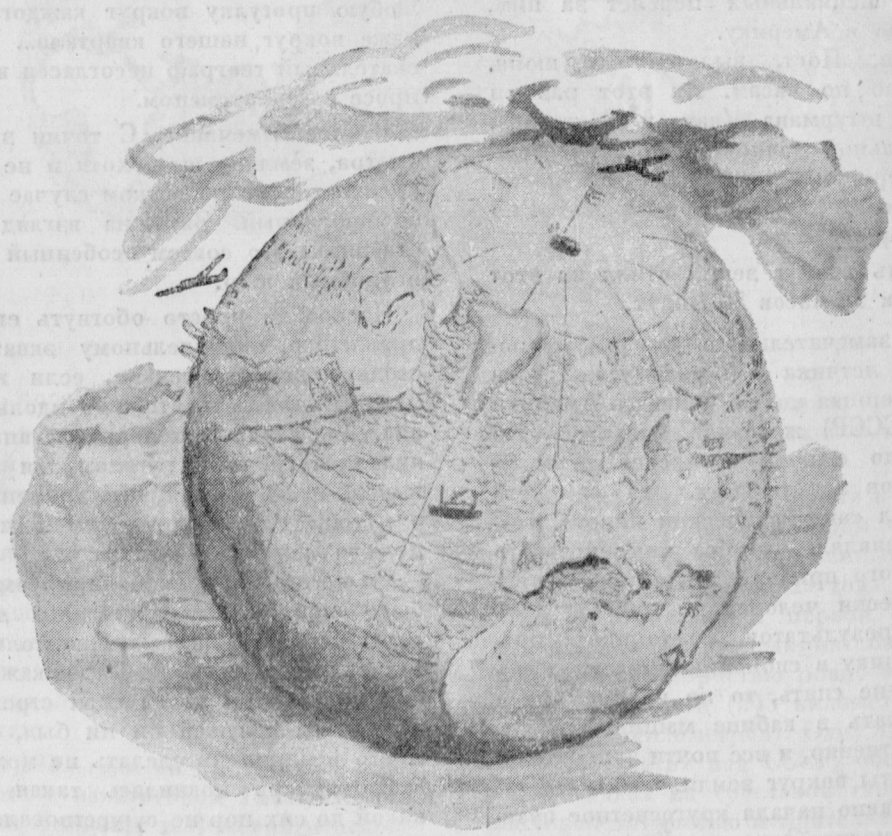
А немного спустя после такого первого вмешательства советской авиации в «кругосветное дело», скажем, через три или через пять лет, наши летчики, возможно, полетят и кругом земли по меридиану, через оба полюса. Более того, можно твердо сказать, что рано или поздно это обязательно случится. Ведь наша страна, располагая такими машинами, такими людьми, какие у нее есть во множестве, двигаясь вперед под руководством партии и Сталина, не ограничена никакими пределами в своих возможностях.

Последнее замечание. Мы говорили до сих пор о полетах экстраординарных, к которым, так сказать, на версту не подпускают пассажира, любителя попутешествовать, этакого скромного эсквайра Фога. А как же обстоит дело с этими «эсквайрами»? Что дала авиация не летчику, а среднему пассажиру?

Вот краткая справка:

«Американский журналист Мирс, совершивший в 1913 году об'езд земли в 35 дней, решил в 1928 году побить свой рекорд.

1 июня он выехал из Нью-Йорка вместе с летчиком Кольс на пароходе. 5-го в Шербурге он пересел на самолет и полетел через Париж в Берлин. 7-го он был в Москве. Через Сибирь (на самолетах и экспрессах) прибыл в Японию, попав в Токио 11-го числа. Пароход перевез его в Сан-Франциско, где он сел 22-го на самолет и 23-го, около полуночи, опустился на Ньюйоркском аэродроме. Современный Филеас Фогг обогнул земной шар не в 80, а в 23 дня».



Пионеры часто приходят к могиле Павлика.

ПАМЯТИ ПАВЛИКА МОРОЗОВА

В глухой уральской тайге находится деревня Герасимовка. Ее знает каждый пионер: в Герасимовке жил Павлик Морозов.

Павлик был вожаком одиннадцати герасимовских пионеров. Возвращаясь поздно вечером со сбора звена, с поля или с расклейки плакатов о хлебозаготовках, ребята вместе с Павликом пели веселые песни. Павлик был лучшим учеником школы.

Отец Павлика — Трофим — был выбран председателем сельсовета: но он изменил народу и стал прикрывать кулаков.

Павлику было всего 13 лет. Но он не колебался выступить против отца-предателя: Павлик помнил, что он пионер. Он сообщил о том, что его отец помогает врагам народа.

Трофима Морозова судили в том самом зале школы, где 20 октября 1931 года Павлик давал торжественное обещание быть верным делу Ленина — Сталина.

Павлик говорил на суде:

— Я не как сын, а как пионер говорю здесь и прошу привлечь отца к суровой ответственности...

Трофим Морозов был осужден пролетарским судом.

Кулаки грозили расправиться со смелым пионером. Павлик бесстрашно продолжал разоблачать врагов народа: кулака Кулуканова, укравшего общественный хлеб, спекулянта Силина, спрятавшего оружие.

Пять лет назад, 3 сентября 1932 года, Павлик с 9-летним братом Федей пошли по любимой тропинке в лес за грибами.

Они не вернулись.

Мать Павлика подняла всю деревню на поиски сыновей. Через три дня недалеко от тропинки нашли их тела, закиданные хворостом.

Родной дед Павлика с племянником по указке кулаков убил пионеров. По приговору суда, враги народа, убившие Павлика, были уничтожены.

Пионеры Герасимовки часто ходят по тропинке, которую они прозвали «тропинкой Павлика Морозова», в лес на могилу Павлика и Феди.

Все ребята любят Павлика Морозова за то, что он показал, каким должен быть настоящий пионер, преданный делу Ленина — Сталина.

Шота Руставели

Витязь в тигровой шкуре

Перевел и обработал М. Заболоцкий

(Продолжение)

Повесть тринадцатая. О том, как Автандил разыскал витязя во второй раз

Как цветок в разлуке с солнцем понемногу увядает,
Так, уехав от любимой, бедный витязь унывает.
Гонит он коня лихого, едет ночью, едет днем,
Унося прекрасный образ в сердце горестном своем.

— О любимая царица! — восклицает он уныло.—
Ты ресницами героя словно копьями пронзила.
Благовонными устами и агатами очей
Ты мое сразила сердце, слез исторгнула ручей.

Солнце! Ты, по слову мудрых, нам являешь образ бога,
Ты над звездами владыка, в небесах твоя дорога.
Сжалься, солнце, надо мною! Бедный пленник, я молю:
Дай увидеть мне царицу незабвенную мою.

Длинный день к концу подходит, в небесах луна восходит,
Едет витязь по тропинкам и с луною речь заводит:
— Ты, луна, недуг влюбленных исцелить умеешь вмиг,
Дай увидеть мне царицу, чей с тобою сходен лик.

Ночь несла ему отраду; днем, от зноя изнывая,
Подъезжал к реке он часто и смотрел в нее, рыдая.
Из очей струился в воду слез сияющий поток.
Ни один еще влюбленный так не плакал одинок.

Наконец, добрался витязь до пещеры Тариэла;
Перед ней Асмат-рабыня одинокая сидела.
Дева бросилась навстречу, Автандил сошел с коня.
— Где мой друг? — спросил он деву.— Ожидает ли меня?

Дева горько зарыдала и ответила герою:
— Лишь уехал ты отсюда, попрощался он со мною
И пропал в лесах далеких, одиночеством томим...
Ни один не знает смертный, что теперь случилось с ним.

Прямо в сердце пораженный, витязь вымолвил: — Сестрица,
Тариэлу в день отъезда обещал я возвратиться.
Обещанье я исполнил, он же клятвой пренебрег,
Не дождался и уехал: горя вытерпеть не мог.

— Витязь,— девушка сказала,— мудрено судить его нам:
Человек, лишенный сердца, по своим живет законам.
Сердце в муках умирает, вслед за сердцем гаснет ум.
Человек, ума лишенный, своеволен и угрюм.

Описать его мученья невозможно без труда мне.
Увидав его безумным, вопиют в пустыне камни.
Слез его довольно б было, чтоб составился ручей;
Звери мечутся лесные, слыша звук его речей.

Провожая Тариэла, я, несчастная, спросила:
«Что теперь должна я делать, коль увижу Автандила?»
«Передай ему,— ответил бедный витязь,— что опять
Буду я в полях скитаться и героя ожидать.

Этих мест я не покину, приютит меня округа,
Если витязь мой приедет, он найти сумеет друга.
Если ж я умру до срока, неземным огнем сожжен,
Пусть мой прах осиротелый похоронит с честью он».

Автандил к реке спустился, проскакал через равнину,
Ветер жег ему ланиты, цветом равные рубину.
Витязь кликал Тариэла, звал его среди лесов,
Но, увы, скиталец бедный не откликнулся на зов.

Так прошло два дня, две ночи. Автандил на холм поднялся.
С высоты, залитый солнцем, дол прекрасный открывался.
На опушке дальней рощи конь разнузданный стоял.
— Это он! — воскликнул витязь и к опушке поскакал.

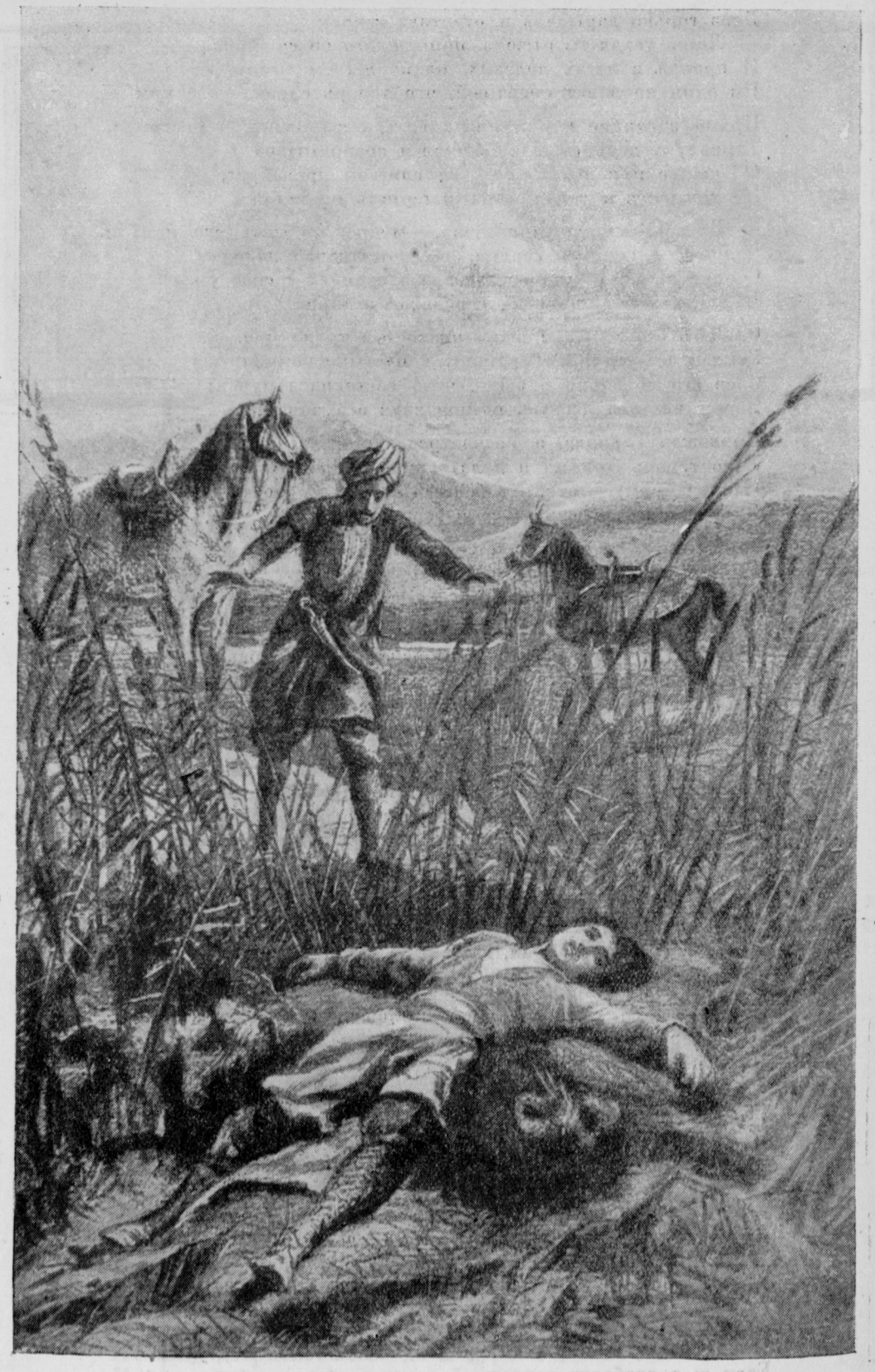
И когда, достигнув рощи, он увидел Тариэла,
Сердце в нем остановилось, и душа оцепенела:
Тариэл лежал как мертвый, запрокинув к небу лик,
Ворот был его разодран, взор — беспомощен и дик.

Справа, возле Тариэла, лев лежал, мечом сраженный,
Слева — тигр, убитый насмерть, алой кровью обагренный.
Меч отброшен был далеко. Тариэл едва дышал...
Витязь слез с коня и друга, наклонясь, поцеловал.

Вздрогнул друг, повел очами, прояснилось в нем сознанье.
— Милый брат,— сказал он тихо,— я исполнил обещанье —
Дожил я до нашей встречи, но, увы, истратив силы,
Ныне я прошу у бога лишь одной сырой могилы.

— О! — воскликнул бедный витязь, обнимая Тариэла, —
Сам господь мне в том свидетель,— злое ты задумал дело.
Знай, тебя смущает дьявол — вечный враг людского рода.
Жизнь свою пресечь до срока запрещает нам природа.

Если мудр ты и желаешь быть, как прежде, добрым мужем,
Знай, что мужеством единым мы любви великой служим.
Если ж в слабости сердечной ты весь мир возненавидишь,
Разве ты найдешь царевну? Разве ты ее увидишь?



И когда, достигнув рощи, он увидел Тариэла,
Сердце в нем остановилось, и душа оцепенела.

О, послушайся совета, кони нас зовут в дорогу,
Сядем вместе и поедем — горе стихнет понемногу.
Недостойно полководца поддаваться искушенью.
Время горести минует, час настанет утешенью.

Тариэл ответил: — Витязь, я тебе едва внимаю.
Страшен мир для человека. Срок пришел — я умираю.
Верю я: в краю далеком, за пределами земного,
Разлученные при жизни, с нею встретимся мы снова.

Кинусь я к моей любимой, и она пойдет навстречу,
Горько милая заплачет — я стенанием отвечу.
Нет, оставь меня, мой витязь. Уж недолго мне томиться,
К сонму духов бестелесных дух мой немощный стремится.

— Вижу я,— ответил витязь,— распалил свою ты рану.
Больше грубыми словами докучать тебе не стану.
Если сам ты хочешь смерти, больше нет тебе спасенья.
Лишь одну исполни просьбу, лишь одно услышь моленье.

Та, чьи длинные ресницы, словно копья из агата,
Окружают лик кристальный и чернеют, как ограда;
Та, чьей гордой красотою сердце брошено в горнило,—
Возлюбив тебя, как брата, в путь меня благословила.

Одолел я путь тяжелый, разыскал тебя в пустыне,—
Ты меня отсюда гонишь, приготовившись к кончине...
На прощание молю я: пересиль свое упорство,
Дай твою увидеть силу и коня узнать проворство.

И, поднявши Тариэла, витязь кликнул вороного.
Конь приблизился послушный. Не сказав в ответ ни слова,
Тариэл с глубоким вздохом сел на верного коня
И поехал по долине, низко голову склоня.

И затих в нем понемногу сердца жар невыносимый,
Оживился лик кристальный, загорелся взор орлиный.
Был наездник он отважный и, ездою развлечен,
Постепенно возвращался к многотрудной жизни он.

Автандил догнал героя — друг, исполненный участья.
— Витязь, — он сказал, — я знаю, ты хранишь свое запястье,
На груди его ты носишь, плачешь, сетуешь над ним...
Неужели дар царевны так тебе необходим?

— Этот дар,— ответил витязь,— дар единственный на свете.
Смысл моей несчастной жизни в драгоценном том браслете.
Мне дороже всех сокровищ этот дивный талисман,
Мира целого дороже, рек его, морей и стран.

Автандил сказал: — Однако у чеканщика он куплен,
Он безжизнен, бессловесен, безучастен, неразумен.
Ты расстаться с ним не можешь, но Асмат, сестру свою,
Покидаешь, неразумный, в этом горестном краю.

Знаю я, Асмат-рабыню ты нарек своей сестрою,
О тебе она тоскует, делит горести с тобою.
Помнишь, как она служила и царевне и тебе?
Неужели позабыл ты о лихой ее судьбе?

— Я хотел уйти от мира,— витязь вымолвил тоскливо,
Но сестра моя несчастна, рассудил ты справедливо.
Едем к ней, она зовет нас и вздыхает тяжело...
Расскажу я по дороге, что в лесу произошло.

Повесть четырнадцатая. О том, как Тариэл убил льва и тигра

— В'ехал я на холм высокий, чтоб убить на ужин птицу.
Вижу: в зарослях окрестных лев преследует тигрицу.
Я помчался вслед за ними. Лев догнал свою подругу.
Звери начали бороться и реветь на всю округу.

Так они играли долго, но, беззлобные вначале,
Нападая друг на друга, понемногу осерчали.
Лев вонзил в тигрицу когти, та отпрянула, робея.
Лев, почуяв запах крови, грозно кинулся за нею.

Рассердился я на зверя и метнул копье стальное —
Лев упал, копьем пронзенный, и пополз, протяжно воя.
Я мечом его ударил — рухнул мертвый зверь на камни.
В час сраженья и охоты сила страшная дана мне.

— Вот, мой брат,— закончил витязь,— дал мне бог судьбу какую.
Дик я, зол и бессердечен, если плачу и тоскую,
Не могу я жить на свете, смерть — одна моя отрада.
Кроме смерти и забвенья ничего мне здесь не надо.

Долго длился путь печальный, но окончилась дорога,
И Асмат, друзей встречая, появилась у порога.
Слезы радости струились из ее больших очей.
Тариэл сошел на землю и заплакал вместе с ней.

Так вошли они в пещеру и на шкуры опустились.
Подала рабыня ужин, оба друга подкрепились
И заснули сном глубоким, истомленные тоской,
И Асмат у изголовья охраняла их покой.

И едва на темном небе появился луч рассвета,
Тариэл сказал герою: — Бог воздаст тебе за это.
Жизнь мою спасти сумел ты, но огонь моей души
Потушить никто не может в этой горестной глуши.

Был разумным я доселе, ныне час пришел безумья,
Оттого в моей пустыне своеволен и угрюм я,
Исцелить меня не в силах ни единый человек.
Возвратись ты в край родимый и покинь меня навек.

Автандил вздохнул глубоко и сказал такое слово:
— Отпросившись у царицы, я к тебе приехал снова.
Я сказал ей: «Мне без друга не прожить теперь и дня,
Отпусти меня, царица, не удерживай меня».

И сказала мне царица: «Ты решил, как должно другу;
Помогая Тариэлу, мне окажешь ты услугу».
Если я тебя покину, что сказать я должен ей?
Трус я буду и предатель, забывающий друзей.

Нет, не нужно этих споров! Делай, как тебе угодно.
Коль не хочешь быть разумным, плачь, неистовствуй бесплодно.
Об одном тебя молю я: посреди своих невзгод
Собери остаток силы и скрепи себя на год.

Через год, когда минуют снегопады и морозы,
Через год, когда повсюду расцветут обильно розы,
Жди меня. Об'ехав землю, я вернусь к тебе опять.
Может быть, следы царевны мне удастся отыскать.

Тариэл ответил: — Витязь, глух ты стал к моим советам.
Нелегко найти царевну, убедишься сам ты в этом.
Я твою исполню просьбу, подчинюсь моей судьбе,
Лишь бы смерть — отрада слабых — не взяла меня к себе.

Снова витязи простились с опечаленной девицей,
Покраснели их ланиты и сравнялись с багряницей,
На очах сверкнули слезы, и Асмат, обнявши их,
Снова горестных рыданий не могла сдержать своих.

В этот день два верных друга путешествовали вместе.
Трудно было им расстаться. Каждый думал о невесте.
Наконец, на берег моря вывел их печальный путь.
Время было подкрепиться и с дороги отдохнуть.

Автандил промолвил: — Витязь, здесь проститься суждено нам
Отчего, скажи, расстался ты с охотником Фридоном?
Весть о девушке пропавшей получил ты от него.
Ныне еду я к Фридону. Как, скажи, найти его?

Тариэл, под'ехав к морю, показал ему дорогу:
— Вдоль по берегу морскому направляйся ты к востоку.
Если встретишь ты Фридона, передай ему привет,
Он тебя, как брата, примет и полезный даст совет.

Подстрелив козленка в роще, сели витязи за ужин.
Не богат был пир походный, но зато по-братски дружен.
На заре они проснулись, повели коней к ручью
И раз'ехались, рыдая, каждый в сторону свою.

Повесть пятнадцатая. О том, как Автандил прибыл в Мульгазанзар

Долго длился путь унылый, лишь на день семидесятый
Автандил заметил в море тень ладьи продолговатой.
Моряки пристали к суше. И спросил у них герой:
— Чье, скажите, это царство? Есть ли город тут какой?

И сказали мореходы: — Здесь турецкая граница.
Там — рубеж Мульгазанзара. Недалеко и столица.
Правит этим славным царством витязь доблестный Фридон.
Муж воинственный и щедрый, всех царей сильнее он.

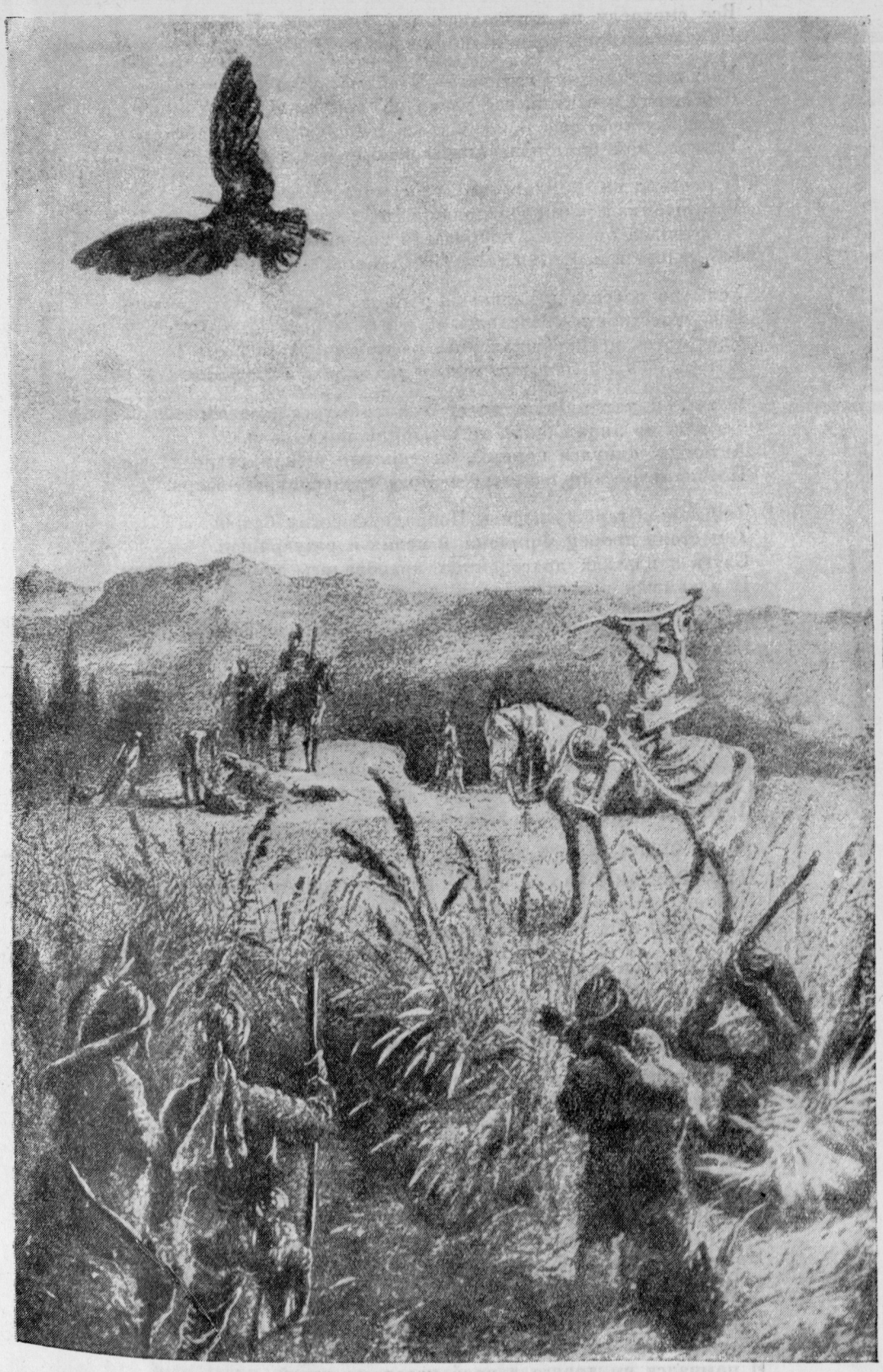
Автандил коня пришпорил и помчался по дороге.
В отдаленье показались белоснежные чертоги.
Сотни воинов отважных окружали цепью луг,
Стрелы в воздухе носились, звери падали вокруг.

Вдруг над самою охотой молодой орел поднялся.
Автандил за лук схватился и за птицею погнался.
Метким выстрелом сраженный, пал орел. И Автандил,
Летуну подрезав крылья, снова к войску поспешил.

Расступился круг широкий, и Фридон с холма крутого
Увидал перед собою чужестранца молодого.
Вот раба послал он к гостю и велел ему узнать,
Кто осмелился без спросу цепь облавы разорвать.

Раб под'ехал к Автандилу, но, взглянув на лик прекрасный,
Словно столб остановился, восхищенный и безгласный.
Витязь молвил: — Возвращайся к господину твоему.
Брат названный Тариэла прибыл, посланный к нему.

И когда Фридон услышал имя друга Тариэла,
Сердце громко в нем забилось, и душа повеселела.
Быстро он с холма спустился и воскликнул, поражен:
— Этот витязь равен солнцу! Коль не солнце, кто же он?
Слезли витязи на землю, крепко обняли друг друга.
Сотни воинов сбежались из охотничьего круга



Метким выстрелом сраженный, пал орел...

Все смотрели на пришельца, все дивились. Наконец,
На коней герои сели и помчались во дворец.

И сказал Фридону витязь: — Чтоб мое узнал ты дело:
Кто я, еду я откуда, где узнал я Тариэла,—
Расскажу тебе всю повесть, весь печальный мой рассказ.
Тариэл, мой брат названный, вспоминает нынче нас.

И поведал он Фридону все, от самого начала:
Как любимая царица в дальний путь его послала,
Как увидел он героя, побратался как он с ним,
Как живет в пещере витязь, одиночеством томим.

Услыхав рассказ печальный, царь заплакал с Автандилом,
Вся окрестность огласилась причитанием унылым.
Слез поток неудержимый был ресницами запружен,
И катилось по ланитам только несколько жемчужин.

И вослед царю Фридону стража громко зарыдала:
Те себя по лицам били, те швыряли покрывала.
Автандил очнулся первый, он скрепил себя и скоро
Потолком ресниц тяжелых черных глаз прикрыл озера.

Так вошли герои в город. Посреди высоких башен
Там стоял дворец Фридона и велик и разукрашен.
Слуги в платьях драгоценных красовались длинным строем.
И вельможи шли навстречу, восхищенные героем.

Вот за стол друзья уселись. Время трапезы приспело.
Сто вельмож в одеждах пышных по бокам от них сидело.
Утварь чудная явилась, все вокруг засуетилось,
И вино в высоких кубках зашипело, заклубилось.

Пир до ночи продолжался. Но рабы пришли толпою
И, омыв герою тело благовонною водою,
Облекли его в одежды, коих не было дороже,
Препоясали атласом и устроили на ложе.

Так, в веселье и в забавах, дни за днями проходили,
Царь Фридон души не чаял в благородном Автандиле.
Наконец, взмолился витязь: — О Фридон, не обессудь,
Должен я тебя покинуть и пуститься в дальний путь!

Царь Фридон ответил: — Знаю, спорить мне не подобает,
Ты спешишь, огнем великим сердце витязя пылает.
Но чтоб в горестных скитаньях не забыл ты про меня,
Дам тебе рабов я верных и послушного коня.

Четырех рабов он кликнул и герою для сраженья
Боевые вынес латы и прислал вооруженье.
Меру золота отвесил, иноходца подарил.
Статный конь в богатой сбруе всех коней прекрасней был.

Вышли витязи за город, поднялись на холм высокий.
— Здесь,— сказал Фридон,— пристала лодка девы черноокой.
Два раба везли царевну. Я хотел ее отнять,
Но рабы, заслышав топот, в море бросились опять.

Автандил с царем Фридоном крепко обняли друг друга,
Войско выстроилось цепью посреди большого луга.
Автандил простился с войском, шлем надвинул боевой
И помчался по дороге в край неведомо какой.

Повесть шестнадцатая. О том, как Автандил бился с пиратами

День за днем сто дней проходит. Солнце всходит и садится.
Вдоль по берегу морскому Автандил с рабами мчится.
Вот блеснул в заливе парус. Показалися верблюды.
На песке лежали кучей дорогих товаров груды.

Караванщики стояли, призадумавшись, над морем.
Лица были их печальны, и сердца об'яты горем.
Автандил под'ехал ближе, произнес слова привета
И спросил их: — Кто вы, люди? Из какой вы части света?

И сказал Усам премудрый, предводитель каравана:
— Мы торговцы из Багдада, исповедники Корана.
Люди веры Магомета, не берем мы в рот хмельного.
Ныне едем мы с товаром в славный град царя морского.

Здесь какого-то беднягу полумертвого нашли мы.
Вел корабль он из Египта, но, к купцам неумолимы,
Кровожадные пираты на него в пути напали,
Все разграбили товары и людей поубивали.

Лишь один бедняга этот избежал огня и пыток...
Как нам быть? Обратно ехать — понесем в делах убыток;
Выйти в море — тоже страшно: может больше быть потеря:
Трудно справиться с врагами, силам собственным не веря.

— Не горюйте, — молвил витязь, — что напрасно вам томиться!
Предназначенное богом пусть над нами совершится.
Буду вашей я защитой и залогом вашей крови,
Пусть приблизятся пираты — меч держу я наготове.

— Этот витязь крепок сердцем, — так Усам промолвил людям, —
Под его защитой храброй в безопасности мы будем.
Все со старцем согласились и, товары погрузив,
На корабль спокойно сели и покинули залив.

Солнце яркое светило, ветер выдался попутный,
Путешественникам выпал путь приятный и нетрудный.
Вдруг вдали корабль пиратов показался с длинным флагом.
Был таран на нем поставлен, приготовленный к атакам.

Завывая громко в трубы, шли грабители навстречу,
Грозным голосом кричали, вызывая всех на сечу.
Корабельщики в испуге побелели, точно мел.
Только витязь был спокоен, только он не оробел.

— Вы, купцы, — сказал он, — трусы, на войну вы не ходили!
Чтобы стрелами пираты в битве вас не перебили,
Уходите вы отсюда, дверь прикройте за собой,
Я один злодеев встречу и приму смертельный бой.

И когда, крича и воя, к ним приблизились пираты,
Взял он палицу большую, не спеша оделся в латы,
Шлем на голову надвинул и поднялся на корму.
И корабль, грозя тараном, повернул свой нос к нему.

Вот таран взметнул навстречу наконечник свой лемешный.
Автандил, вооруженный крепкой палицей железной,
По бревну ударил страшно — и, разломлен пополам,
Полетел таран в пучину и понесся по волнам.

Взвыли бедные пираты, но бежать уж было поздно:
Прыгнул к ним бесстрашный витязь и оружье поднял грозно.
Он иных кидал в пучину, друг о друга бил других,
Восьмерых схватив за ноги, ударял в девятерых.

И в ужасной этой битве нелегко пришлось пиратам...
Одержав победу, витязь корабли сцепил канатом
И позвал купцов трусливых... Увидав, что кончен бой,
Те пришли в себя и мигом появились всей толпой.

И когда корабль пиратов мореходы осмотрели,
Столько там нашли сокровищ, сколь не видели доселе.
Перечли они добычу и к себе перенесли,
И корабль, разбитый в щепки, бросив в море, подожгли.

И сказал Усам премудрый, мореходов предводитель:
— Витязь, ты защита наша, ты наш храбрый избавитель,
Спас ты нас от верной смерти, не щадил себя в борьбе, —
Ныне все товары наши мы приносим в дар тебе.

Автандил ответил: — Братья, если б я искал наживы,
Все, что лучшего есть в мире, все в казне б моей нашли вы.
Что сокровища мне ваши? Не обидел бог меня:
Самого себя имею и отважного коня.

Об одном прошу вас, братья: разложив шелка в амбарах,
Про меня вы говорите: «Вот хозяин всех товаров».
Я купцом переоденусь и, пока не минул срок,
Буду жить среди торговцев, нелюдим и одинок.

Услыхав такое слово, корабельщики сказали:
— Видим мы, отважный витязь, ты в заботе и печали.
Все, о чем ты не попросишь, каждый сделает из нас,
Жизнь свою не пожалеет и сокровища отдаст.

День кончался беспокойный. Солнце тихо заходило.
Моряки втащили якорь и поставили ветрило.
Море вдруг заволновалось, ветер в мачтах зашумел,
И корабль к царю морскому, словно птица, полетел.

(Продолжение следует)

На Цейлоне

Юр. Корольков

В прошлом году, по решению Правительственной комиссии, на Дальний Восток для работы на Амуре были отправлены шесть речных пароходов, построенных на верфях Ленинграда и Амстердама (Голландия). Флотилия прошла вокруг берегов Европы, Красным морем, спустилась в тропики и, пройдя вдоль азиатского материка, пришла к дальневосточным советским берегам. Во время рейса советские моряки побывали в Египте, в Аравии, на Цейлоне, в Сингапуре, на Филиппинских островах, в Японии. Ниже мы печатаем фотоочерк Юр. Королькова, участвовавшего в этом рейсе.

Две недели мы не видели берега. Флотилия речных катеров за это время успела пересечь Индийский океан; наши пароходики приближались к острову Цейлону, который называют жемчужиной британской короны.

Все чаще и чаще моряки, утомленные длительным переходом, вглядывались в горизонт. Каждый старался первым открыть не видимый пока берег. В наших разговорах, даже в песнях, чаще упоминались слова «Цейлон», «Коломбо». А весе-лый, жизнерадостный кочегар Лева Хаецкий, бродя по раскаленной палубе, распевал песню:

«Солнце жжет лучами Коломбо,
Озаряя небосвод...»

Плавающие ветви пальм, листья бананов, куски кокосовых орехов возвестили о приближении берега. Скоро, точно парус судна, на горизонте выплыли белый маяк, шпиль католической церк-

ви и, наконец, открылся остров весь в зелени.

— Берег! Берег! — закричали на мостике.

Мы все высыпали на палубу.

Мы привыкли, что во всех портах первыми нас встречали пловучие торговцы. Они не замедлили явиться на лодках и здесь, в Коломбо; сингалезы, индусы, тамилы привезли гроздья душистых бананов, прекрасные, сочные ананасы, нежные мангустаны, огромные, с детскую голову, китайские апельсины и много других незнакомых фруктов. Лодки торговцев наполнены кокосовыми орехами. Тропические фрукты распространяют пряный, одуряющий запах. Как прекрасна и богата должна быть природа, дающая такое обилие фруктов!

И как счастливы должны быть здесь жители!

Но вот вы видите сингалеза, протягивающего большую ветвь бананов. Всмотритесь внимательнее в его лицо. Он продает свои фрукты так, словно просит милостыню. Если он не получит несколько медных пенсов, его семья останется голодной.

Только в конце дня, закончив судовые работы, нам удалось выбраться на берег. Гурьбой мы вышли на первую улицу.

На улице, заросшей пальмами, бредут буйволы, впряженные в высокие крытые арбы, идут мужчины-пешеходы... в платках и юбках, а навстречу нам, потный и утомленный, бежит рикша с коляской, в которой в белом пробковом шлеме важно восседает европеец.

В Коломбо на полтораста тысяч жителей—шесть тысяч рикш. Человек выдерживает только 6—7 лет такой каторжной работы. Потом рикша умирает или становится инвалидом.

Около под'езда рикша остановился, европеец небрежно бросил на землю монету и скрылся в здании.

Этот изможденный, худой сингалез, так же как и торговец фруктами, очень мало похож на счастливого человека. Рикша подходит к нам, за несколько пенсов он предлагает отвезти пассажира куда угодно, хотя бы в сад Виктории, до которого будет добрых пять километров.

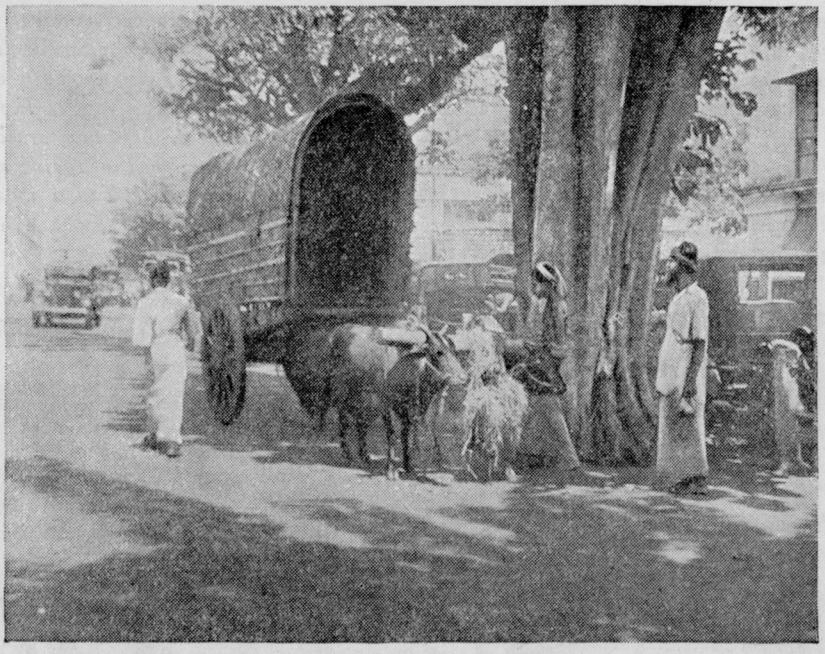
Мы отказываемся от услуг сингалеза, но наш отказ не производит никакого впечатления на рикшу. Миша Рупышев — помощник капитана — вызывается растолковать рикше, почему мы не можем пользоваться его услугами. Миша долго говорит на непонятном, каком-то тарабарском наречии. Рикша утвердительно кивает головой и исчезает за перекрестком.

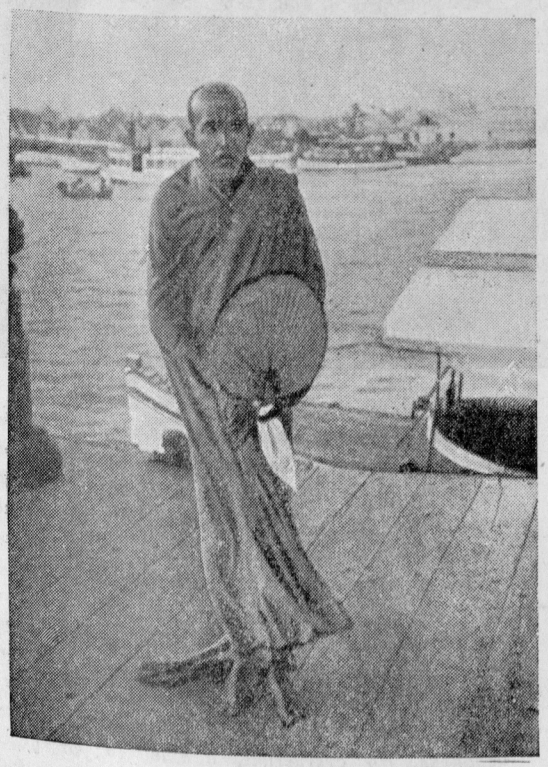
— Все-таки понял,—гордясь познаниями в английском языке, удовлетворенно говорит Рупышев.

Но в следующий момент из-за угла вырывается целая кавалькада рикш во главе с нашим знакомым. Из слов Миши он понял, что... каждому моряку нужна отдельная коляска.

Рупышев смущен. Снова начинает втолковывать он рикшам непонятные для них вещи. Наконец, до рикш доходит смысл слов советского моряка. Рикши останавливаются, оживленно говорят и долго не расходятся, провожая взором людей, которые называют себя большевиками.

Мы идем дальше по улице. В тени огромного дерева, рядом с автомобилями, индус кормит своих буйволов. А около него... Что это? Стоит седой бородатый старик: точь-в-точь как наш рязанский мужичок-колхозник. Вот-вот, кажется, подойдет он к нам и будет приветствовать своих земляков. Только этот старик ходит в клетчатой юбке, и платком как чалмой повязана его голова. А бронзовый, почти коричневый цвет тела выдает в нем коренного цейлонского жителя Сингалеза.





Сказочно богат, красив и обилен Цейлон. Но это обилие только подчеркивает неумолимую нужду, голод, нищую жизнь, которую влачат тамошние люди. На чайных плантациях, на плантациях кофе, каучука, в копях, на рисовых полях видны их обнаженные согнутые спины.

Как в калейдоскопе сменяются картинки цейлонской жизни перед глазами советских моряков.

Однажды, незадолго до ухода из Коломбо, на пристани мы встретили буддийского монаха в ярко-желтом плаще, с большим веером в руках.

В ожидании катера он бесстрастно стоял на деревянном помосте и перебирал четки. Его горящие глаза были устремлены куда-то вдаль. Сквозь тонкую ткань плаща выделялось угловатое, худое тело. Тонкие губы монаха были плотно сжаты, сухое лицо аскета, его фигура и поза говорили о пренебрежении ко всему земному.

Но достаточно было появиться на пристани человеку в роскошном шолковом одеянии, который шел в сопровождении двух черных слуг, как весь облик монаха мгновенно изменился. Очевидно, пришелец был богатым буддистом. Монах заискивающе протянул руку и жадно схватил монеты, небрежно брошенные пришедшим человеком.

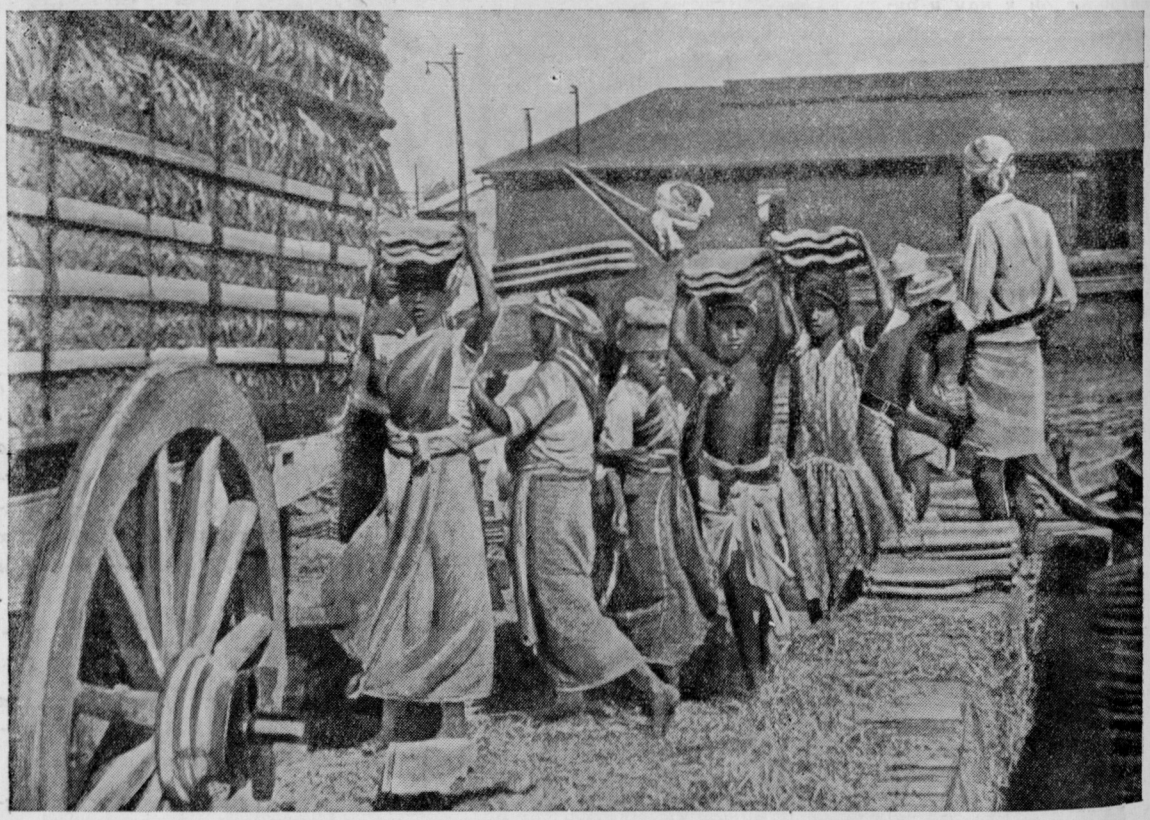
Двенадцать дней простояла флотилия речных катеров в знойном Коломбо.

Иногда по утрам мы выходили в город через суетливый порт, где оборванные нищие и грузчики-сингалезы — исконные хозяева острова — переносят на своих плечах в чужие трюмы такие богатства, о которых сами не смеют и мечтать.

Вместе с взрослыми работают и дети. Они заняты на «легкой работе»: разгружают черепицу с норвежского судна. Вскинув на голову желто-крас-

ные, точно плоды мангового дерева, глиняные дощечки, движутся дети в этом жутком конвейере. Они бредут друг за другом с раннего утра до тех пор, пока не погаснет тропическое солнце.

Однажды мы проходили мимо детей, разгружавших черепицу. Я остановился, чтобы сделать несколько снимков. Дети с любопытством разглядывали советских моряков. Они столпились около



штабелей черепицы. Это нарушило размеренную работу конвейера. Взбешенный надсмотрщик в грязной белой чалме бросился с плетью на маленьких грузчиков. Один из них, не успел увернуться от ударов, получил пинок ногой в живот. Мальчик упал, корчась от боли. Надсмотрщик готовился нанести второй удар, но к ребенку стремглав ринулся наш кочегар Вадим Прохорчук. Его губы дрожали от гнева.

Второй моряк, Терзи, подняв с земли мальчугана, бережно отнес его в тень. Худые плечи мальчика вздрагивали от рыданий, слезы текли по лицу. Терзи гладил ребенка по курчавой, как барашек, голове и что-то ласково говорил по-английски.

Дети изумленно глядели на белых людей, ставших на защиту их товарища. Надсмотрщик, как побитая собака, скрылся за штабелями. И с тех пор, стоило только появиться кому-нибудь из нас, дети, если не было поблизости надсмотрщика, прикладывали в знак привета руку ко лбу.

На улицах Коломбо нас встречали бродячие фокусники, факиры, укротители змей. Они глотали горящую паклю, прокалывали тело иглами, но, несомненно, наибольшее впечатление производили укротители ядовитых змей. В белых тюрбанах, с горящими черными глазами, укротители бродили по улицам, площадям, по набережной. Все их имущество — грушеобразная, разукрашенная свирель и несколько плоских, круглых маленьких корзин со змеями. Особенно всех нас поразил старик-индус, который ходил в сопровождении мальчика и двух других заклинателей змей.

Старик первый осторожно открыл свою корзину. Свернувшись кольцами, там лежали пепельно-серые большие кобры. Это наиболее страшные и ядовитые змеи. Их яд, безусловно, смертелен для человека. По статистике, в один год от укусов змей в Индии погибла 21 тысяча человек. Врач Никольсон пытался подсчитать количество кобр. В Бенгальском округе на одном квадратном километре он нашел около 400 этих змей.

Кобра является бичом индийского народа. Она селится всюду, но ее почти никто не убивает: это — священное животное. Даже если кобра по-

селится в хижине индуса, он поит ее молоком.

Старик встряхнул корзину, змея недовольно зашевелилась, зашипела, но не тронулась с места. Индус толкнул кобру рукой и быстро откинулся назад. Змея подняла голову, яростно метнулась к укротителю, на шее ее вздулись желваки. Голова стала непомерно большой. Вокруг глаз тянулись черные полосы, словно ободки очков. Этих змей часто называют очковыми.

Факир заиграл на свирели. Звуки сначала были резкие, кобра проявляла беспокойство, она металась по сторонам, но вот полилась тягучая, монотонная, словно шелест пальмовых листьев, мелодия. Змея постепенно успокоилась и, высоко подняв голову, начала раскачиваться в такт музыке.

Следом открыл корзину с коброй и мальчик. Подражая старику-индусу, он встряхнул ее, а затем слегка ударил рукой. Факир, продолжая играть на свирели, напряженно и беспокойно следил за движениями мальчика, но юный укротитель быстро справился со своей коброй. Он даже слегка придавил босой ногой хвост змеи и взял в руки раскачивающуюся кобру. То же самое сделали со своими змеями и остальные заклинатели.

Бросив несколько мелких монет на землю, мы отправились бродить по городу.

Обычно мы ходили только по городу, редко-редко попадая в пригород, где позади аристократических бунгало ютились сингалезы, индусы, тамилы в тростниковых хижинах с кровлей из пальмовых листьев. Но нас влекли дебри тропического острова, хотелось проникнуть в глубину его, подальше от моря, побродить в девственном, сохранившем свою первобытность лесу.

И вот однажды, гуляя по взморью за городом, мы очутились около железнодорожного полустанка. Почти через каждые пять — десять минут мимо мчались крохотные паровозики с четырьмя пассажирскими вагончиками. Через полчаса мы уже были в 15—20 милях от Коломбо, на станции Моратуво, и по ровной, асфальтированной дороге направились в глубь острова.

Очень скоро кончился асфальт, пальмы с пышными кронами приблизились к самой дороге. Через несколько минут ходьбы дорога превратилась в узкую тропинку. Часто нам приходилось продираться сквозь лиановые заросли, дико обвивавшиеся вокруг деревьев. Дурманящий запах орхидей и других невиданных цветов наполнял воздух.

Пройдя около двух миль, мы с трудом выбрались на поляну и лицом к лицу столкнулись с стройным молодым сингалезом. На поляне, под сенью кокосовых пальм, около гигантских бамбуковых зарослей, приютилась ветхая одинокая хижина. В дверях играли совершенно голые дети. Сморщенная, как выжатый лимон, старуха пряла пряжу. Сингалез сошел с тропинки, встретил нас глубоким поклоном и молча пошел позади. Мы направились к хижине.

При виде белых дети испуганно вскрикнули и стремглав убежали в лес. На крик детей вышли молодая женщина и седой старик. Было странно видеть его почти белые волосы, обрамляющие бронзовое лицо. Никто из жителей хижины не знал ни единого английского слова. Мы жестами показали, что нас мучит жажда. Старик скрылся в полутемном помещении и появился вновь, держа в обеих руках по скорлупе кокосового ореха, наполненных водой. Мы с жадностью выпили теплую, пахнущую чем-то воду и, поблагодарив, вернули эту своеобразную посуду.

Молодой сингалез упорно что-то спрашивал нас. Мы не понимали. Наконец, разобрались, что он хочет узнать, кто мы.

— Русо. Зовьет русо, — ответили мы.

И так же, как в далекой Голландии, в Испании, в знойной Аравии, здесь, в дебрях Цейлона, эти слова произвели магическое действие. Собеседники живо начали говорить на непонятном наречии,

часто упоминая близкие, родные имена — Ленин, Сталин. Тотчас же настороженное, недоверчивое отношение к нам — людям с другим цветом кожи — изменилось. Женщина позвала детей. Они откликнулись из чащи бамбука. Старик взял нас под руки и повел в хижину. Он усадил гостей на бамбуковые нары. Посреди хижины с земляным полом виднелся очаг — груда остывшей золы. В углу лежала посуда, ведерко, сделанное из толстого бамбука. В другом углу, на маленьком алтаре перед статуей крохотного Будды, горел светильник. В дверь было видно, как старший мальчуган с обезьяньей ловкостью взобрался на пальму и выбрал самые крупные орехи. Они с глухим стуком упали на землю. Ловко срезав верхушку плодов, старик с поклоном протянул нам по ореху величиной с детскую голову. Орехи были зеленые, наполненные чуть кисловатой, но приятной прохладной влагой — кокосовым молоком. Мы с удовольствием отпили несколько глотков и возвратили орехи хозяевам. Пригубив, сингалезы вернули плоды, и мы должны были выпить до дна содержимое орехов. Трогательно было смотреть, с какой заботой, вниманием относились к советским людям жители цейлонской глуши. Даже дети, осмелев, подошли к нам и начали сравнивать свои черные кулачки с белыми руками гостей.

Время близилось к четырем часам. Просидев с полчаса, мы поднялись, показывая знаками, что нам пора возвращаться. Старик долго упрашивал нас остаться, указывал на небо, где уже начали собираться тучи, но, поняв, что мы все же уходим, поручил юноше проводить нас.

Обратно мы шли, очевидно, более близкой дорогой. Только в одном месте пришлось переходить вброд небольшую, спокойную речку с илистым дном. На противоположном берегу наш проводник неожиданно остановился, жестами заставил сделать то же и нас. Он поднял с земли камень и бросил его в кусты. В двух шагах что-то зашевелилось, через тропинку проползла змея и быстро скрылась в траве. По пепельно-голубому отливу мы узнали в ней кобру. Дальше шли уже более осторожно.

Скоро среди зелени пальм мелькнуло лазурное море. На берегу рыбаки чинили сети, поправляли свои пироги. Вдали виднелась станция Моратува. Юноша показал туда рукой, поклонился и, прижав концы пальцев ко лбу, исчез в лесу.

Через день наша флотилия покинула Коломбо

Джура и Тэке

Часть 5-я. Северная дорога Небесных гор

Повесть Ю. Тушкана *Рис. В. Цельмера*

(Окончание)

Глава первая

Перестал дуть суетливый западный ветер, спутник лета. Его сменил северный ветер. Он кружил одинокие снежинки в воздухе, чтобы швырнуть их в лицо путникам.

Одинокий, бездомный странник, тяжело опираясь на палку, плелся среди гор по каменистой тропинке, близ Тиан-Шан-Пелу— Северной дороги Небесных гор. Он не окидывал гордым взором снежные вершины и мглистые дали, а понуро смотрел вниз, чтобы не ушибить больных ног о камни. Лишения и страдания согнули его шею.

— Плохо стало жить... Вай, вай, плохо!

Иногда странник останавливался, тяжело вздыхая, задумывался и подолгу стоял, опершись на палку, пока порыв ветра или крик птицы не возвращал его к действительности.

Тогда он вздрагивал, дергаясь всем телом и вжимая голову в плечи, испуганно озирался по сторонам.

Вот уже несколько дней, как его преследовал волк.

Думая, что волк спрятался, странник далеко обходил подозрительные камни, сворачивая с тропинки и даже карабкаясь на кручи.

Страшно идти одному в горах, когда тени орлов скользят по земле и непонятные звуки доносятся с гор, наполняя сердце ужасом, а сзади идет волк, чтобы с'есть выбившегося из сил странника.

Иногда он забывал о волке и тихо плелся по тропинке в глубь гор, где, как застывшие морские валы, громоздились острые вершины.

Но стоило страннику услышать шорох, и он снова бежал вперед.

Уже перед самыми сумерками проголодавшийся странник вышел из горных теснин в широкое ущелье и свернул в сторону, к подножьям гор, покрытых чахлой, высохшей к осени травой. Подойдя к роднику, он наклонился и начал что-то искать. Потом опустился на колени, вынул нож и откопал корень гусиной травы. Очистив корень, он начал медленно его жевать, устремив слезящиеся глаза к горам и не замечая их.

Потом разыскал хармлык. На его кустах было мало сладко-соленых ягод, и это не

радовало старого путника. Этими ягодами питаются животные, а раз ягод мало, — значит, далеко еще до города и дик этот край.

Странник сварил ягоды в чимчане — медном кувшинчике — единственной своей посуде. Вынув из-за пояса ложку, он неспеша поел. Раньше в пути он варил еще болтушку из крапивы и щавеля, но осень и высокие горы лишили его этой вкусной пищи.

Вблизи от родника стояла древняя конусовидная кибитка. В ней старик расположился на отдых. Но прежде чем заснуть, он обошел ближайшие окрестности и, найдя нору лисы, по свежему лисьему помету узнал, что нора обитаема. Длинными руками, спускавшимися ниже колен, старик сложил около норы большую кучу камней, а рядом приспособил единственный имевшийся у него капкан.

Ночью совсем близко раздался тоскливый волчий вой. Одинокий старый волк сидел на склоне горы и выл от голода. Он не мог уже охотиться и день за днем плелся за человеком в надежде, что человек умрет, и он с'ест его труп.

Странник прижался к задней стенке круглой кибитки и, обхватив руками колени, сжался в комок, положив на них голову.

Так он сидел, пока дневной свет не придал ему смелости, и только когда солнце поднялось над горами, он вышел из кибитки и направился к капкану.

Лисица попала в капкан, старик добил ее, умело снял шкуру и, хотя лисье мясо не едят, голод заставил его сварить лучшие куски и с'есть их.

Так день за днем шел старик.

Но всему приходит конец, пришел конец и тропинке.

Завернув несколько раз вправо, потом влево, она сделала последний прыжок на высокую гору, пробежала у кромки вечных снегов, ринулась вниз и повела странника по предгорьям, по чукурам все вниз и вниз. Теперь с каждым днем делалось все теплее, желтые стебли трав становились желто-зелеными.

Страннику казалось, что, миновав зиму, он возвратился к теплой весне и кусты ласково машут ему зелеными ветвями. А прошлой ночью перестал выть и волк. То ли он издох, то ли испугался близкого многолюдного тракта, с которого доносились звон колокольцев и крики. Но волк отстал.

Странник сразу повеселел, но все же у него не хватило смелости выйти вечером на тракт, и он заночевал невдалеке, на покинутой караванщиками ночовке, где еще чуть дымился потухающий костер и собаки еще не успели доесть остатков еды.

Встревоженный, но радостный, он заснул и впервые за долгое путешествие всю ночь проспал спокойно.

★

Горы все отчетливее вырисовывались на побелевшем небе. Оно окрасилось на востоке в коричневые тона, потом порозовело, покраснело, и красное зарево, багровея, разлилось по облачкам, окутывавшим вершины.

Уже давно растаял иней в тени горы и исчезли дрожащие капли росы под жаркими лучами солнца, а странник все спал и спал. Лежа на спине, он раскинул руки, и мухи ползали по его лицу.

Бездомная рыжая собака, тихо подкравшись, безуспешно искала пищу и, не найдя ничего, кроме крошек на редкой спутавшейся бороде странника, слизнула их.

Странник проснулся и, увидев над собой морду, вскрикнул, решив, что это тот самый волк. Они кинулись друг от друга: испуганный человек — в одну сторону, и не менее перепуганная собака — в другую. Наконец, убедившись, что за ним никто не гонится, странник сел на землю и долго с упоением ругался, а потом возвратился к костру. Он собрал вещи и вышел на холм.

Вдали зеленели сады. Между ними проходил тракт и, пробегая у подножья холма, исчезал где-то на горизонте. Не одна, не десять, а около сорока тропинок лежало одна возле другой, так, что рядом едущие всадники не задевали друг друга стременами.

Растянувшись длинной цепочкой, шли верблюжьи караваны, поднимая пыль.

Верблюды в такт шагу мерно кивали головами, украшенными разноцветными султанами из красной, желтой и синей шерсти, и монотонно звякали колокольцы, подвязанные на их шеях.

Пыль, густая и тяжелая, брызгала из-под их огромных, грузных ступней и повисала в воздухе душной завесой, туманя дали.

Странник быстро зашагал по самой короткой тропинке по направлению к городу.

На тропинке он казался еще меньше ростом, потому что бесчисленные караваны в течение сотен лет вытоптали ее и она тянулась глубокой узкой канавой, скрывая странника почти до колен.

Чем ближе подходил странник к городу, чем выше подымалось солнце, тем шумнее

становилось на дороге, звенели бесчисленные колокольцы, ревели верблюды и ишаки, кричали и свистели погонщики, лаяли собаки.

Сердце его билось неровными толчками все сильнее и все суетливее. Рядом с тропинками шла широкая дорога. По ней ехала крытая арба, запряженная одной лошадью. Хозяин ее сидел верхом, причем колеса арбы достигали высоты всадника.

Проехал мандарин в лазурном халате, с шариком на шапке. Шли водоносы с кувшинами воды. На худых осликах, цепляясь ногами за землю, ехали по два дехканина.

Беговые верблюды, мерно покачиваясь, свысока наблюдали толпу.

Дойдя до ворот, странник юркнул в толпу, стараясь не попасться на глаза страже.

Странник быстро шел по узким улицам, огороженным высокими глиняными заборами, боязливо оглядывался и чуть было не попал под лошадь.

Выйдя на широкую и шумную базарную площадь, он остановился. Площадь была битком набита лошадьми, верблюдами, ишаками и людьми всех возрастов и национальностей. Говор: киргизский, дунганский, китайский, узбекский, афганский, персидский,— переходя в крик, стоял в пыльном воздухе, в котором носились голуби.

Сновали торговцы с круглыми корзинами фруктов на плечах. Пронзительно кричали водоносы, расхваливая холодную воду. Ходили кальянщики, продавая по одной и по две затяжки табачным дымом из кальянов.

Много нищих сидело возле стен и визгливыми голосами просило подаяния. Шаманили дервиши. Тут же толкались младшие школьники из мактабов — школ при мечетях — и более старшие из медресе, норовя что-нибудь стянуть.

В воздухе пахло навозом, сырым мясом, пловом и лошадиным потом. Странник как слепой шел медленно в толпе, натыкаясь на людей. Его ругали, и ему наступали на ноги. Пораженный, он остановился, наконец, перед ковровой лавкой. Каких только ковров не было здесь! Намазлыки и макрабы — небольшие молитвенные ковры различных цветов и узоров — горой высились в углу. Калы — большие ковры для подстилки на полу — привлекали его взор своими пестрыми рисунками. Осмолдуки — украшения для верблюдов — пестрели как радуга. Красные с синим переметные сумы, курджумы и торбы привлекали множество покупателей.

Старик, почти всю жизнь проживший среди серых, однообразных гор, не в силах был уйти от лавки. Его толкали прохожие, но он не замечал их. Он не заметил, что внезапно шум на базаре немного стих и вскоре базар почти замолчал; только китайцы, индусы — немусульмане — по своему неведению не чувствовали страха при появлении блюстителя магометанской веры, грозы всех мусульман — раиса Кипчакбая.

Завидев Кипчакбая, мусульмане почтительно потупили головы, как и надлежит делать правоверным, а женщины спрятались за спины мужчин. Только какая-то женщина без паранджи [1], заметив Кипчакбая, испуганно закричала и, боясь наказания, помчалась через базар.

— О горе мне, горе! — кричала женщина и своим криком выдала себя, потому что помощники, ехавшие вместе с Кипчакбаем на лошадях, поскакали за ней через базар, опрокидывая прохожих.

Много людей побежало с базара, и впереди всех мальчишки, боявшиеся сердитого Кипчакбая больше чем шайтана.

А раис Кипчакбай, одновременно исполняя обязанности козы [2], шагом ехал по базару на породистой и выхоленной гнедой кобыле. Он грузно покачивался в мягком седле.

Выпятив нижнюю губу и прищурившись, Кипчакбай сердито смотрел на склонивших голову правоверных и икал от с'еденной слишком жирной пищи. В правой руке он сжимал ременную плеть — диру — символ власти раиса.

К нему приволокли провинившуюся перед кораном женщину. Толстый Кипчакбай кричал на нее, размахивая нагайкой. Он отхлестал женщину дирой и поехал дальше, а за ним поехали его помощники.

— Дерешься! — крикнул чей-то звонкий, молодой голос из толпы.

— Кто сказал? Кто сказал? — закричал Кипчакбай, покраснев от гнева.

Но все правоверные молчали. Тогда Кипчакбай направил лошадь на толпу — толпа расступилась.

Разгневанный Кипчакбай подскочил вплотную к толпе и стегнул нагайкой пожилого дехканина по голове, приговаривая:

— Делай намаз по вечерам, делай!

Стоявшего рядом дехканина он тоже ударил и сказал:

— Не ешь в пост, не ешь!

— Но ты меня за это уже наказывал,— ответил смиренно дехканин, вздрагивая от удара.

---

[1] Паранджа — вуаль, покрывало на лицо.

[2] Козы — военный судья басмаческой шайки.

— Что? — закричал Кипчакбай, — что ты сказал? — Дехканин промолчал, а Кипчакбай, размахнувшись, стегнул его три раза:

— Прими наказание и смирись перед аллахом, гордец! Бисмилля! [1]

В этот момент он заметил удивленный взгляд дехканина, стоявшего рядом, и ударил его, также приговаривая:

— Хоть ты еще и не согрешил, но все равно согрешишь, прими наказание вперед, и ты тоже!—и разгневанный Кипчакбай поехал вдоль толпы, стегая ременной плетью направо и налево всех, попадавшихся ему под руку. Ему никто не сопротивлялся, и избиваемые только вздрагивали всем телом при ударе и еще ниже склоняли головы.

— Как тебя зовут, старик? — сказал Кипчакбай, остановив лошадь возле ковровой лавки.

Странник обернулся и, увидев Кипчакбая, испуганно вжал голову в плечи.

Кипчакбай внимательно всматривался в странника и узнал Кучака.

— Бисмилля, я нищий, меня зовут Джура, — сказал Кучак первое пришедшее ему в голову имя.

— Хо-хо! — презрительно захохотал Кипчакбай.— Джура сидит в яме, а ты — Кучак.

Странник задрожал.

— Может, ты и Джура, — ехидно продолжал Кипчакбай, — а может, и врешь!— И Кипчакбай позвал своих помощников, ловивших тем временем на базаре еще двух женщин без паранджей.

— Пусть ты и не Кучак, но чтобы выяснить, кто ты, я тебя арестую. Ты поможешь нам копать арык.

Перепуганный старик с неожиданной быстротой юркнул в подворотню. Кипчакбай верхом погнался за ним, но старик пролез под забором через собачий лаз в соседний двор. И так как все дворы были огорожены высокими дувалами, то, пока Кипчакбай и его люди погнались в обход, старик скрылся.

Отбежав подальше, странник задержался у обжорных лавок. Чего только здесь не было! Старик глотал слюну и глазами ел недоступные ему лакомства, аромат которых щекотал его ноздри.

— Вот зазноба—пирожок с запахом лука и чеснока, начиненный концами, хрящей и салом. Вот манту, то есть «ты и я» — пирожок с мясом, вареный на пару.

Запах душистого плова смешивался с ароматом кавурдака. Пары наперченного мясного бульона туманили голову.

Старик не выдержал. Он подошел к хозяину и, вытащив дрожащими руками шкуру лисицы, подал ему. Хозяин молча бросил ее на руки своему помощнику и вопросительно взглянул на старика.

— Накорми меня, — сказал старик, — чтобы я наелся до икоты всем этим,— и он показал на занзоба, на манту, на плов и на другие яства.

Хозяин посмотрел шкуру и сказал:

— Нет.

Странник рассердился: шкура, хоть и осенняя, но хорошая, и он сердито подал хозяину золотое колечко с бирюзой. Хозяин утвердительно кивнул головой.

Старик поспешно уселся в углу на ковре, поджав ноги. Помыл руки струей чистой горячей воды, политой ему чайханщиком, старательно вытер их матерчатым поясом и принялся за еду.

Вскоре около старика собралась толпа.

— Вот, — сердился хозяин, — старик вводит меня в убыток. Я думал: он человек, а он бездонный курджум. Сам небольшой, а ест как батырь.

И хозяин перечислял с'еденное. Присутствующие поочередно щупали живот старика и говорили:

— Еще не тугой, еще много влезет!

Скоро весть об обжоре разнеслась по всему базару. Толпа любопытных увеличивалась. Но старик, не обращая внимания, ел. Он ел шашлык, манту, занзоба, запивал мясным бульоном, а в глазах его все еще блестела голодная жадность.

Сумерки окутали базар. Огонь карачирака освещал потное лицо старика, глотавшего уже через силу.

Зрители все прибывали. Даже базарное начальство почтило зрелище своим присутствием.

— Да ведь это Кучак! — вдруг закричал Безносый.

Он был теперь каким-то базарным начальством — это облегчало ловлю воров и нищих для того, чтобы копать арык в садах Кипчакбая.

— Ты узнаешь меня, старик? — сказал Безносый.

Старик отрицательно замотал головой и быстро глотал пищу.

Посетители посмеивались:

— Какой же это Кучак? Известного всем Кучака давно с'ели, чтобы вылечиться от оспы, а этот сам всех может с'есть.

[1] Бисмилля! — с нами бог!

Наконец, хозяин отказался кормить старика в счет шкуры и кольца, хоть это было несправедливо и нечестно. Любопытные уже за свой счет кормили его и с уважением щупали живот, разбухший как бурдюк.

Безносый пристально всматривался в старика и все твердил:

— Это Кучак.

Старик вздохнул и поднялся.

— Я сейчас приду и опять буду есть,— сказал он окружающим, выходя во двор.

Безносый хотел было пойти за ним, но это показалось бы смешным — подглядывать за человеком, пошедшим по своим нуждам...

Прождав полчаса, Безносый заволновался.

— Ловите его, это опасный человек, я заплачу за его голову! — кричал он.

Но странника, а это был действительно Кучак, и след простыл.

Глава вторая

В один из холодных осенних дней Кучак пришел к широкой реке. Он был голоден, оброс и казался еще более немощным и несчастным.

На реке работали «сучи» — водяные люди, как их называли. Все они были одеты в широкие шаровары. Они переправляли путников через реку на плоту из надутых воловьих шкур. Сами же при этом плыли рядом с плотом, удерживая его, чтобы он не перевернулся.

Кучак попросил поесть. Сучи засмеялись:

— Хочешь поесть, так поработай. Есть свободное место, недавно один утонул.

Кучак с таинственным видом сообщил, что он страдает водобоязнью.

По старинному обычаю, чтобы вылечиться от водобоязни, надо кусать ушки котлов в сорока кибитках. На это Кучак согласился. И сучи веселой гурьбой ходили с Кучаком из кибитки в кибитку; только один Кучак был печален. Но он добросовестно кусал ушки котлов.

Хозяева кибиток, давно не видавшие подобного лечения, были довольны веселым событием в их однообразной жизни и охотно давали Кучаку кусать не только ушки котлов, но и есть то, что было в котлах. В десятой кибитке наевшийся Кучак воспрял духом и об'явил себя знахарем. В каждой следующей кибитке он рассказывал о своих знахарских способностях и перечислял по именам людей, которых он вылечил. Его слушали внимательно, но ни лечить, ни заговаривать не просили. Он не показал здесь еще никакого чудесного исцеления.

Кучак старался стать знахарем или хотя бы кзыком — кишлачным шутом, — но все же ему пришлось стать только сучи, и он вместе с другими переправлял плоты, хотя вода была холодная и лезть в нее Кучаку не хотелось. После переправы у него болело тело и ныли кости. Но надо было работать, чтобы жить.

Однажды в морозный осенний день, когда ледяная вода сковывает тело и надолго прерывает дыхание, сучи отказались перевезти важного китайского чиновника. Он бегал по берегу, ругался, но сучи не хотели лезть в холодную воду.

— Я важное лицо! — кричал чиновник и все набавлял и набавлял цену. Тогда жадный Кучак согласился и уговорил других.

Сучи в широких шароварах, с привязанным на груди тулумом — козьим бурдюком, — погрузили на плот из связанных бычьих шкур, надутых воздухом, важное лицо и его вещи. В плот впрягли лошадь.

Бурная река как будто кипела.

Сучи ежились в холодной воде и не могли свободно дышать. Плот двинулся. Лошадь поплыла. Длиннорукий сучи Кучак, закинув правую руку за шею лошади, усиленно греб левой. Плот подхватило течением и стремительно помчало, подбрасывая на водяных буграх.

Сучи гребли изо всех сил, поддерживая равновесие неустойчивого плота. Важное лицо быстро шептало заклинания и молитвы, испуганно всматриваясь в порог, где ревела вода и куда несло плот. Чиновнику казалось, что скалы быстро бегут вверх. На другом берегу, среди отвесных скал, виднелся причал, куда и пристали сучи.

Они дрожали от холода и сейчас же побежали греться в чайхану.

К вечеру Кучака знобило, у него ломило все кости. Через пять дней он не смог встать с кошмы у костра.

— Тез-арвах (ревматизм),—определил он сам свою болезнь.— Много ходил я по свету и слишком много жил на местах старых кочевок. Однажды три лета жил в пещере, где жили деды моих дедов. Вот и заболел.

Пока у Кучака были деньги, заработанные у важного лица, чайханщик слушал разговоры больного, давал ему место и пищу, когда же деньги кончились, сказал:

— Зарабатывай деньги и живи у меня или иди гуляй, куда хочешь.

Вскоре он прогнал Кучака.

Больной и голодный, ушел Кучак из кишлака, опираясь на палку. Беда никогда не приходит одна!

Одинокий и угрюмый, во власти отчаяния и безнадежности, старик брел все дальше и дальше на восток и бормотал:

— Я влачу по острым камням судьбы свою жалкую жизнь.

Глава третья

На далеком севере собаки питаются рыбой. На зеленом острове Мадейре они едят виноград. В Бразилии собаки поедают зрелые ягоды кофе. В Монголии — пожирают трупы людей, и чем скорее с'едят собаки труп, тем угоднее, по учению лам, душа умершего богу.

На кладбище, за город, куда выбрасывают трупы, покойника провожают, кроме родственников и друзей, своры собак.

Эти собаки, переселяясь из Монголии в Кашгарию, сохраняют свою привычку — пожирать мертвецов.

По обычаю, он, придя на базар, лег на площади. Милостыня в таких случаях подается кошмами. На него бросали кошмы, пока они не покрыли его. Тогда он сделал себе из них обиталище ввиде норы. Много таких нор из кошм, в которых ютились нищие, было разбросано по всему базару.

Плот двинулся. Лошадь попятилась.

Однажды в бурную ночь, когда ветер шумел на Тиан-Шан-Пе-Лу, Северной дороге Небесных гор, а снежные комья кружились в воздухе, не опускаясь на землю, в такую ночь на одном из восточных базаров умирал нищий. Это был Кучак.

Днем нищие просили милостыню, а ночью дрожали от холода в своих норах.

Множество собак жило на базаре. Они тоже просили милостыню и тоже мерзли и питались чем попало, заменяя собой городскую канализацию. Это были вечно голод-

ные существа. В них не осталось и тени задора и жизнерадостности.

Собаки ходили от одного покупателя или купца к другому, жалобно смотрели им в глаза и только изредка слабо повизгивали.

Но иногда и у этих собак был праздник. Это случалось, когда умирал нищий. Собаки с'едали его труп, и некоторые из них поселялись в войлочной норе, пока следующий нищий не прогонял собак и не занимал освободившуюся «квартиру».

В эту ночь несмотря на вой урагана и злой, жалящий мороз базарные собаки тихо и терпеливо сидели у одной из войлочных нор. Снег покрывал их толстой белой пеленой, но они спокойно и стойко переносили буран.

Собаки ждали, когда умрет нищий, а умереть он должен был скоро.

Время от времени серый пушистый пес осторожно влезал в войлочную нору; тогда все собаки настороженно поднимались, и снег сыпался с них.

Серый пес обнюхивал лицо лежащего в забытье Кучака и лизал его нос. Заметив, что человек еще жив, пес выбирался из войлочного мешка и отходил в сторону.

Остальные собаки сидели шагах в двадцати от норы Кучака, но постепенно они подбирались все ближе и ближе.

И вот собаки улеглись уже в двух шагах вокруг норы умирающего.

Снова влез в войлочную нору серый пес, и снова поднялись остальные. Нищий не хотел умирать, но бессвязные слова срывались с его губ все реже и реже. Наконец, губы Кучака посинели, и он замолчал. Собаки тихо выли.

Глава четвертая

Большой черный пес, с белым пятном на лбу, бежал, почти уткнувшись носом в тропинку.

Иногда он взбирался на пригорки, останавливался, поднимал голову и, насторожив уши, внимательно смотрел вдаль.

Насколько хватало глаз, перед ним простиралась все та же каменистая кашгарская полупустыня. Через нее, одна возле другой, тянулись тропинки.

Далеко впереди виднелись еле заметные сизые дымки.

Пес долго и напряженно прислушивался, поворачивая во все стороны уши: вдалеке шелестели кусты полыни. Из-за холма доносился шорох осыпающихся камней. Сверху слышался свист крыльев.

Пес жадно вдыхал различные запахи, но среди них не находил запаха своего владыки и друга — Джуры.

Бегать в поисках Джуры стало у Тэке привычкой.

Он возмужал, закалился и стал одиноким свирепым бродячим псом, не желавшим примыкать ни к одной стае собак.

Он никак не мог долго удержаться на одном месте, хотя дехкане, восхищенные его ростом и силой, старались его поймать и посадить на цепь.

Многое испытал и пережил Тэке за время странствий. Болел чумой. Выдержал десятки битв с собаками и приобрел много навыков, свойственных бродячему псу.

И сейчас, спустя год после битвы в Маркансу, он приближался к кашгарскому кишлаку. Тэке достиг его к вечеру и хотя был голоден, но в кишлак не побежал, а улегся невдалеке, за кустом.

Ночь он проспал, а ранним утром, напившись воды в ручье, побежал дальше, в кашгарский кишлак. Караванные собаки, подняв хвосты, бежали ему навстречу, желая с ним познакомиться, но он бежал все вперед, не обращая на них внимания.

Случалось, что на него наскакивал какой-нибудь зазевавшийся деревенский пес, сопровождавший скрипучую арбу на двух гигантских колесах, или встречная собака не уступала ему пути, тогда Тэке больно кусал ее, и собака с визгом убегала.

Иногда Тэке взбирался на бугор и смотрел вперед, на дорогу.

Множество верблюдов, лошадей, ослов, собак на дороге раздражало его. Чем ближе подбегал он к кишлаку, тем больше лошадиных караванов встречалось ему по пути, и тем дальше от дороги он бежал, потому что лошади шли гурьбой, а впереди них был злой жеребец. Их сопровождали пешие люди — и горе зазевавшейся чужой собаке, попавшей в середину такого каравана: вьючные лошади закусают и забьют ее копытами.

Привлеченный многоголосым собачьим лаем, Тэке влез на холм и увидел вдали, на буграх, собак. Это был собачий город. Он уже проснулся.

По дороге к кишлаку бежали рысцой голодные собаки на промысел «на свои улицы», которые они поделили между собой.

Они вымаливали подачки у прохожих, поедали все с'едобное в мусоре улиц и базара, ели помои и глотали даже тряпки, пахнувшие с'естным.

Навстречу им из кишлаков возвращались сытые ночные «пираты», днем отдыхавшие в норах, а ночью грабившие горожан и дехкан. Овцу, так овцу, курицу, так курицу — ничем не брезговали эти хитрые и умные собаки.

Десятки собак, сидя на буграх, прочесывали зубами шерсть, уничтожая паразитов. Вереницы собак тянулись к реке — напиться и выкупаться.

Бойцы зализывали свои вчерашние раны и бежали поесть целебных трав. Старые собаки, вялые и задумчивые, лежали на буграх, отогревая промерзшие тела, или грызли кости.

Рослые щенки с визгом носились по буграм.

На этом же пустыре решались важнейшие вопросы старшинства в стае; здесь же грызлись соперники за место вожака. Там и здесь белели собачьи черепа, и стервятники жадно поглядывали с высоты расположенных вблизи скал, подстерегая свежую добычу.

Возле этого пустыря, ближе к кишлаку, находилась свалка, но, кроме костей и старой золы, выброшенных в незапамятные времена, там ничего не было.

Каких только собак здесь не было! Всех пород, от всех времен и народов, когда-либо приходивших или заходивших в Кашгарию — «Страну монголов», как ее называли раньше.

Большие серые собаки пришли сюда с готтами. Они населяли самую восточную часть бугров. Белые кудлатые злые и задиристые остались от скифов. Рослые рыжие пятнистые волкодавы осели здесь после гуннов. Гладкошерстые рыжие и белые собаки с узкими телами и желтыми глазами сопровождали вторгшиеся некогда орды кара-китаев. Их потомки жили в южной части бугров. Длинные туркменские волкодавы и каракалпакские овчарки пришли с отрядами Чингис-хана, а от Тамерлана, вторгшегося с пятью армиями, остались черные кудлатые псы. Борзые и хорты пришли вместе с отрядами арабского завоевателя Саида. Это были длинные узкие собаки на высоких ногах и с длинными узкими мордами. Трудно сказать, что у этих собак было не длинным и не узким. Когда в тысяча семисотых годах китайцы вырезали до миллиона местных жителей, а сто лет спустя, во время дунганского восстания, когда дунгане вырезали до пятисот тысяч китайцев, плохо было и собакам. Если режут хозяина, значит, надо его защищать, а если собака защищает хозяина, ее убивают.

В течение многих сотен лет осиротевшие собаки селились в собачьем городе. Борзые смешались с тибетскими догами, монгольские волкодавы — с китайскими гладкошерстыми, но каждая собака сохранила свои повадки и свой характер.

Сердитый лай собак доносился до Тэке. Он недоверчиво понюхал воздух и побежал не к собакам, на бугры, а мимо, в кишлак.

В поисках еды он трусил мелкой рысцой по улице, жадно поглядывая по сторонам.

Хозяйские псы, собственники дворов, стоя у ворот, отгоняли его лаем. Тэке не забегал во дворы: он был еще не так голоден, чтобы грабить.

Запах мяса привлекал Тэке, и он остановился у лавки, где уже несколько собак поджидало покупателей.

Подождав, пока из мясной лавки вышла покупательница, собаки увязались за ней. Тэке тоже пошел следом. Собаки сопровождали хозяйку, жалобно визжа. Некоторые забегали вперед, становились на задние лапы и махали в воздухе передними.

Хозяйка сжалилась и бросила кусок, но, прежде чем Тэке достиг места, где упал кусок, собаки уже с'ели мясо и злобно зарычали на Тэке, но он не отставал.

Потом они провожали старичка, весело разговаривавшего с собаками. За этим стариком, почуяв легкую наживу, увязалась целая стая, но теперь Тэке шел впереди, отпугивая остальных грозным рычанием.

Понемногу собаки отставали, и вскоре за стариком шли только Тэке и белый пес. Когда Тэке перехватил брошенный стариком кусок, белый пес обиженно залаял. Тэке побежал дальше, но белый пес, с грязной шерстью и выпиравшими ребрами, не отставал. Он бежал сзади и все время обиженно и с остервенением лаял. Еще бы, какой-то чужой пес посмел, нарушая собачьи правила, украсть кусок на его улице!

На этот лай собрались другие встревоженные грабежом собаки, и скоро все собаки, нищенствующие на этой улице, бежали за Тэке и яростно лаяли, прогоняя его. Тэке вначале не обращал на них внимания, но потом, когда лай усилился, он обернулся и клацнул зубами, предупреждая, что будет драться. Стая не только не отстала, но еще сильнее обрушилась на Тэке.

Собаки-попрошайки поделили между собой улицы так же, как это делают профессиональные нищие-люди, но Тэке еще этого не знал.

На стыке двух улиц Тэке сел между двумя стаями, свирепо лаявшими на него. Вз'ерошив шерсть на шее и на спине, Тэке вертелся во все стороны и угрожающе лязгал зубами, чтобы отпугнуть враждебных собак. И хотя стык двух улиц являлся территорией, не принадлежащей ни одной из стай, нищие-собаки бросались на Тэке.

Грозно рыча и беспокойно озираясь по сторонам, Тэке бросился бежать. Он побежал к собачьему городу. Много собак, серых, пятнистых, сидело и бегало у холмов. Тэке заметил в них много нор. Когда же из одной высунулась собачья голова, он даже остановился удивленный.

Затем он увидел, как несколько собак влезло, а другие вылезли из нор. Собаки жили в норах!

Собака, голову которой Тэке заметил из норы, вдруг подняла неистовый лай. По этому сигналу несколько собак выскочило из нор этого холма и залаяло на Тэке, прогоняя прочь. Собаки же из соседнего холма не лаяли и не обращали на Тэке внимания: это было частным делом собак, живущих в бугре, около которого остановился Тэке.

Тэке ходил от холма к холму, и, если всходил на бугор, на него бросались жившие там собаки.

Поздно ночью он достиг крайнего бугра и сунулся в одну из нор, но тотчас же отпрянул назад.

Чья-то собачья голова радостно взвизгнула и лизнула его в нос. Тэке отскочил. Из норы вылез рыжий пес и радостно бросился к Тэке. Тэке обнюхал его и тоже обрадовался, узнав ту самую собаку, по кличке «Рубленый хвост», с которой он подружился, сопровождая караван несколько месяцев назад.

«Рубленый хвост» весело носился вокруг Тэке, лаял, игриво толкал Тэке плечом, припадая грудью к земле, и энергично вертел хвостом.

Тэке радостно скакал вместе с ним, валя его лапой на землю и сам валяясь и вскакивая, играя ушами и хвостом.

«Рубленый хвост» не сам бросил караван. Басмачи отбили караван и угнали верблюдов с товаром. «Рубленый хвост» увязался за верблюдами, но псы басмачей прогнали его, а басмачи пытались пристрелить, боясь, что он их выдаст лаем. Убить — не убили, но ногу перебили пулей, и «Рубленый хвост» стал калекой. И пока нога заживала, «Рубленый хвост» жил в собачьем городе. Он бегал на трех ногах в кишлак просить пищу.

«Рубленый хвост» был самым лучшим ночным сторожем во всем собачьем городе. И не мудрено: его бывший хозяин, пастух мандарина, приучал его не спать, применяя испытанный способ. Когда «Рубленый хвост» был еще щенком, он очень любил поспать в карауле. Однажды пастух внезапно подкрался и отрубил ему кончик хвоста. Щенок выл от боли, кружился на одном месте. Наконец, зализал рану.

После этого, много времени спустя, как только он слышал ночью шорох, он звонко лаял, опасаясь, что идет враг, который отрубит ему хвост.

Но за днями проходили недели, и щенок, охраняя овец, как-то опять заснул. Опять пастух, переодевшись, чтобы щенок его не узнал, отрубил ему кончик хвоста. И опять щенок долгое время стерег хорошо, не засыпая ночью, и хозяин был доволен.

Но время шло, и старое забывалось. Много раз рубили ему хвост, пока не остался короткий огрызок.

Теперь «Рубленый хвост» не спал по ночам и, если даже и дремал изредка, то не было во всем городе лучшего сторожа.

Здесь же, на буграх, Тэке встретил пса «Жженый нос», который боялся входить в человеческие жилища и теперь уже никогда не ел из человеческой посуды.

Его тоже «учили». Каждый раз, когда он, заходя в дом, ел из хозяйской посуды, ему тыкали в переносицу раскаленным железом. До сих пор у него на переносице черные шрамы.

Вскоре Тэке, «Жженый нос», «Рубленый хвост» и еще вожак скифских собак Косматый стали держаться вместе.

Косматый был самым свирепым из них. Черные глаза Косматого сверкали из-под шерсти, которая прядями свисала со лба. Белая шерсть сбилась космами.

По малейшему поводу, невзирая на опасность, он бросался на людей, на животных, на рассердивших его собак и грыз с остервенением, не замечая ничего вокруг кроме врага.

★

Поголодав несколько дней, Тэке снова побежал в город, на базар, где было много караванных собак. Базарные собаки несколько раз наскакивали на него, но, злой

и сильный, он быстро расправлялся с ними поодиночке, избегая драться со стаей.

Через несколько дней базарные собаки перестали преследовать Тэке. Это случилось после того, как он искалечил и прогнал с базара вожака одной из улиц города — кишлака, — где Тэке однажды чуть не загрызли. «Рубленый хвост» и «Жженый нос» ему помогали.

Стая Тэке наглела с каждым днем. Это уже были не сторожа и охотники: это были завоеватели, требовавшие ежедневно дани.

Однажды какой-то покупатель ударил собаку. Тэке неистово лаял на обидчика, провожая его до самого дома. С тех пор, боясь страшного Тэке, торговцы бросали ему кости, куски лепешек и всякие об'едки.

С каждым днем Тэке все больше и больше осваивался на базаре. Он обнаглел. Он не вымаливал подачку жалобным визгом и не провожал людей, несущих пищу, до самого их дома.

Тэке быстро понял: если на базаре рычать, то люди дают пищу.

Теперь он смело ходил по базару и, обходя поочереди торговцев, рычал на них, чтобы получить кусок.

Скоро вошло в обычай бросать подачки Тэке и сопровождавшим его собакам. Тэке обходил поочереди всех торговцев и рычал, а «Рубленый хвост» и «Жженый нос» выли. Что не с'едал Тэке, ели «Рубленый хвост» и «Жженый нос», а остатки подбирали увивавшиеся за Тэке собаки.

Даже собаки мясника, огромные пестрые псы, злые и кровожадные, однажды неудачно подравшиеся с Тэке, тихо ворчали про себя, боясь раз'ярить Тэке лаем, хотя он и ходил в их владениях и иногда получал оставленные для них куски.

Количество собак вокруг Тэке все увеличивалось. Приходилось увеличивать и подачки. Тогда торговцы сговорились покупать для стаи Тэке за бесценок павших лошадей. Трупы лошадей уже не вывозили, как обычно, на окраину, к собачьему городу, а бросали у базара, где их пожирали собаки.

Стая Тэке наглела с каждым днем. Это уже были не сторожа и охотники: это были завоеватели, требовавшие ежедневно дани.

День ото дня стая Тэке увеличивалась за счет собак с прибазарных улиц и обитателей бугров, и Тэке не гнал их.

Эта большая стая поселилась возле Тэке, в собачьем городе, и выгнала из соседних нор всех других собак, не входивших в стаю Тэке.

Получилось так, что в собачьем городе Тэке был вожаком только трех бугров, а на базаре он был вожаком стаи, куда входило множество собак из других бугров, от других вожаков.

Остальные вожаки, лишенные падали, которую больше не вывозили, каждый день лаяли, вызывая Тэке на поединок, но Тэке не шел: он ждал.

Когда же большая часть собак собачьего города перешла к нему в базарную стаю, враждебные Тэке вожаки окружили однажды вечером нору Тэке и, подняв лай, вызывали его на поединок. Тэке не выходил.

Злой, он рычал из своей ямы и разорвал нос сунувшемуся к нему вожаку китайских собак.

Под утро вожаки разошлись.

Тэке ждал.

И час битвы наступил.

Глава пятая

В город издалека прибыли купцы и начали быстро распродавать пригнанный скот. В один день они продали свыше тысячи голов. Тридцать подохло тут же, на базаре. Купцы этой же ночью уехали.

Старшина базара, обнаружив на следующее утро дохлый скот, встревожился: как купцы скрыли падеж? Припомнил, что в свой загон они никого не пускали, а, сторговавшись, выводили проданный скот к покупателю.

В полдень прибежало несколько дехкан и сообщило, что у них подохли купленные коровы. Даже сам Кипчакбай пострадал и приказал старшине базара разыскать купцов, но купцов давно и след простыл. Потом выяснилось, что они прибыли откуда-то с Тибета.

Всего подохло около ста голов. Их решили зарыть в одном месте, чтобы собаки не растащили кусков и не разнесли заразу.

Перед этим дней десять собаки голодали.

Теперь в собачьем городе царило всеобщее возбуждение. Собаки не спали. Они бегали друг к другу в гости, лаяли и выли.

Тэке со своей стаей даже не возвратился вечером в собачий город: всю ночь они дежурили у огромной кучи трупов, охраняемой стражей.

Ранним утром, когда девушки с кувшинами идут за водой к реке, на базар пригнали верблюжий караван. Трупы привязали к верблюдам, и те потащили их по пыльной дороге.

Огромная собачья стая во главе с Тэке, «Рубленым хвостом», «Жженым носом», Косматым и другими пошла по пятам, отгоняя чужих псов...

Верблюдчики не отцепили трупов коров на пустыре, около базара, где обычно в последнее время бросали падаль, а повезли за город.

Собаки заволновались. Тэке забежал спереди и начал бросаться на верблюдов, преграждая им путь. Верблюды обиженно ревели и не хотели идти дальше. Верблюдчики с нагайками в руках хотели разогнать собак, но были вынуждены отступить. Собаки, окружив караван, не пропускали его.

Тогда старший верблюдчик, видя, что ничего не поделаешь, погрозил кулаком Тэке и приказал оттащить в сторону одну корову.

Собаки плотным кольцом окружили эту корову и кинулись есть. Тем временем караван ушел.

На вершинах бугров, в собачьем городе, собрались вожаки со своими стаями и напряженно смотрели на дорогу.

Они увидели, как выехавший на дорогу караван свернул в сторону и поехал к дальним буграм, развалинам старинного города.

Там караван остановился у ямы в холме, около которой копошились люди.

Пока собаки из стаи Тэке с'ели брошенную им корову и прибежали к буграм разрушенного города, полицейские уже окружили верблюдов.

Собаки из собачьего города во главе с вожаком по кличке Тигровый тоже по-

мчались к дальним буграм. Это не было привычное, старое место свалки у собачьего города, это не было и новым местом свалки у базара: это была внесобачья территория, значит, мясо здесь получат самые ловкие и сильные собаки.

Обе стаи окружили яму и жадно наблюдали, навострив уши, как верблюдчики сбрасывали в нее коров.

Наиболее голодные из стаи Тигрового пытались было прорваться, но полицейские открыли стрельбу и оттеснили их назад. На месте осталось несколько собачьих трупов.

Кетменщики, с рассвета копавшие большими цапками-кетменями яму, прокопали десять локтей в глубину, как вдруг один из них, ударив кетменем, не удержал его в руках: кетмень вырвался из рук и провалился. Кетменщики испугались. Видят: перед ними черная яма. Бросили камень. Яма оказалась глубокой. Они решили сбросить туда всех коров, а потом закопать их.

Глава шестая

Солнце пригревало. Собаки, тяжело дыша, открыли рты, с их языков капала слюна.

Вокруг желтая безжизненная каменистая равнина. Вдали сверкают снегами горы. Ближе город окружают серо-желтые скалы. На вершинах скал сидят голодные кондоры и хищно наблюдают за людьми, которые закапывали в яму коров.

Сотни собак: черные, желтые, белые, рябые, высокие, маленькие, гладкие и пушистые — лежат, сидят и стоят... И все, приподняв уши, внимательно наблюдают происходящее...

Как только уехали верблюдчики, собаки бросились разрывать яму. Полицейские выстрелили по ним, убив несколько собак. Остальные отбежали в сторону и легли. Наряд в пять полицейских остался лицом к лицу с огромной стаей голодных собак.

— А что, если они бросятся на нас? — сказал один. — Ведь нам не справиться.

— Ну, ничего! — оборвал его старший.

Но брошенная мысль заставляла полицейских с опаской посматривать на ожидавших псов.

— А ведь ни одна собака не ушла! Они ждут,— сказал тот же полицейский.

На этот раз все промолчали.

Две огромные стаи лежали по обе стороны бугра. Собаки повизгивали, ссорились, рычали. Некоторые из них убежали, но вожаки никуда не уходили.

Наступила ночь.

Полицейские пугливо жались к костру. Страшно было ночью находиться вблизи кладбища да еще в окружении голодных собак.

Наконец, к полицейским пришла смена. Пришедшие тоже боялись. Они требовали подмоги. Но отдежурившие не согласились оставаться и ушли.

Вдруг одна собака, с пестрой окраской, голодная и тоскующая, подняла голову и завыла.

И тотчас же «Рубленый хвост» и почти все собаки завыли.

Хриплые, простуженные и звучные голоса — все слились в один протяжный вой, который, казалось, длился беспрерывно и бесконечно.

Полицейские испугались. Из темноты ночи на них смотрели сотни светящихся глаз.

Полицейские не выдержали: схватив винтовки, как палки, они плотной толпой, наступая друг другу на ноги, пошли прочь, и собачья стая расступилась, пропуская их. Отойдя подальше, полицейские побежали.

Двумя армиями, стена против стены, собаки столпились около могилы.

Тигровый зарычал и важно вышел вперед.

К нему, напрягши хвост, как струну, высоко подняв голову и прижав уши, медленно, с достоинством подымая каждую лапу, вышел Тэке.

На обеих собаках шерсть дрожала, и гневные складки пробегали волнами по коже.

Все остальные собаки сели вокруг, не спуская с них глаз.

Тигровый, оскалив белые клыки, вызывающе рычал на Тэке, и последний отвечал ему тем же.

Оба ступали медленно и важно, делая вид, что смотрят в стороны и не замечают друг друга.

Тигровый вдруг обернулся к Тэке и угрожающе зарычал. Он кружился вокруг Тэке, а собаки стояли и наблюдали.

Была темная ночь. Но все собаки очень отчетливо видели происходящее.

Они видели, как у Тигрового брызжет слюна из пасти и как в ответ ему беззвучно оскаливается Тэке; только изредка из его пасти доносилось рычание.

Тигровый метнулся к Тэке, но тот отско-

чил в сторону и бросился на Тигрового, сбил и прижал его к земле.

Поднявшись на задние ноги, они обхватили один другого передними, каждый старался добраться до шеи врага. Но зубы натыкались на зубы противника.

Враги то приседали, то вытягивались во весь рост, но не могли свалить один другого. Наконец, Тигровый опрокинул Тэке на землю, но тот сейчас же вскочил. Тигровому удалось прыгнуть Тэке на спину и, сжав передними лапами его туловище, вцепиться в шею.

Тэке внезапно перевернулся через голову, и в этот миг сильным рывком когтей он разорвал живот Тигровому.

Тигровый взвыл.

Собаки сидели, затаив дыхание. Когда же, опрокинутый на спину, Тигровый завыл от боли и ужаса, истеричный Косматый, обезумев от злости, бросился на него, а на Косматого бросилось еще несколько собак, так как он нарушил закон собачьего поединка.

Два трупа — Тигрового и Косматого — остались возле коровьей могилы; у многих, вмешавшихся в драку собак были перекушены ноги; у некоторых были повреждены глаза, уши и хвост.

Вопрос старшинства был решен.

Тэке важно шел между собаками. Некоторые из них опрокидывались на спину, другие махали хвостами, а часть дружелюбно обнюхивалась с ним. И все же на некоторых из них Тэке бросался, грыз и кусал. И собаки жалобно визжали, но не оказывали ему никакого сопротивления.

В ту же ночь Тэке начал разрывать яму, чтобы добраться до коров.

Собаки сидели вокруг. Тэке порыл и отошел в сторону, его сменил «Жженый нос». Потом на смену пришел «Рубленый хвост», а его сменили другие. Под утро яма была разрыта. В глубине темнело отверстие. Тэке спустился к нему и понюхал. Пахло коровами. Они лежали глубоко внизу, и до них нельзя было добраться.

Эта яма напомнила Тэке подвал, в котором он когда-то сидел. Он недовольно попятился.

Послышался предостерегающий лай «Рубленого хвоста». Тэке вместе с «Жженым носом» вылез на бугор. К бугру ехали полицейские, сопровождая старшину базара.

Тэке побежал прочь, а за ним и остальные собаки.

Когда полицейские осмотрели раскопанный вход, то решили, что собаки не могут достать мясо с такой глубины. Поэтому было решено засыпать яму вновь, но охраны не оставлять.

Как только полицейские уехали, Тэке и его стая вернулись и обнюхали весь бугор. С противоположной к могиле стороны бугра, из трещины, доносился еле слышный запах от коров. Тэке сунул нос в трещину, чихнул и начал копать, потом отошел в сторону.

Весь вечер и всю ночь, сменяя друг друга, рыли собаки твердую глину.

К утру прорыли длинный ход. Рывший последним рыжий пес так увлекся работой, что провалился в образовавшуюся дыру с остатками земли. Он испуганно завизжал внизу. Тэке вскочил и тоже полез в образовавшийся ход. Этот ход вел в громадное подземелье.

Тэке быстро выгреб остатки глины и прыгнул вниз, в проход.

Тотчас же за Тэке бросились другие собаки. Тэке вбежал в один из подземных залов, затем, во второй, наконец, в третий, где лежали коровы.

Собаки одна за другой прыгали в подземелье. Три дня и три ночи собаки пожирали коров. Они бегали к реке напиться воды и снова возвращались есть.

На четвертый день полицейский, посланный проверить целость бугра, обнаружил, что собаки проникли внутрь.

Он не решался под'ехать к входу, у которого толпились собаки.

Об'езжая бугор, чтобы узнать, как добрались собаки до коров, он пересек тропинку, протоптанную собаками к реке, и вдруг увидел на тропинке золотую монету. Полицейский соскочил и схватил монету. Сомнений не было: это была старинная золотая монета.

Полицейский быстро осмотрел землю вокруг и нашел еще несколько монет. Но интересно, что монеты он находил только на вновь протоптанной собачьей тропинке.

Он отошел в сторону. Бежало несколько собак. Шерсть на спинах у них была вз'ерошена, потому что они катались по падали.

Собаки бежали с бугра. Они отряхивались, и иногда блестящий золотой кружочек падал на землю.

Полицейский вскочил на коня и, так как он был мусульманином, помчался к «самому» раису — Кипчакбаю. Сомнений не могло быть: в бугре находились сокровища.

Страшен был вид Джуры, когда его опускали в яму.

Шапка, рассеченная ударами нагайки с проволокой на конце, присохла к волосам, склеенным запекшейся кровью от раны.

Правый глаз запух. Верхняя губа была рассечена. На лице, шее и груди засохла кровь.

Левая нога была босая, потому что в борьбе у палатки Тагая кто-то стянул с него ичиг.

В яме сидели два узника. Один был Саид, а другой Чжао, у которого отец был китаец и мать таранчанка.

Сверху крикнули: «Развяжите этой собаке руки!»—и потом: «Подыхай, Джура!». Саид понял, что новый узник — не кто иной, как Джура из кишлака Мин-архар.

Слова Саида о том, что он знает, где Кучак, заставили Джуру только на короткий срок опомниться, но, как только Саид развязал ему руки, Джура снова начал метаться в яме диким зверем. Раненая голова у него сильно болела. Джура плохо сознавал, что он делает.

Он рыл ногтями глину, бросаясь от одной стенки к другой. Глина была сухая, крепкая и плохо поддавалась.

Наконец, поняв всю бесплодность этих попыток спастись, Джура крикнул Саиду и Чжао, испуганно жавшимся на корточках у стен:

— Поднимите меня к решотке!

— Это не поможет, — сказал Саид.

Но Джура прыгнул к нему и обхватил пальцами его худую шею, сдавил, приговаривая:

— Подымешь? Подымешь?

У Саида глаза налились кровью, и он не мог выговорить ни слова.

А Джура, не сознавая своей страшной силы, обезумевшими глазами смотрел в потускневшие и мутные глаза Саида.

— Брось, ты его удавишь, и это не принесет тебе пользы, — тихо сказал Чжао.

Джура выпустил задыхавшегося Саида и обернулся к Чжао.

— Подымай, — сказал он.

Саид, как рыба, вытащенная из воды, глотал воздух.

Чжао, упершись руками в стенку, наклонился, Саид обхватил его за пояс, и Джура поднялся, как по лестнице, подскочив, схватился руками за деревянную решотку, закрывавшую яму.

Отрывисто дыша, он повис на ней и, упершись ногами в стену, рванул решотку в сторону. Она слегка сдвинулась.

Заметив это, полицейский, сторожившый яму, испуганно закричал и, просунув приклад ружья и отверстие решотки, сильно ударил им Джуру по голове.

Пальцы Джуры разжались, и он рухнул в яму.

— Вот бешеный! — закричал оправившийся Саид. — Его надо обязательно зарезать, а то он задушит нас обоих.

— Не надо. Пусть живет, — тихо сказал Чжао, неподвижно сидя на корточках у стены.

На другой день, ослабевший и больной, Джура лежал в жару и бредил.

Тогда Чжао попросил у Саида кусок бритвы, которую тот носил в ичиге, и обрил волосы Джуры вместе с прилипшей к ним шапкой.

Рану он промыл водой из кувшина, а потом насобирал по стенам паутины и прикрыл рану.

Через три дня Джура оправился настолько, что уже сидел и говорил, а еще через день ходил.

Лежа у стены, он смотрел вверх, на темноголубое небо или на звезды, и даже веселые рассказы Саида не могли отвлечь его от горестных дум.

Он тосковал по горным просторам, напоенным прохладным воздухом, тосковал по Зейнеб и утраченной свободе. От одной мысли о басмачах он злобно стонал.

Порывистый, страстный и замкнутый, он не рассказывал Саиду и Чжао о своих чувствах. Он часто вскакивал и начинал ходить, а потом бегать по яме. Он мечтал о том, как он соберет отряд в десять, в сто, в тысячу всадников и ранним утром, когда еще горит в небе пастушья звезда, они поскачут на стоянку Тагая.

Земля будет стонать под копытами. Он сам захватит Тагая в плен и будет мучить его, Безносого и Козицкого. О, горе им!

Джура смотрел перед собой и как будто видел долину, трупы, слышал ржание коней и, увлеченный мечтами о мести, метался в

яме, не замечая ни Чжао, ни Саида и что-то бормоча, натыкался на них, как слепой.

— Джура, — говорил ему тихо Чжао, — твой язык пересох, и губы запеклись. Смотри: ты ударяешься о стены, сам того не замечая. Выскажи нам свое горе, все обиды. Ведь даже по ночам ты не спишь!

Слыша звук его голоса, Джура затихал и однажды рассказал о том, как он будет мстить басмачам, как он будет мучить Тагая.

Он говорил отрывисто, хрипло. Много и без толку жестикулируя в разговоре, он, скорее, запутывал, чем раз'яснял смысл своих слов, потому что жест у него опережал слово.

В безрадостную, смрадную яму редко заглядывало солнце. Только в полдень узкий, как лезвие, луч проникал сквозь решотку.

По утрам Чжао видел в глазах Джуры тоску, которая бывает в глазах загнанного до смерти коня.

Чжао, пожилой человек, небольшого роста, худощавый, с кожей цвета слоновой кости и черными быстрыми глазами, внимательно слушал его и понимал, как тяжко мучается в яме этот свободолюбивый, сильный охотник.

Однажды утром Чжао, сидя у стены, увидел красно-золотистый лист, случайно залетевший в яму. Чжао закрыл глаза и пробормотал:

— Поднявшись тайком к плотине, там стоит один... Ветер, ночь сурова. Обернувшись, смотрит он: лодка спрятана в затон. И среди цветов осок чуть мигает огонек.

— Что он бормочет? — спросил Джура у Саида, не поняв китайского языка.

— Так, пустое, — сказал Саид, немного понимавший по-китайски, — говорит об одном контрабандисте опиумом, который спрятал лодку в затон и смотрит, что делает полиция.

— Нет, — сказал Чжао, — это стихи, понимаешь?

— Ну это ты врешь, — уверенно сказал Саид. — Только один раз в жизни меня ловко обманули. И кто обманул? Кучак!

Саид плюнул с досады. Мысль, что он, Саид, упустил такого жирного гуся, приводила Саида в бешенство.

— Знал бы, что у него золото, — золотую бы жизнь и себе и ему создал, целые дни лежали бы мы на кошмах, красавицы подавали бы нам кумыс, плов, манту, занзоба, и мы бы так наедались, что икали бы даже во сне. Вай, вай, я сижу в яме, я, Саид, — и он горестно ударял себя в грудь кулаком.

Узники целые дни проводили в разговорах, но почти всегда говорили Чжао и Саид. Джура слушал.

И Джура впервые узнал от них о существовании разных стран, о других людях и их обычаях.

Чжао рассказывал о своей удивительной жизни, о том, как он был поваром, матросом, пулеметчиком, краболовом и грузчиком.

Саид, не терпевший ни от кого ни в чем превосходства, перебивал Чжао, рассказывал о своих невероятных похождениях, о том, как он возил контрабанду и был старшиной у нищих. Особенно Джура любил рассказы о полководцах, храбрецах, военной хитрости и битвах. Он мог не спать, не есть, лишь бы слушать, упиваясь геройством бойцов и торжеством побед.

И когда уже глубокой ночью Саид, наконец, замолкал, и наступала тишина, прерываемая печальным шумом ветра, Джура кричал Саиду: «Да ври же что-нибудь!» — потому что слишком тяжело было ему сидеть в яме, когда кругом происходили такие чудесные приключения.

Каждый день узникам спускали в яму воду и аталу.

Иногда из ямы вытаскивали Чжао, и он шел вместе с конвойным на базар просить милостыню, потому что на одной атале не проживешь, и ему подавали куски лепешек, мяса, недогрызенные кости, горсти жареной джугары и мелкую монету. Лучшую часть добычи забирал себе конвойный, а кости и жареную джугару отдавал узникам.

— Будем пировать, — говорил в таких случаях Чжао.

Как-то раз Джуру вытащили из ямы и связали руки. Его повезли на допрос.

Был теплый осенний день, но Джура не замечал его. Он жадно смотрел на далекие горы, покрытые снегом, и быстро дышал.

Долго ехал Джура со стражами и, наконец, в'ехал на узкую улицу, окруженную высокими глиняными заборами.

Под'ехав к резным воротам двухэтажного дома, старший из стражи крикнул:

— Эй, Мухамед!

В воротах открылась форточка, и в ней показались большой толстый нос и пара блестящих на выкате глаз.

— Хоп, — сказал обладатель этого носа.

Загремели засовы, заскрипели ворота, и спешившаяся стража ввела лошадь с Джурой во двор.

Посреди двора, у двух старых, тенистых деревьев, возле большого хауза [1], высился помост с крышей.

На кошмах и расшитых подушках лежал толстяк, одетый в яркий шолковый халат.

Стражи, сложив руки на животе, подошли к толстяку, и, низко кланяясь, приветствовали раиса, козы Кипчакбая.

Джура сразу узнал его.

Он вспомнил рассказы Саида о том, как Кипчакбай купил Кучака и мучил его, выпытывая, где лежит золотой клад на Памире.

Вспомнил, как Безносый и другие басмачи жгли их в пещере у Биллянд-Киика, чтобы выпытать, где золото. Джура, с'ежившись на лошади, оглядывался: где же орудия пытки?

Но ничто не напоминало предстоящей пытки.

Из широкого хауза, наполненного водой, журча, вытекал арык.

Указательным пальцем левой руки, украшенным толстым перстнем, Кипчакбай чесал за ухом кошку, разлегшуюся перед ним на подушке.

Это не мешало ему одновременно бросать крошки большому, золотисто-красному петуху.

Красивый, откормленный петух ходил возле Кипчакбая по утрамбованному, приглаженному мокрыми тряпками двору и собирал крошки.

Кипчакбай долго и молча смотрел на Джуру, а потом приказал развязать веревки и снять Джуру с коня.

Джура, став на землю, пошатнулся, у него затекли ноги и руки.

— Целуй! — сказал ему раис, протягивая свою пухлую руку, которой он гладил кошку, но Джура не двинулся с места.

— Хочешь куки-куки кричать? Ты знаешь, кто я?

★

Поздно ночью решотка над тюрьмой отодвинулась в сторону, и бесчувственное тело Джуры упало в яму, задев ногами Чжао и Саида.

Глава восьмая

Дни тянулись за днями, недели — за неделями. Сквозь решотку сыпался снег, арестованные сидели, прижавшись к стенке ямы, дрожа от холода.

Джура стал еще более молчаливым, угрюмым и раздражительным.

Саид, которого он несколько раз сгоряча ударил, стал бояться его.

— Замолчи! — кричал Джура, и даже Чжао, который относился к нему, как к сыну, прерывал свой рассказ.

Но наступило время, когда у Джуры не стало сил даже сердиться. Он еще больше похудел, стал кашлять и по целым дням лежал неподвижно на спине, вперив взор в далекое небо. Там изредка кружились орлы.

Джура так тосковал по свободе, что Саид как-то подсел к нему и сказал:

— Эй, Джура, ты стал, как баба, хоть рассердись или ударь меня!

Но даже это не развеселило Джуру. Не утешило его и обещание Чжао, что настанет время, когда Джура возвратится в Страну советов, где много чудес и где на железных драконах летают люди.

Теперь узникам давали совсем мало мучной болтушки, да и ту не хотел есть Джура, тосковавший по свободе.

Тогда Чжао и Саид начали просить сторожевого, чтобы он повел их на базар просить милостыню, но тот ответил, что это запрещено.

Страж, который стоял у ямы, все время издевался над Чжао. Он называл его обидными прозвищами; и однажды, после долгих просьб Саида и Чжао о пище, открыл решотку и крикнул:

— Эй ты, косой собакоед, на! — и сбросил им труп щенка, довольный своей шуткой.

Саид, разозленный издевательством, схватил щенка за ногу и бросил в сторожевого, но тот задвинул решотку, и труп, ударившись о нее, упал на голову Джуре.

Джура, не глядя на него, вяло отбросил его рукой, но потом посмотрел и вдруг вскочил.

Он прыгнул к щенку и схватил его. Саид

[1] Хауз — водоем.

попятился: уж не думает ли Джура есть дохлого щенка!

— Тэке, Тэке, Тэке жив, — бормотал Джура, потрясая щенком, — это его сын,— и он показал Чжао и Саиду белую метку на лбу щенка.— Тэке жив, мой Тэке здесь, близко, — говорил оживившись Джура.

Чжао моргнул Саиду и шепнул:

— Здесь десятки таких щенков. Пусть думает, что это сын Тэке: это радует его.

— Конечно, Тэке жив, — закричал Саид, — и это очень хорошо.

Сторожевой, услышав радостные крики, приоткрыл решотку, и, труп щенка, брошенный Джурой, ударил его по голове.

Сторожевой, рассвирипев, начал швырять в них бараньими лопатками, которые принесли сюда давным-давно, когда допрашивали старуху — гадалку на бараньих лопатках, предсказавшую конец мира, но скрывшую, когда же это случится. А когда ни костей, ни камней уже не было поблизости, он стал бросаться дровами, припасенными для костра, пока не устал.

Возбужденный Джура схватил кусок дерева и, взяв у Саида обломок ножа, заменявшего бритву, вырезал из дерева собаку. Он сделал ей глаза, уши, хвост.

— Вот мой Тэке,— сказал он.

Чжао и Саид удивились тонкой работе. Деревянная собака очень походила на живую.

— За такую деревянную собаку дадут пять тенег, — сказал практичный Саид.

— Ну конечно, — подтвердил Чжао, — теперь ты, Джура, можешь кормить и себя и нас. Ты будешь вырезать деревянные фигурки, а я буду продавать их на базаре.

Джура вырезал медведя, лису, хорька, и на другой день, когда сменились сторожа, Чжао попросился на базар. Но сторожевой сказал, что это тоже запрещено. Тогда Чжао бросил ему фигурки и попросил продать их с тем, чтобы он себе взял две трети вырученного, а им на одну треть купил еды.

Два дня узники нетерпеливо ждали. На третий день, когда сторожевой остался один, он сдвинул решотку и наклонился над ямой.

Лицо его было в синяках, глаза красные.

— Плохо, — сказал Чжао, увидев его злое лицо.

— Я продал игрушки, — сказал сторожевой, — и выпил за ваше здоровье. — Берите! — и он бросил им сверток.

Узники развернули его. Там было три лепешки, три куска мяса и немного вареного риса.

— Мы живем! — закричал Саид.

— Давайте опять игрушки. Продам, — сказал сторожевой.

Но Джура ответил, что дерева нет, и просил принести тополевых поленьев.

Сторожевой выругался и закрыл решотку. Но едва только узники кончили есть, как решотка снова отодвинулась, и сторожевой сбросил два тополевых чурбака.

— Дай нож, — сказал ему Джура.

— Только продавать буду я, — сказал сторожевой и бросил Джуре нож.

— Очень хорошо! — сказал Чжао.

Он понимал, что это занятие развлечет Джуру, и не ошибся: Джура с увлечением вырезывал деревянные фигурки: барса с двигающимися ногами, орла с головой, которую можно было заменить головами человека и орла — на выбор. Деревянные орлы были у него в детстве, а барса с двигающимися ногами он придумал сам.

Однажды сторожевой, продав игрушки, открыл решотку и сказал:

— Слушай, охотник! За твою игрушку, где ты вырезал девушку у костра и двух охотников, из которых один целится ей в грудь, а другой стоит возле двух собак, хорошо заплатили, вот вам еда,— и он сбросил сверток с лепешками и мясом.

Глава девятая

— Хо-хо, живем! — закричал однажды утром, наклонившись над тюремной ямой, весельчак — сторожевой Хань-Шунь, — вот для вас и освобождение. Вы прямым путем попадете на тот свет и не будете больше мучиться в этой проклятой дыре.

С этими словами он опустил веревку и с помощью других полицейских вытащил наверх Джуру, Саида и Чжао.

Оборванные и худые узники хмурились от яркого солнца и дрожали от утреннего холода.

Джура жадно смотрел кругом и шумно вдыхал свежий воздух.

— Чего вы щуритесь, как совы! Еще немного — и сердца ваши успокоятся,— хохотал верзила и весельчак Хан-Шунь, радуясь своему остроумию.

Между тем Джура всмотрелся в стоявшего рядом с ним человека и узнал Безносо-

то. Прежде чем Джуру успели удержать, он схватил Безносого за шею. Но тот со смехом оттолкнул его, и слабый Джура упал на руки полицейскому.

Узников погнали к пустырю у собачьего города. Там ставили виселицы.

— Повесят нас! — громко сказал Саид, увидев на пустыре виселицы.

Потом он начал шептать Джуре:

— Бежим, ты сильный, мы спасемся,— и его глаза блестели, привлекая внимание прохожих.

По дороге к ним присоединили еще двух человек из другой ямы.

Кто-то из прохожих бросил узникам лепешку, и Саид поймал ее налету.

— Брось! — крикнул, подскакав на коне, Безносый и замахнулся нагайкой, но стража прогнала его, приговаривая:

— Пусть они хоть перед смертью наедятся.

Джура от лепешки отказался. Высоко подняв голову, он шел впереди узников и пристально смотрел вперед, не обращая внимания на окружающих.

Саид ел лепешку, но от волнения у него пересохло в горле, и он с трудом глотал.

Только Чжао ел спокойно, маленькими кусками, и разговоры стражей о том, как вылезает у повешенных язык, не влияли на его апетит.

На пустыре, вокруг виселиц, собрались любопытные.

Было много пеших, верховых, приехавших на верблюдах, арбах, ослах.

Среди любопытных шныряли нищие и дервиши.

Все с любопытством смотрели на полунагих, худых людей, которых вели на казнь.

Издали донесся гневный голос Кипчакбая...

К нему навстречу поскакали полицейские, подняв облако пыли.

Вскоре из пыльного облака показался и сам Кипчакбай. Рядом с ним ехал Тагай. Все настороженно притихли. Мужчины опустили головы, а женщины в испуге отбежали назад и прятались за спины мужчин.

— На самого курбаши Шо бросился этот висельник! — кричал Кипчакбай, заметив среди узников Джуру — Повесят — успокоится!

Узников подвели к виселицам. Толпа затихла. В напряженной тишине послышался приближающийся конский топот, и к Кипчакбаю подскакал на взмыленном коне полицейский. Он показал ему золотые монеты и долго что-то шептал, сильно размахивая руками и показывая в сторону дальних бугров, где были зарыты подохшие коровы.

Кипчакбай взволновался и поскакал к виселице, где верхом на лошади сидел полицейский чиновник, распоряжавшийся казнью.

Но произошло что-то непонятное: с узников сняли петли и повели их в сторону дальних бугров. Толпа заволновалась.

— Сегодня казни не будет. Она откладывается на два дня, — сказал полицейский.

Узники были несказанно поражены, когда им дали лепешек. Мало того, к ним под'ехал Кипчакбай и сказал:

— Узники! Счастье ждет многих из вас. Вы будете моими казюками! Кто лучше выполнит свою работу, того я освобожу.

— Не надо освобождать Джуру, ты голову потерял, — говорил Тагай.

— Конечно, он умрет, — шопотом ответил ему Кипчакбай, — но пусть все надеются: они тогда будут лучше работать.

— Кто такие «казюки»? — спросил Джура у Чжао.

Чжао ответил:

— Это кладоискатели. Давно это было. Еще во времена Абабкара. Однажды под старинной башней нашли колодец с зарытым в нем кладом. Там было так много серебра и золота, что Абабкар приказал раскопать все древние развалины. И вот в Яркинде толпа узников срывала старинные крепостные постройки. Год рыли, два рыли, много лет рыли.

— А куда Абабкар спрятал свое богатство? — спросил Саид, и его глаза заблестели.

— Войска твоего тезки Саида расхитили эти сокровища. Абабкар бежал в горы, и часть богатств затонула при переправах через реки.

— Какие реки? — снова спросил Саид.

— Да ты что, искать, что ли, думаешь? Мы сейчас будем казюками. И, значит, пока будем жить.

— Временно? — спросил Джура.

— Временно, — ответил Чжао.

★

Пятерых осужденных погнали к далекому бугру. Впереди узников лихо скакал полицейский, нашедший монеты. Рядом с ним ехал Кипчакбай.

«Рубленый хвост» лаем предупредил собак о приближении неприятеля, но собаки не покинули подземелья. Они свирепо лаяли на приближающихся.

Узники жались друг к другу. Им дали по кетменю. Полицейские разгоняли собак, но те собрались у входа.

— Лезьте через собачью нору и ищите монеты в подземелье. Кто много найдет, того освободят,— сказал Кипчакбай.

Собаки живой стеной стояли перед норой. Узники боялись двинуться. Кипчакбаю надоело смотреть.

— Лезьте! — гневно закричал Кипчакбай узникам.

Полицейские выстрелами и ударами винтовок очистили ненадолго вход в дыру.

— Лезьте! — приказал еще раз Кипчакбай.

Один из узников полез в нору. Но почти сейчас же оттуда послышался отчаянный крик. Узника вытащили из норы, у него было перегрызено горло.

Тогда Кипчакбай сказал:

— Вы, грязные бандиты! Если вы не полезете, я прикажу отрубить вам сейчас же головы.

Джура переглянулся с Саидом.

— Дай саблю, — сказал Джура, — а то с собаками воевать нечем.

Ему дали саблю, и Джура, что-то крикнув Чжао, полез. Ноги Джуры исчезли в норе. Страшный лай донесся до стоявших наверху — и вдруг смолк.

Из глубины послышался голос Джуры:

— Чжао! Саид! — кричал Джура, — скорее!

Присутствующие были поражены, видя, что Чжао и Саид бесстрашно полезли в нору.

Больше двух часов ждали возвращения казюков. Наконец, Кипчакбай не вытерпел и приказал оставшемуся узнику лезть в нору, но тот не хотел. Тогда вызвался тот самый полицейский, который нашел монеты, но едва успели его ноги скрыться в дыре, как он закричал. Его тоже вытащили с разорванным горлом.

— Шайтан, шайтан! — крикнул кто-то, и теперь уже никто не соглашался лезть вниз, хотя пригнали еще десять узников.

— Погибли казюки... погибли! Их разорвали псы,— громко говорили полицейские.

На следующий день, с утра, привезли несколько кип хлопка. Полили нефтью, бросили часть кипы в нору и зажгли. Все подземелье наполнилось тяжелым густым дымом. Когда хлопок прогорел, из ямы выскочило несколько собак.

Но казюки, уползшие в подземелье, не вышли...

Бугор охраняли усиленные наряды стражников.

По всему городу люди копали старинные бугры в поисках клада. Начали искать и в других городах и кишлаках и кое-что находили. Кипчакбай наведывался каждый день и спрашивал:

— Ну, как, можно лезть?

Тогда знающий человек зажигал карачирак, лез внутрь, но быстро выскакивал: карачирак тух от присутствия углекислоты.

В кишлаках снова начал дохнуть скот. Кто-то пустил слух, что это выходит дух из больных коров и заражает здоровых.

К Кипчакбаю приходили просить не трогать подземелья, куда были брошены коровы.

Однажды к Кипчакбаю пришел Тагай.

— Джура и Саид подохли в подземелье, как крысы, — сказал он Кипчакбаю, — теперь осталось только найти Зейнеб.

Узнав о предстоящей казни Джуры, Зейнеб убежала из дому.

Глава десятая

Спустившись в яму за сокровищем, Джура нашел там Тэке. Это спасло жизнь ему, Чжао и Саиду. По заброшенному подземному ходу, задыхаясь от дыма, они с трудом выбрались из подземелья.

Ночью Саид ушел и через два часа возвратился с тремя лошадьми. На вопрос, где он их взял, ответил: «У друга».

Пока беглецов искали у восточной границы, они ехали на запад. Саид доставал еду, и, под'езжая к пустыне Такламакан, он сменил лошадей на верблюдов.

Наконец, они повернули на север, через Такламакан. Саид взялся их провести через пустыню, чтобы потом повернуть на восток.

Прошло немало дней с тех пор, как путники, спасаясь от погони, прошли последние песчаные барханы и вступили в эту страшную и безрадостную пустыню.

Не было в пустыне ни солнца, ни тени: густая, полупрозрачная мгла повисла над путниками, застилая небо.

Ничто не росло здесь и ничто не жило на этих «такырах», напоминавших дно высохшего моря. Бесконечные трещины рас-

секали сероватый солончак, сухой, как сухарь.

Безмолвная, мертвенная пустыня угнетала путников, и они ехали молча, изредка переговариваясь шопотом.

Караван из трех верблюдов растянулся цепочкой.

Впереди ехал Саид, без дороги и тропинок он направлял верблюда куда-то прямо и только по одному ему известному пути, не отмеченному ни на картах, ни на земле.

За ним ехал Джура. Высохший, почерневший, с обострившимися скулами, он все время смотрел вдаль, как будто что-то там видел. За спиной у него висел карамультук — подарок охотников Саиду.

За Джурой ехал печальный Чжао, напуганный невиданной пустыней. Он боялся смотреть в лицо Джуры, его пугал мутный взгляд Джуры, под которым каждый из едущих чувствовал себя беспокойно и тоскливо.

За караваном бежал похудевший, взлохмаченный Тэке.

Уже третий день они ехали, томясь жаждой: ни одной капли воды не было в сухих бурдюках.

Губы у всех посинели, и Чжао казалось, что, закрываясь, веки шуршат о высохшие глаза. Языки опухли и побелели.

С каждым часом пути тело путников все больше и больше высыхало, щеки ввалились, и к вечеру, когда путники снова в'ехали в пески и стало жарко, пот на их телах больше уже не выделялся. Кожа стала сухой и шершавой.

Так было и в следующий знойный и душный день.

Верблюды легли и не желали вставать, а встав, не хотели идти; когда же на них садились, они падали, их широко открытые рты и дикие крики волновали путников. Только один черный двугорбый верблюд, злой и сильный, ушел вперед, и его не могли догнать.

— Близко, близко, — говорил Саид и показывал вперед.

Там синела вода озера, и путники побежали, но выбились из сил и упали; поднявшись, они увидели, что никакой воды нет, а над песком струится воздух. Они опять потащились вперед. Вставали, падали и опять вставали. Тэке плелся за ними.

Вечером стало прохладно; они шли, держась за руки, и все же Джура не бросил карамультук.

Повстречались кусты тамариска. Они начали жевать ветки, это было все равно, что жевать солому.

К утру они совсем выбились из сил и, вырыв углубления в песке, весь день лежали без движения под горячим солнцем и бредили.

Вечером они очнулись и потащились дальше. Впоследствии Джура так и не мог вспомнить, сколько дней или часов они шли вперед по следам черного верблюда. Тэке через каждые пять шагов ложился отдохнуть.

Они нашли труп верблюда. Пробовали с'есть по кусочку мяса, но слюны во рту не было, и они не могли глотать мясо.

Саид заплакал, хотя слезы и не лились из его глаз.

— Пить, пить! — кричал он и бил себя кулаком по голове.

Вдали виднелись деревья. Они доползли до них, но воды и там не было.

Неподвижные, лежали они в тени деревьев и бредили. Тэке не было с ними. Он куда-то ушел.

Вдруг они услышали свист.

— Буря, — прошептал Саид. — Мы пропали.

Оказалось, что это прилетели бульдуруки[1]. Они сели невдалеке.

— Хоть бы напиться свежей крови, — прошептал Саид.

Джура с трудом поднялся, высек искру, зажег фитиль и выстрелил.

Втроем они поползли на четвереньках к убитой птице. Крови ее они так и не напились, потому что кровь ее от жары запеклась и свернулась.

Ночью Джура очнулся. Тэке лизал языком ему лицо. Джура попробовал оттолкнуть его. Шерсть Тэке была мокрая.

— Вода, — хотел крикнуть Джура, но только прошептал: — Вода...

Джура пополз за Тэке. Долго он полз и, наконец, достиг зарослей тростника. Квакнула лягушка.

Джура бросился к воде, ломая тростники, и вышел к водоему. Он упал на живот и пил воду. Потом сел и пил воду. Потом выкупался, намочил одежду и пошел назад. Он выжал воду на лица Саиду и Чжао, и они очнулись.

Вместе они пришли к водоему и напились воды.

Всю ночь шли они в зарослях. Джура убил утку, и они ее с'ели сырой. К утру вышли на запах дыма к кочевке караван-

[1] Бульдурук — голубь пустынь.

щиков большого верблюжьего каравана, шедшего с востока на запад. Карамультук пришлось оставить в кустах, чтобы не вызвать подозрения.

Этот караван вез китайский шолк и фарфор, а сгрузив их, пошел дальше, чтобы взять в восточном городе Кашгаре груз для Советской России и подкормить отощавших верблюдов на богатейших пастбищах в Алайской долине.

Джура, Саид и Чжао нанялись караванщиками. Хозяин их принял, потому что они согласились работать только за еду.

Десять дней они ехали по малонаселенной местности.

Стояли последние дни зимы; похолодало, и шел снег.

Наконец, на одиннадцатый день, вечером, они достигли кишлака. Первые верблюды вышли на базарную площадь.

Впереди ехал на лошади караванщик — дунган. Сзади него на осле ехал первый верблюдчик и вел за повод двадцать пять верблюдов. За ним на осле ехал второй верблюдчик, Джура, и вел тоже двадцать пять верблюдов. С ним рядом бежал Тэке.

Увидев на площади скопище собак, Тэке помчался к ним.

Какой-то серый пес лез в нору из войлока, где, видимо, умирал нищий. Заметив Тэке, пес обернулся и бросился на Тэке. Но Тэке сшиб его.

Из войлочного обиталища донесся слабый стон бредившего человека.

Тэке отбросил серого пса и влез в нору. Горячим языком облизал он лицо старика.

Затем он выскочил и помчался к Джуре. Тэке визжал и тянул его за полу халата.

— Тэке, чего ты, Тэке? — спрашивал Джура, а Тэке нетерпеливо взвизгивал и все тянул его за полу халата в сторону войлочной норы.

Джура слез с осла. Вместе со своими двумя спутниками он разбросал кошмы.

— Здесь какой-то старик, — сказал он и склонился над замерзающим.

Тэке метался, лаял, бросался на собак и лизал лицо умирающего. Джура и его спутники ничего не понимали. Они даже решили ехать дальше. Караванщик ругался. Но старик, открыв глаза, прошептал: «Джура, Джура».

— Да ведь это Кучак! — закричал Джура.

Придя в себя, старик с трудом схватил в обе руки руку Джуры и, прижав к своему лицу, заплакал.

Метель кружила снежинки, и они таяли на лицах, но не таяли на лице Кучака.

*

За кишлаком караван остановился на дневку, и караванщики поставили юрту.

Сидя у теплого костра в юрте, Кучак смеялся и плакал.

— Ничего не болит? — спросил Джура.

— Нога болит, — пожаловался Кучак.

С трудом стащили с ноги ичиг. Кучак тряхнул ногой, и три отмороженные пальца отлетели в сторону.

— Да ведь это Кучак! — закричал Джура.

— Так, — сказал Джура, покачав головой.

Чжао промыл и перевязал рану.

Кучак и радовался и боялся: а что скажет Джура о золоте, которое он тогда унес? А говорили, что Джура умер!

Джура теперь уже не тот, что прежде: три резких черты избороздили его лоб сверху вниз.

«Не тот, не тот Джура!» — думал Кучак.

Кучак дрожал: из него «выходил холод». Костер разгорелся, а Кучак подкладывал в него все больше и больше дров.

Саид, не утерпев, чтобы не выругать Кучака за скрытое золото, побрил его. Кучак сразу помолодел и словно ожил. Но настоящего разговора еще не было. Пища еще не сварилась.

Когда же поели вареной баранины, Кучак заплакал и сказал:

— Я сварю вам плов.

И сварил такой чудесный плов, что об этом потом долго говорили и помнили. Даже караванщик похвалил.

А Кучак ел плов и тихо плакал. Никогда еще он не ел такого вкусного плова...

И слушая похвалы, Кучак стал гордым, как Джура.

Когда же выпили водку из джугары, он совсем развеселился. Беспрерывно шутил и отшучивался, щедро и непринужденно, как могут шутить лишь киргизы.

— Да кто ты? — спрашивал его караванщик.

— Даванашти [1], — отвечал Кучак.

За чаем Кучак, убедившись, что Джура не хочет вспоминать о его побеге, окончательно разошелся:

— Самая дурная страна та, в которой ты не имеешь друга, и самый дурной заработок для человека тот, за который его ругают, а уж я голодал и работал голодным, били меня, ругали меня, а заработанного не платили.

Помолчав, Кучак сказал:

— А Тагай и Безносый живы.

— Они умрут, — твердо ответил Джура.

— И у меня есть враги, — сказал Кучак. — И зачем я тогда ушел от тебя, Джура? Возле Биллянд-Киика я встретил баев, и они заставили меня, как ишака, тащить их курджумы, а потом хотели меня продать. Еле убежал. Прятался у прокаженных, а потом попал к Кипчакбаю. Саид выручил меня и научил сказать, что золото в Такламакане. Мы с Саидом и тремя басмачами поехали в Такламакан, по дороге он убил всех трех басмачей, и мы бежали в Хозрат, где пристали к нищим и жили на кладбище. Потом нищие выдали Саида полицейским: у них были старые счеты,— а я ушел... Вай, вай, как я мучился!

Кучак то смеялся, то плакал и, сам того не замечая, играл пеплом, пропуская его сквозь пальцы.

— Хо, хо,—сказал Чжао, посмеиваясь,— и лягушка квакает, если на нее наступить.

— Ну а ты, Джура? — спросил Кучак.

Джура рассказал Кучаку о своих странствиях.

Все помолчали.

— Слыхал я: аксакал жив, а в кишлаке Мин-архар есть теперь и мука и материя— все есть, — сказал Саид.

Снова наступило молчание.

— Если бы не Тэке, не был бы я жив,— сказал Джура. — Сколько раз он будил меня ночью, когда приближались враги! Сколько врагов догнал! Хороший пес Тэке. Верный друг.

В кибитке было жарко. Огромный черный пес Тэке, лежавший у печи на кошме, услышав свое имя, внимательно посмотрел на Джуру и махнул хвостом. Ему было жарко. Из раскрытой пасти капала на кошму слюна. Умным взглядом он обвел собравшихся и еще раз взмахнул хвостом. Джура, Кучак, Чжао, Саид смотрели на него с любовью.

— Тэке, — позвал тихо Джура.

Тэке важно поднялся и вразвалку подошел к хозяину.

Тэке положил ему голову на колени и, внимательно глядя в глаза, замер. Даже уши опустил, чтобы не слышать посторонних звуков и чтобы сосредоточиться на ласке хозяина.

Джура тихо говорил, и Тэке, казалось, понимал его.

— Ну, а ты чего хнычешь? — спросил Кучака Чжао. — Знаешь, что говорит эта надпись? — и он показал на стену юрты.

Кучак отрицательно качнул головой.

— «Пей и рассказывай веселые истории», — говорит она. — Все должны быть с друзьями веселыми, а с врагами злыми, и друзья должны держаться вместе.

— Конечно,—убежденно сказал Кучак,— вытирая слезы, — если весь мир ударит кулаками по горе, то превратит ее в пыль.

[1] Даванашти — чужестранец, дословно переходящий перевалы.

Глава одиннадцатая

Огромные Памирские горы высились вокруг. Снежные вершины сверкали в ярких лучах весеннего солнца.

Холодная прозрачная вода множеством ручьев с журчаньем и шумом стекала с гор.

На обнажившихся из-под снега лужайках цвели цветы: желтые, красные, синие, лиловые. Цветов было так много, что под ними даже не было видно зеленевшей травы.

Большой киик неподвижно стоял на обломке скалы, охраняя трех коз, пасшихся на лужайке, у небольшого водопада. Возле коз ходили крупные серовато-желтые птицы — улары. Вдруг улары тревожно подняли головы: среди привычных звуков падающей воды и шелеста ветра в камнях они услышали подозрительный шорох.

Один из уларов взлетел на камень и пронзительно свистнул. Козы вздрогнули и замерли, готовые мгновенно умчаться прочь.

Но еще не успели улары взлететь, как грянул выстрел и сторожевой киик, перевернувшись в воздухе, упал на лужайку. Козы скрылись среди камней, а улары улетели.

Из-за камня выскочил Тэке и помчался за козами. Отзывая его назад, из-за того же камня вышел Джура с дымящимся карамультуком в руках. Но, обгоняя Джуру, вперед выскочил Кучак и, подбежав к убитому киику, присел возле него на корточки. Он обеими руками ласково гладил жесткую темносерую шерсть киика, радостно выкрикивая сквозь слезы:

— ...Какой жирный... Больше я не буду голодать... Как хорошо жить на Памире!

Кучак вытащил нож, перерезал киику горло, напился свежей крови и позвал Джуру.

Но Джура его не слышал. Он жадно смотрел на родные Памирские горы, смотрел и не мог наглядеться. Уж не сон ли это? И дышалось здесь легко, полной грудью.

Джура всем своим существом ощущал радость возвращения на родину, где никто не будет его мучить, где такая привольная жизнь, о которой Кучак все время пел песни в кашгарских кишлаках, а люди слушали и спрашивали: «Где эта счастливая страна?»

— Горы, мои горы, моя родина! — прошептал Джура и порывисто вздохнул.

— А ведь он не идет, — послышался позади него голос Саида.

Он говорил о знакомом памирском охотнике Джамбеке, которого они встретили, перейдя ночью границу.

Джура рассказал Джамбеку о том, как он, возвращаясь на родину, работал караванщиком и, узнав о том, что Тагай готовится здесь прорваться через советскую границу, поспешил сюда.

Джура попросил Джамбека помочь ему. Джамбек отдал Джуре свой карамультук и обещал привести подмогу.

— Он отдал тебе свой карамультук, но ведь это не пятизарядка,— сказал Саид.

— Он идет, — сказал Чжао, стоявший рядом с Саидом.

Все посмотрели вниз.

По склону горы подымался на яке один охотник.

— Один старик едет, — сказал Саид.

Джамбек неспеша под'ехал на яке к Джуре, поздоровался и, не слезая, сказал:

— Поспешим.

— А где же подмога?

— Я предупредил, — ответил Джамбек.

— Эй, — крикнул Джура Кучаку, разжегшему костер, — скорее!

— Нельзя: печонка еще не сварилась,— ответил Кучак.

Джура подошел к костру и ударом ноги опрокинул маленький котелок на землю.

— Куда пойдем? — спросил Кучак.

Джура махнул рукой в сторону восточной горы.

— Но за той горой Кашгария! — закричал испуганно Кучак. — Я не хочу в Кашгарию.

— Мы не пойдем в Кашгарию. Мы подождем Тагая на этой, не покрытой снегом горе, — сказал охотник Джамбек.

— Я не хочу, там близко Кашгария, близко граница, я боюсь! — кричал Кучак и просил оставить его на Памире. — Я не хочу в чужую страну, я не хочу мучений, я еще не потерял голову, и мне не надоела жизнь.

Он плакал и стонал, когда его совместными усилиями усаживали на яка, позади Джамбека. В курджум нагрузили лучшие куски киика.

— Где же ружья? Джамбек заведет нас в западню, — шептал Саид Джуре, еле поспевая за ним.

Сзади шел Чжао, а впереди всех ехали на яке Джамбек и Кучак.

Идти было нелегко. Влажный глубокий

снег затруднял передвижение. Но Джамбек повел их по каменному ребру горы, торчавшей из-под снега.

Джура легко и спокойно поднялся на гору, а Чжао и Саид, задыхаясь в разреженном воздухе, остались далеко внизу.

Только к вечеру они достигли вершины. Прижавшись друг к другу, они переждали холодную ночь на горе. Едва только рассвело, Джура заметил вдали басмачей. Их было около тридцати человек.

Они почему-то разделились. Двое на кутасах поехали по тропинке, а остальные вели лошадей в поводу, прячась среди камней на склоне той горы, где спрятались Джура с друзьями.

Как только басмачи перешли границу и углубились на советскую территорию, послышались выстрелы, и группа вооруженных всадников начала окружать двух безоружных басмачей на двух кутасах.

Джура усмехнулся. Он понял, что эти двое нарочно ехали так явно, чтобы отвлечь внимание.

Басмачи быстро пробирались между огромными камнями. Сзади затихли выстрелы и топот лошадей.

Кого только не было в их банде! Тут были и белогвардейцы, и преступники, бежавшие из Туркестана. Весь этот сброд был одет в лохмотья. Они рассчитывали одеться, ограбив дехкан. Не даром у всех у них были новые английские винтовки и много патронов. Это были опасные авантюристы.

Басмачи во главе с Тагаем и Безносым свернули в ущелье, потом еще в одно и, наконец, сели верхом на лошадей. Им оставалось только проехать у кромки вечных снегов, над пропастью.

— Проскочили, — сказал Тагай, утирая пот.

У кромки вечных снегов они спешились и повели лошадей в поводу. Их вел Шараф, знавший все тропки. Каменный карниз, по которому они шли, освободился ото льда, над ним на склоне нависли огромные массы снега, готовые ежеминутно сорваться вниз.

Басмачи шли тихо.

Вдруг совсем неожиданно впереди, из-за камня, у которого оканчивался опасный путь, поднялся Джура.

— Стой! — крикнул он.

Басмачи схватились за оружие. Щелкнули затворы винтовок.

— Один только выстрел — и лавина раздавит вас,— крикнул Джура.

Басмачи замерли.

— Ты, Безносый, и ты, Тагай, и ты, предатель Шараф,— вы все подохнете! Это говорю я, Джура. Эй, бросайте оружие!

— Ложись,— закричал Тагай.

Басмачи упали ничком на тропинку.

Джура поднял карамультук и выстрелил в Шарафа; тот пошатнулся на месте и сорвался вниз.

Застонали горы, и массы снега, наполняя воздух гулом, ринулись вниз, унося мимо Джуры в ущелье лошадей. Все заволокло снежной пылью. Когда она рассеялась, Джура увидел, что на засыпанной тропинке снег зашевелился и басмачи подымаются из-под снега.

— Эх, винтовки нет! — крикнул Джура и, выхватив нож, бросился вперед, к басмачам.

— Джура! — не своим голосом, испуганно закричал Безносый и побежал назад.

— Куда ты, куда? — кричал Тагай, размахивая винтовкой. Он прицелился в Джуру и выстрелил. У винтовки разорвалось дуло.

Басмачи побежали назад.

Джура, Чжао, Саид и Кучак с трудом догоняли врагов в рыхлом снегу.

Впереди несся Тэке, он проваливался с головой в снег.

Когда Джура достиг середины снежного пути, басмачи уже выходили на камни.

Джура выхватил из снега брошенную басмачом винтовку за кончик дула и, вывинтив шомпол, начал ее прочищать.

— Скорее! — кричал Чжао. — Они убегут.

— Скорее! — кричал Кучак и теребил Джуру за халат.

— Разрывайте снег, — сказал Джура, — я чувствую у себя под ногами труп. Это, наверное, убитый басмач. Мы снимем с него патронташ.

— Эй! — донесся сверху крик, и Джура, подняв голову, увидел на горе Джамбека. Он показывал на убегавших по камням басмачей.

Джура не спешил. Он выбил шомполом снег из дула и, оторвав кусок ваты из халата, протер дуло. Потом он очистил от снега затвор. Тем временем Саид несколько раз нырнул в снег и достал патроны.

— Они не уйдут, — сказал сквозь зубы Джура.

Перед ним по склону горы бежали басмачи.

Джура прицелился и выстрелил. Один басмач покатился по камням.

— Чего стоите? Берите брошенные винтовки, прочищайте дула и стреляйте! — закричал Джура, злой, торжествующий, возбужденный стрельбой.

Услышав выстрелы, на подмогу Джуре поспешили партизаны, еще вначале поймав-

— Стой, не шевелись!

шие двух басмачей. Они видели, как падали басмачи.

— Джура, Джура! — шептал запекшимися губами Безносый и убегал впереди всех.

— Там красные, бежим вправо, за границу, — закричал Тагай, хватая его за плечо.

— Все равно там Джура найдет. Лучше к красным: они не убьют сразу.

— Стой, не шевелись! — раздался окрик, и из-за камней показались винтовки.

Тагай Безносый и еще двенадцать басмачей, оставшихся в живых, остановились и подняли руки вверх.

Сзади к ним подбежал Тэке.

Вдруг один из басмачей закричал и упал на спину, а Тэке уже прыгнул на второго. Партизаны отогнали его прикладами.

— Джура, Джура! — закричал в ужасе Тагай.

— Какой Джура? — спросил командир партизан Муса и, вдруг поняв, тоже закричал:

— Неужели Джура?!

Приказав партизанам отвести захваченных басмачей в крепость, он поскакал навстречу Джуре.

По пути он насчитал двадцать восемь трупов, часть их была догрызена собакой.

— А-а, Джура!

— А-а, Муса!

Соскочив с лошади, Муса обнял Джуру.

— Сам убил? — спросил Муса, махнув рукой на трупы, устилавшие склон.

— Сам, — ответил Джура. — Я друг советской власти.

— А это кто? — спросил Муса, показав на спутников Джуры.

— Это Чжао — мой друг, это Кучак — мой друг из кишлака Мин-архар, а это Саид.

— Саид, контрабандист?! — и, не дождавшись ответа, Муса сказал: — Отдай винтовку.

— Он мой дос, — сказал Джура.

— Ну и что же?

— Если ты, Муса, хочешь быть моим досом, — не тронь его.

— Пусть советская власть разберет, какой он человек, хоп?

— Хоп-майли, — ответил Джура.

И Саид, сверкнув глазами, отдал басмаческую винтовку.

— Я видел, что вы поймали Тагая и Безносого. Идем, я их сам зарежу, — сказал Джура.

— Не надо резать, их надо судить.

— Слушай, Муса! Они басмачи. Они мучили меня, мучили народ. Два года я ловил их. Понимаешь?

— Ты не должен самовольно их резать. Ведь я их поймал.

— А откуда ты узнал о басмачах?

— Джамбек сказал. Все трудящееся население за советскую власть. Обещай, что не будешь резать Тагая и Безносого.

Джура насупился и промолчал.

Глава двенадцатая

Все так же щелкал красный флаг на крыше крепости.

Джура ехал верхом, рядом с Мусой, впереди бежал Тэке, а сзади на конях, сидя позади бойцов, ехали Чжао, Саид и Кучак.

— Козубая нет. Козубай теперь комму-

нист стал, большой начальник. А здесь начальник я. Теперь у нас винтовок много, патронов много, пулемет есть. Все это нам дали русские большевики. Теперь кругом уже красные пограничники, а мы, партизаны, только помогаем,— рассказывал Муса и внимательно смотрел на Джуру.

Он с трудом узнавал в этом похудевшем, почерневшем и суровом мужчине гордого юношу, каким он впервые узнал Джуру.

— Я их все равно зарежу, — сквозь зубы сказал Джура.

— Чего ты такой скучный? Улыбнись,— сказал в десятый раз Муса Джуре, — домой едешь.

Чтобы доставить ему удовольствие, Джура, давно забывший, когда он смеялся, улыбнулся, но это была невеселая улыбка.

Муса нахмурился и закусил губу, потом он моргнул Джуре и сказал:

— Спорю, что через пять минут ты будешь весело улыбаться.

Джура отрицательно мотнул головой:

— Я бродил один, и моими спутниками были только дикие звери.

Партизаны проезжали через кишлак, направляясь к крепости.

— Стой, — сказал Муса, поровнявшись с кибиткой аксакала. — Слезай.

Джура слез, недоуменно смотря на Мусу.

— Сейчас будем женить Джуру! — радостно закричал Муса, и все бойцы весело засмеялись.

— Здесь, у аксакала, живет та, чей черный глаз разбойничает, вот почему никто не имеет цены в ее красивых глазах. Может быть, только ты, Джура? — спросил Муса.

Лицо Джуры выразило муку и страдание. Он рассердился и взялся за седло, чтоб сесть на лошадь.

Но дверь заскрипела, и из кибитки аксакала вышла девушка. С воплем «Джура!» она бросилась к нему и обняла его колени.

Это была Зейнеб.

Джура поднял ее на руки.

Кучак расчувствовался, всхлипнул и сказал:

— А я один, как луна,— и, услыхав, как выкрикивают пожелания счастливой жизни Джуре, сладкой, как мед, добавил: — Слова — не мед: рот не усладишь. Я не ел с утра. Кто хочет сделать доброе дело и стать моим другом? Помните: друзей и сотни мало, врагов и одного много.

Каждый дехканин принес пищи. Принесли кумыса, жирной баранины, вареного риса, лепешек и чая.

Возле кибитки аксакала, на траве, под открытым небом, разостлали достурханы, разложили на них пищу и сели вокруг.

Пили, ели и говорили. Говорил Кучак, а остальные слушали.

Кучак рассказывал о смерти Куко-тай-батыря, и все его внимательно слушали:

«Он был, как лука золотого седла, он был, как отец многих народов, он был отцом густого, как темная ночь, нагайского народа.

Куко-тай-батырь собирался оставить наш свет. Он сказал:

— Сын Сары Нагаев, густочупринный Яш-Айдар-Чора!

Садись на иноходца-коня и от начала до конца пройди густой и черный улус нагайский. Скажи уйсунскому Амату, скажи баям с отвислыми животами и толстобрюхим богачам, скажи рыжебородым и густоусым, скажи молодцам с раздвоенными бородами и малыми усами, скажи всем, всем, что Куко-таю стало плохо, что Куко-таю пришел конец.

Сердцем моим овладела болезнь, меня покинули силы, и я должен оставить жизнь и вас. Я прожил сто девяносто девять лет, и моя челюсть отвисла.

Я хочу выполнить первый долг — мои поминки; второй долг — сказать свое завещание.

С'ехался народ. Сказал Куко-тай:

— Народ, когда закроются глаза мои, обмойте меня кумысом, и, обвивши кожей, положите под голову белый саван и головой обратите на восток. Навьючьте красное сукно на красного нара, на черного нара — черный бархат и с караваном в сорок верблюдов приходите на мою могилу. Толпами придут девушки — кусками раздайте им сукно.

На перекрестке больших и малых дорог соорудите белый сарай, подобный белому месяцу, поставьте голубой купол, как голубое небо. Привесьте желоба, подобные дороге, оденьте завитками и карнизами.

Народ! Сослужите мне службу и будьте распорядительны.

Будьте здоровы и счастливы, народ!

Я собрал шатающихся и обратил их в общество.

Степного луня употребил на охоту и бродяг обратил в народ.

Когда меня не будет, дайте пешеходным беднякам лошадей для езды, голотелым беднякам снимите халат с плеч. И летом и зимой пусть течет рекой кумыс для этих бедных людей.

Когда меня не будет, не называйте букмурана — найденыша — пестрым щенком, не попрекайте ублюдком, дайте ему, сироте, хорошую лошадь, приличное платье и сытую пищу.

Близко сказать — через год, много сказать — через два он поднимется и будет человеком; возмужавши, будет он батырь и с батырскими детьми равен.

Тогда стелите шолковый ковер и поставьте его на мое место.

А когда нужно будет праздновать великую тризну, то отправьтесь к храброму Манасу.

К этому Манасу кочуйте и исполните мой завет. Там должны собраться кяфиры и мусульмане. Задайте среди них великий праздник и тем выполните мои заветы».

— Большой батырь был Манас, а Джура еще больше будет, — сказал Кучак.

— Джура опоздал родиться военачальником,—сказал Джамбек.—Большевики освободили киргизский народ от царя. Они помогли нам освободиться от баев.

— Есть еще у нас много врагов, будет ему еще дело, еще не всех басмачей перестреляли, — сказал Таг, прибежавший из крепости повидать своего друга Джуру.

— Он будет большим начальником, он батырь, мы его выберем в сельсовет,— сказал один из дехкан...

— Он поедет учиться и будет мудрым,— сказал, подходя, Муса, ездивший в крепость.

— Пей, ты, друг советской власти! — сказал Муса, подавая Джуре большую деревянную чашку с кумысом.

— Пей, друг советской власти! — закричали все присутствующие.

Джура обеими руками принял от Мусы чашу с кумысом и обвел глазами присутствующих. Партизаны, глядя на него, ласково посмеивались, а дехкане дружелюбно кивали головами.

Забыл Джура о полуголодной жизни в родном кишлаке, забыл, как его мучили басмачи, забыл о яме. Он смотрел перед собой и видел счастливый киргизский народ, и от этого ему самому стало радостно.

— За свободную, за счастливую жизнь пью, за вас пью, киргизы! — сказал Джура и выпил чашу до дна.

ПОЧТА

„Колдовство“ пастуха Мамонтовича

Письмо Яши Таратина

Северная область, Приморский район, Зимне-Золотицкий сельсовет, Верхне-Золотицкое почтовое отделение

Я написал стихотворение «Про Сидора когтастого». В стихотворении я пишу про медведей, которых в наших лесах много. Многие из наших ребят их видали.

Деревня наша окружена со всех сторон лесом, так как стоит она в 10 километрах от Белого моря, по реке Золотице. Скот у нас пасется в лесу. Но со скотом у нас медведи живут в дружбе. Взрослые рассказывают, что раньше от медведей и волков не было покоя. Медведи рвали коров, а волки — овец. Потом приехал пастух, и с тех пор медведи коров не трогают, а волки совсем исчезли. Рассказывают, что он совсем не пас скот, а только каждую весну клал в землю отпуск, то есть колдовал, и коровы ходили вместе с медведями, но медведи их не видели. Рассказывают, что он умел прятать коров, не выходя из деревни. Это он делал тогда, когда хотел вина. Хозяйка ищет корову, но нигде не может найти. Тогда она идет к пастуху и несет ему вина. Пастух говорит, где корова, а хозяйка шла и находила корову там, где указывал пастух, иногда даже на том же самом месте, где хозяйка раньше была, но ничего не видела.

Моя мама рассказывает, что у них тоже раз потерялась корова, но они не понесли вина пастуху, а пошли сами искать корову. Долго искали и, наконец, нашли ее мертвой. Она лежала на спине, кверху ногами, а рогами уперлась в дерево. Место, где лежала корова, было приметное, и они побежали в деревню звать мужиков, чтобы сняли шкуру. Когда пришли мужики, то коровы нигде не было. Как ни искали, но напрасно — не нашли корову. Пастух этот давно умер (звали его Лаврентием Мамонтовичем).

На вопрос, почему медведи не трогают коров теперь, после смерти пастуха, местные жители говорят: «Летом, когда скот ходил на пастбище, пастух внезапно умер и не успел вынуть отпуска. Поэтому отпуск стал бессрочным».

Я вообще в колдовство не верю. Но все это, что я здесь написал, рассказывают люди, про которых знаешь, что врать они не любят. И если спросить любого пожилого человека из нашей деревни, то он расскажет вам про пастуха Мамонтовича то, что здесь написано.

Совсем недавно, прошлым летом, произошел такой удивительный случай. У нас и у тети Марьи пропали коровы. Мама и тетя ходили искали их и нашли в лесу лишь на шестой день. Удивительно то, что они находили место ночлежки коров и неподалеку видели медвежьи следы и вырванные пни.

Все это непонятно и удивительно, и поэтому многие верят в «колдовство» пастуха Мамонтовича. Это всех интересует.

Всякое колдовство — обман

Ответ Яше Таратину

Ты правильно поступаешь, Яша, что не веришь в колдовство. Никакого колдовства, конечно, нет. Все истории, которые ты описал, об'ясняются довольно просто.

Медведи, как правило, питаются всевозможными ягодами, желудями, корешками и кореньями, грибами, кукурузой, овсом. От кормов животного происхождения медведи не отказываются, но это обычно — различные насекомые, яйца, мед и птенцы.

На крупную добычу медведи нападают редко. Вполне возможно, что коровы могли спокойно пастись вблизи медведя и медведь не делал никаких попыток на них напасть.

А самое важное — то, что медведи избегают встречи с человеком, которого они очень боятся. Вот почему при приближении коров медведи не только не нападают на коров, а, наоборот, удирают, чтобы не встретиться с человеком, который охраняет коров.

То, что коровы остались целы в лесу, где водятся медведи, можно об'яснить легко.

А остальные истории, наверно, были подстроены хитрым пастухом, которому было выгодно распространять слухи о своем «колдовстве». Ты ведь сам рассказываешь, что он требовал вина у тех, которые потеряли своих коров.

Некоторые медведи, однако, ведут себя иначе. Известны случаи, особенно в Сибири, когда медведь нападал на человека. Поэтому невооруженным и неопытным людям надо избегать тех мест, где водятся медведи.

Проф. Н. Я. Калмансон

„Про Сидора когтастого"

Стихотворение Яши Таратина

Полдневный зной. Над головою
Пылает солнце огневое
И с высоты небес бросает
На землю яркие лучи.
Над лесом отблески играют,
И жарит словно на печи.
Лесной извилистой тропой,
Ступая босыми ногами,
Держась за мать свою рукой,
Шагая спешными шагами,
Идет Егорка стороной.
Отец его — рыбак морской —
В избушке у моря живет,
А мать котомочку с едой
И с молоком ему несет.
А с ней и сын к отцу идет.
По той же узенькой тропе
На полчаса пораньше их
Шел Сидор. На земле
Заметны следы ног больших.
Они догнать его хотят:
Идти с ним будет веселей.
И вот поэтому спешат,
И впереди между ветвей
Мелькнуло. Мальчик говорит:
— Вот, мама, Сидор-то бежит.
Мать увидала, поняла.
— Кричи! — она ему велит
И сына за руку взяла.
Егорка сразу закричал:
— Си-и-дор, до-о-жида-а-айся!
Но «Сидор» им не отвечал
И с треском в чащу удалялся.
Тот «Сидор» был когтистый,
А попросту — медведь лесной.
Спугнул его Егорка голосистый,
И, ног не чуя под собой,
Медведь умчался в бор густой.
Прохожим путникам встречаясь,
Медведи летнею порой
По лесу бродят, отбиваясь
От комариной рати злой.
Когда случайно с ним столкнется
В лесу прохожий — то кричит.

Медведь же этого боится
И моментально убежит.
Но если раньше, чем кричать,
Прохожий дал себя заметить
И если нет ружья стрелять, —
Тогда ничем не испугать:
Медведь бока ему намнет
Иль всю одежду заплюет.
Однажды около леса мужичок
Косил траву и за сучок
Коса задела. Разогнулся,
Он взял брусок и ужаснулся:
Пред ним медведь стоит
На задних лапах и глядит,
Глаза уставя на него,
И не боится ничего.
Мужик кричит, чуть не ревет,
Колотит о косу бруском,
Но тот стоит, в него плюет
И все закидывает мхом.
Народ на пожнях услыхал,
К нему на помощь побежал.
Медведь их крики услыхал
И в лес немедля убежал.
Такие встречи не всегда
Кончаются безвредно,
А рассердившись иногда,
Медведь на путника мгновенно
Всей своей огромной тушей
Навалится и душит.
И так однажды под себя
Подмял он ненца одного
(Илейкой звали все его)
И стал душить его сопя.
Лежит и ухо приложил.
Илья дыханье затаил.
Медведь подумал: «Задушил»,—
И мхом старательно зарыл.
Еще послушал. Отошел,
Опять вернулся. Подошел,
Послушал. Убедился
И в лес довольный удалился.
Илья же мертвым притворился.
Медведь лишь только нос
Ему содрал. Приподнялся
Он потихоньку и пополз.
Теперь вы поняли, читатель,
Кого Егорка увидал.
Лесов дремучих обитатель
В то время по лесу гулял.
У нас в лесу медведей много.
Видал ли ты его живого?

Ящерица-живородка

Письмо и рисунки Юры Мееровича

Северная железная дорога, станция Лось, 7-й проезд имени Луначарского, дом № 6

Я хочу рассказать о ящерице-живородке, долгое время жившей у меня в террариуме.

Когда я ее достал, в моем террариуме были только лягушки и жабы. Небольшая юркая ящерица сразу оживила своим присутствием террариум: она очень быстро бегала, бесшумно скользила по траве и грелась на солнце. Когда я приближался к ней, она поворачивала свою голову и смотрела на меня, а когда я подходил совсем близко, она мгновенно скрывалась в траве или в расщелине камня. Скоро она нашла себе постоянное убежище под корой, куда скрывалась на ночь и во время непогоды.

Когда она немного освоилась, я пустил к ней несколько больших синих жужжащих мух. Ящерица сразу насторожилась, услышав жужжанье, и стала носиться по всему террариуму, хватая мух под самым носом у неповоротливых лягушек. Она прямо подпрыгивала, на лету ловя мух. Когда она с'ела всех мух, я сделал следующий опыт. У меня в террариумной сетке было просверлено отверстие. Через это отверстие я впускал мух. Я взял чайный стакан, посадил туда большую муху и, не давая мухе вылететь в террариум, приставил его к отверстию в сетке. Ящерица, увидев муху, быстро полезла по сетке, ища отверстие, через которое можно

было бы пробраться в стакан. Найдя его, она юркнула в стакан, схватила муху и убежала обратно в террариум.

Я кормил ящерицу не только мухами: давал ей различных жуков, земляных чер-

вей и кобылок (ящерицы очень любят кобылок).

Иногда, схватив слишком большого червя или жука, она не могла сразу справиться с ним и ожесточенно трясла головой. В такие минуты на нее часто нападал какой-нибудь бойкий травяной лягушонок. Он бросался на злополучного червя и вместе с ним заглатывал голову ящерицы. Та начинала сильно трясти головой, и лягушонок отлетал в противоположную сторону.

ПЬЮЩАЯ ЯЩЕРИЦА

Вместо водоема у меня в террариуме стояла большая консервная банка с водой. Я вкопал банку в землю, и в жаркие дни ящерица влезала в нее и быстро плавала, погружаясь в воду с головой и закрывая глаза. Потом наполовину вылезала из воды и, с еще закрытыми глазами, останавливалась. Она пила воду, оставшуюся на траве и листьях после опрыскивания террариума: слизывала своим язычком капельку за капелькой.

Зимой она потеряла свою живость. Я кормил ее в это время тараканами.

К сожалению, второе лето ей у меня не удалось прожить: в марте она от чего-то ослепла, и я ее выпустил. Я не мог держать ее больше у себя, так как должен был уехать.

В моем дневнике сохранилось много интересных записей, наблюдений и рисунков об этой ящерице.

Наши хлеба

Письмо Гени Батурина

Башкирская АССР, Илишевский район, Андреевская НСШ

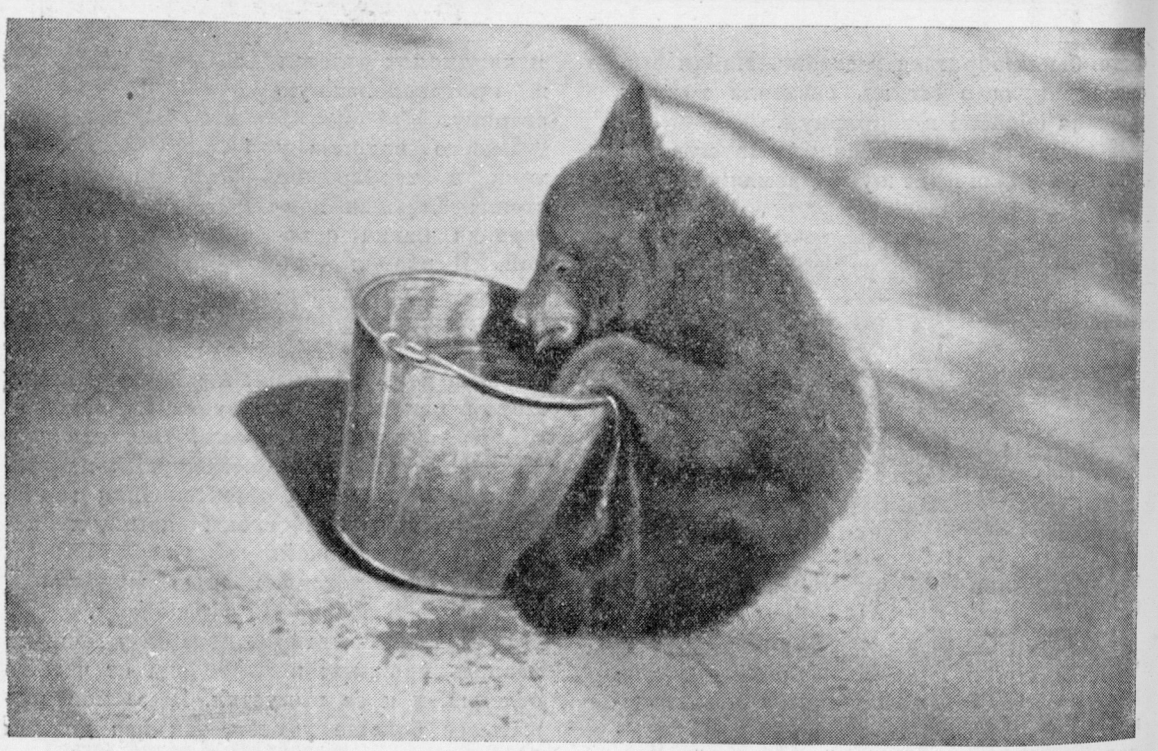
13 июля 1937

У нас, в колхозе имени Крупской, хлеба очень хорошие. В некоторых местах рожь достигает двух метров.

Сегодня папа куда-то ездил на велосипеде и привез стебель ржи длиной в 2 метра 15 сантиметров, а колос — 16 сантиметров. Конечно, папа выбрал самый лучший стебель, но все же средний размер нашей колхозной ржи около 2 метров. Очень хороши и яровые хлеба. Пшеница, овес, полба стоят густые, синие, но еще не колосятся; просо взошло тоже очень хорошее. Год обещает быть очень богатым, и колхозники радуются, глядя на хлеба. Это — сталинский урожай.

В Московском зоопарке

Снимки П. В. Воробьева



Бурый медвежонок „Мишка" известен всему Зоопарку своей жадностью

. . . и часто бывает за нее наказан.

Приключения капитана Врунгеля

А. *Некрасов*

Рис. К. Ротова

(Продолжение)

Из Бразилии наш путь лежал дальше, на запад. Но, знаете, через материк не пойдешь, и пришлось вновь отклониться к югу.

Ну, пошли. Шли на этот раз прекрасно. Обогнули мыс Горн, прошли мимо Новой Зеландии, без приключений прибыли в Сидней, в Австралию. И вот представьте: подходим к причальной стенке, я смотрю: толпа, а в толпе, в первом ряду, адмирал Кусаки.

Подошли, встали. Адмирал затерялся в толпе, а я сразу на берег: представиться властям, доложить о прибытии, а главное, узнать, какую еще пакость этот Кусаки готовит.

Прихожу к капитану порта, об'ясняю:

— Меня один японский адмирал преследует...

— Ну, мой дорогой, вам еще повезло,— говорит тот.— Я сам от этих японских адмиралов не знаю, куда деваться, и ничего не могу предпринять. Не велено ни мешать, ни содействовать. Чем другим рад служить. Сигару не хотите ли? А с адмиралом вы сами улаживайте.

Распрощались. Я вернулся на яхту, сел чайку попить.

Смотрю: поднимается на борт сам господин Кусаки. В худеньком пиджачишке, с корзиночкой в руках. Вежливо этак кланяется и просится на службу матросом. Пристал так, что и не отделаешься. И, знаете, пришлось пойти на хитрость.

— Нет,— говорю,— я бы взял человека, только негра.

— Ну, — говорит, — тогда простите.

И пошел.

Пошли и мы погулять. Идем, вдруг смотрим: сидит чистильщик-негр, а перед ним — на четвереньках наш японец. И этот негр его начищает черной ваксой. Да как! Мы сделали вид, будто нам ни к чему, прошли мимо, вернулись на судно.

Вдруг подают мне пакет от капитана порта. Оказывается, скучает старик и приглашает назавтра составить партию в гольф. Я, признаться, даже и не знал, что это за игра. Но, думаю, чорт с ним! Пусть проиграю, зато прогуляюсь, разомнусь на берегу... Словом, ответил, что согласен, и стал собираться.

Вызвал Лома, спрашиваю:

— Что нужно для гольфа?

Он подумал, потом говорит:

— По-моему, Христофор Бонифатьевич, нужны трикотажные гетры и больше ничего... Есть у меня рукава от старой тельняшки, возьмите, если хотите.

Я взял. Но для спокойствия все-таки приобрел руководство по гольфу, ознакомился... Вижу: игра-то самая пустяковая: мяч гонять от ямки к ямке. Кто меньше ударов сделает, тот и выиграл. Но одними гетрами тут не отделаешься. Нужны разные палки, клюшки, дубинки — чем бить, и еще грум нужен — таскать все это хозяйство...

Пошли мы с Ломом искать снаряжение. Весь Сидней насквозь прошли — ничего подходящего.

А уже ночь, луна светит. Я отчаялся. Где тут искать, разве сучьев наломать? И вот видим: сад с оградой, и за оградой различные деревья. Перелезли, идем меж кустов.

Вдруг смотрю: крадется негр-верзила и подмышкой тащит целый ворох палок для гольфа.

— Эй, любезный! — кричу я.— Не уступите ли мне свой спортинвентарь?

Но он либо не так понял либо от неожиданности—только гикнул страшным голосом, схватил дубинку, взмахнул над головой—и на нас... Я скажу, не стыдясь: струхнул. Но Лом выручил: сгреб его в охапку и зашвырнул на дерево. А я подобрал эти палки. Вижу: точь-вточь как в руководстве изображены. Неудобно, конечно, так, ни с того, ни с сего, грабить человека, но, во-первых, он сам напал, а во-вторых, мне только на денек, в аренду, так сказать.

А с грумом еще лучше уладилось. Утром, чем свет, слышу: кто-то зовет. Я выглянул, вижу: приятель, господин Кусаки, собственной персоной под видом чернокожего. Форменный дядя Том!

— Вам,— говорит,— масса капитан, негр-матрос нужен?

— Да,— говорю,— нужен, только не матрос, а грум для гольфа... Вот тебе клюшки, забирай да пойдем...

Пошли. Капитан порта меня уже ждал. Уселись мы с ним в машину, проехали с час.

— Ну как, — спрашивает мой партнер, — начнем? Уж вы, надеюсь, как джентльмен не обманете меня в счете?

Он уложил свой мячик в ямку, размахнулся, ударил. И я ударил. У него прямо пошло, а у меня — в сторону. Ну, и загнал я свой мяч к чорту на рога. Грум мой измучился. Да и понятно: палки тяжелые, жара, духота. С него пот градом, в три ручья, и, знаете, вакса растаяла, и он уж не на негра, а на зебру стал похож: вся физиономия желтая с черным, вполоску. Устал и я, признаться. Вижу: ручей течет...

— Давай-ка,— говорю,— дядя Том, вот здесь отдохнем, побеседуем, умоемся...

— Ой, нет, масса, умываться мне нельзя: табу...

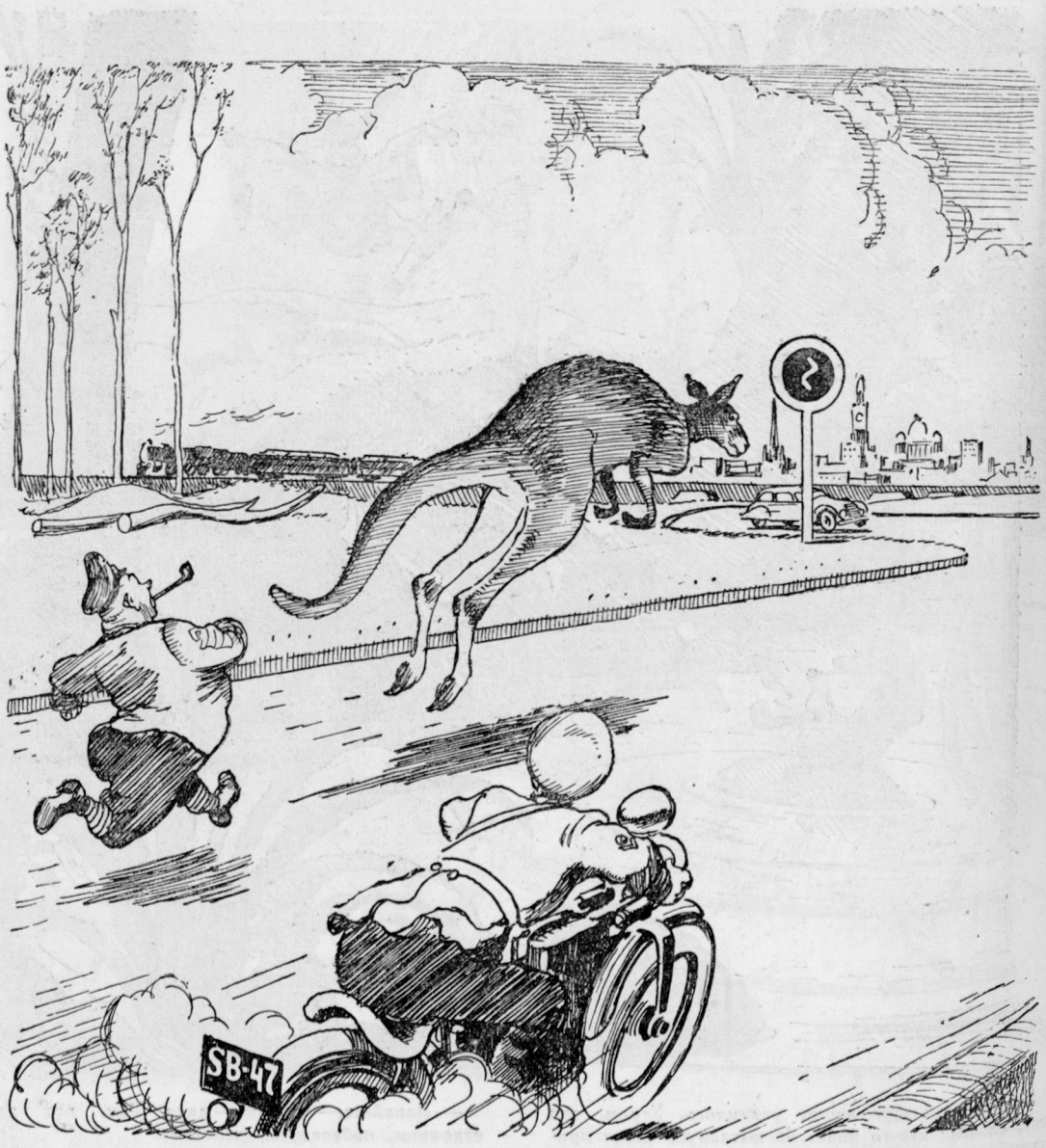
— Ну, раз табу, — говорю, — как хочешь. А то бы умылся. Смотри-ка: ты весь полинял...

Он промолчал, только глазами сверкнул и уселся, будто палки перекладывать. А я к ручью. Вода холодная, чистая — хрусталь. Освежаюсь, фыркаю как бегемот, потом обернулся, смотрю: он крадется, и самая тяжелая дубина в руке. Потом, знаете, размахнулся — и в меня этой дубиной. Я в воду... Выглянул: он стоит, зубы оскалил, глаза горят как у тигра, вот-вот бросится...

Вдруг что-то сверху хлоп его по прическе. Он так и сел.

Я подбегаю, ищу избавителя — нет никого, только дубинка эта лежит... Поднял ее, осмотрел.

И тут только понял: вместо клюшек для гольфа я вчера бумеранги у негра отнял. А бумеранг, знаете, какое оружие? Промахнулся — смотри в оба, а то вернется и как раз вот так и хлопнет по черепу...



Оттащил я его в тенек, укрыл листьями. А игру-то, как-никак, надо продолжать, а то партнер обидится. Ну, иду, гоню мяч... И сам уж не рад, что связался, но отступать — не в моем характере. Бью, считаю удары... Тяжеленько, знаете. С грумом — еще туда-сюда, а одному — просто зарез: и ударить надо посильнее, и мяч разыскать, и палки тащить...

Ноги ноют, руки не слушаются, не я мяч гоню, а он меня... Ну, и загнал. Смотрю: кругом болотце, осока, какая-то речка течет, кочки на берегу...

Так, думаю, сейчас до речки догоню, отдохну, искупаюсь... Размахнулся, ударил, мяч взвился свечкой, прямо в зенит. Вдруг все эти кочки повскакали и давай прыгать.

Это, оказывается, не кочки были, а стадо кенгуру. Видимо, испугались — и врассыпную, а одна кенгуриха передними лапками ухватилась за сумку и мимо меня — прыг, прыг! Я бросил клюшки и за ней. Интересно, знаете: кенгуру на воле! Другой такой случай не скоро представится.

И вот животное растерялось, сбилось с курса от страху. Ей бы в чащу, в кусты, а она прямой дорогой к Сиднею. Народ на нее смотрит, кричит, полицейский на мотоцикле гонится.

И тут, видимо, осознав положение, животное резко меняет направление, совершает этакое сальто наподобие мертвой петли, и в ту же секунду я получаю резкий толчок в спину. Падаю и смотрю: катится мой мяч. Он, должно быть, у меня в кармане лежал.

Ну потом встал, отдышался. Вижу: все в порядке: мяч тут, и ямка недалеко — ударов в пять можно загнать... На восемьдесят третьем ударе я закончил игру. Мой партнер говорит:

— Прекрасный результат. Вы подумайте: такой трудный участок и неужели всего 83 удара?

— Да,— отвечаю,— 83, ни больше, ни меньше.

— Удивительно!

— Да чего же,— говорю я,— удивляться, когда я полдороги мяч в кармане нес!

— А,—говорит он,—ну, тогда понятно. Только, знаете, нужно этот случай обсудить. Ведь, согласно руководству, в условиях игры ношение мяча в кармане не предусмотрено.

Ну, поговорили мы еще с капитаном порта о местных новостях, о достопримечательностях. Он меня в музей пригласил. Пошли.

Там, действительно, есть что посмотреть. Но только я задержу внимание на какой-нибудь витрине, он меня за рукав и дальше влечет.

— Идемте, я вам самое главное покажу: живой экспонат — вождь дикарей в полном вооружении...

Входим в зал. Там сделан этакий загончик и разгуливает здоровенный дикарь с удивительной прической... Увидел нас, издал воинственный возглас, взмахнул дубинкой над головой... Я даже попятился.

— Да,— говорю,— капитан, вас уж я не буду задерживать, а сам еще посмотрю, очень, знаете, интересно...

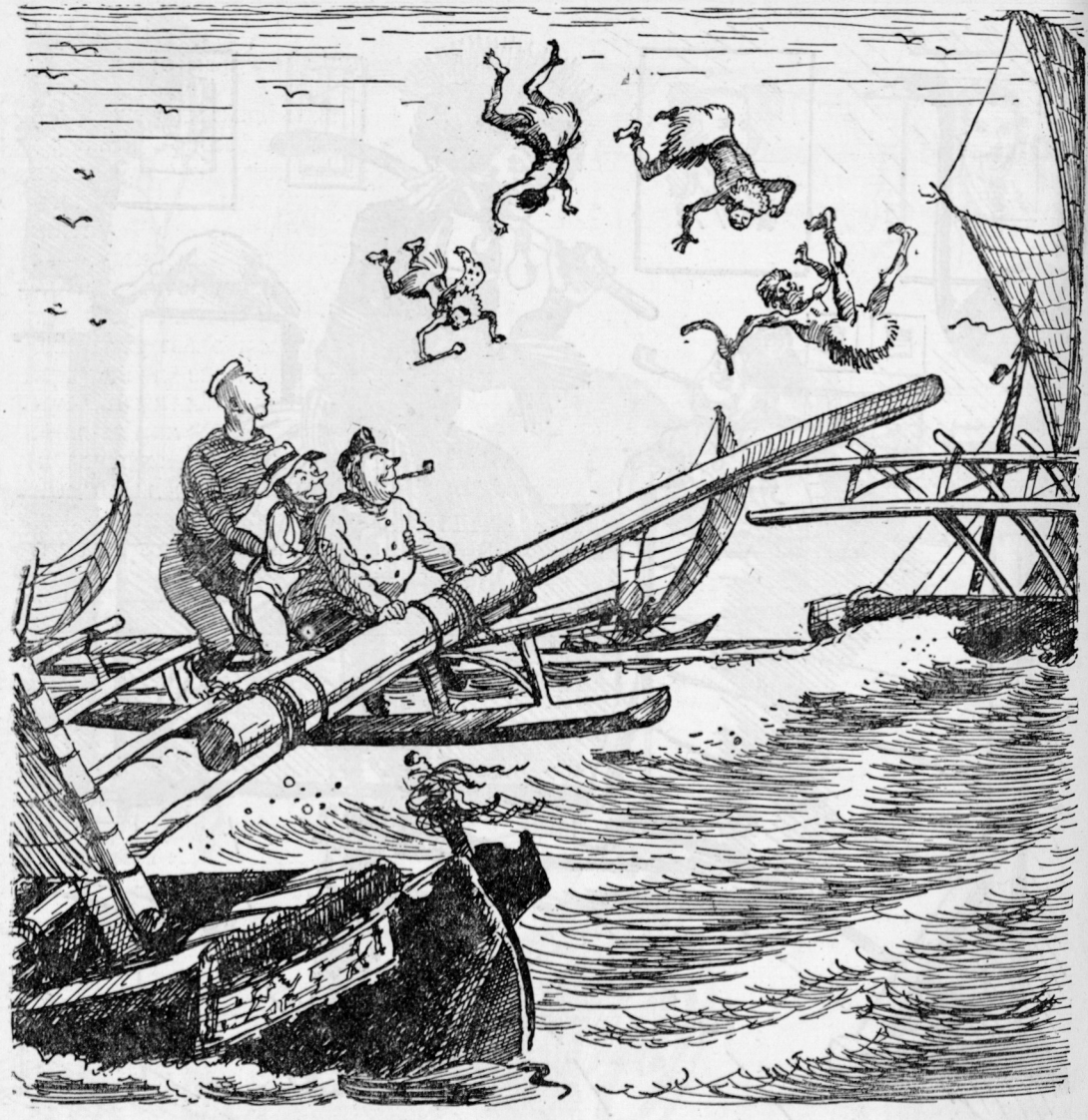
Ну и остались мы с дикарем наедине. Разговорились.

— А вы,— говорю,— признайтесь: настоящий негр?

— А как же? — отвечает тот.— Самый настоящий, сын вождя, учился в Оксфорде, в Англии. Получил звание доктора прав, вернулся... По специальности работы нет, ну и поступил сюда.

— Вот как? И хорошо зарабатываете?

— Да нет,— отвечает он,— не хватает. Ночью по совместительству сад стерегу. Там лучше платят и работа легче. Вот только вчера, знаете, какие-то дикари напали, отняли бумеранги, сегодня не знал, с чем и в музей идти. Хорошо, догадался: у меня со студенческих лет набор палок для гольфа остался, с ними и вышел. И ничего, публика не замечает...



Ну, распрощались. Тут можно бы и покинуть Австралию, но у меня остался долг чести, так сказать: вернуть оружие вождю папуасов и посмотреть, что с Кусаки...

Отправились в глубь страны. Обыскали все кругом, однако безрезультатно. Только с дороги сбились. И вот недельки через две оказались мы на берегу, в настоящей австралийской деревне.

Встретили нас папуасы. Ну, мы об'яснили, что ходим по стране и скупаем для коллекции палицы и бумеранги.

— А,— говорят,— вообще-то этого добра у нас не бывает, но сейчас случайно есть немного.

И вот тащат. Я как глянул, так сразу и узнал свои спортивные доспехи.

— Откуда это? — спрашиваю.

— А это,— говорят,— один посторонний негр принес. Он сейчас поступил в советники к нашему вождю.

Я понял, что Кусаки здесь окопался. Решил уходить.

— А нельзя ли,— спрашиваю,— у вас здесь пирогу зафрахтовать?

— Пожалуйста,—говорят они и предлагают посудину.

Ну и странная, доложу вам, посудина: если ветер сбоку, так надо не в лодке, а где-то за бортом, на отдельной скамеечке сидеть, иначе опрокинет...

Только отошли, смотрю: за нами в погоню целый флот, и впереди Кусаки в форме папуасского вождя. Я вижу: догонят.

Ну, я взвесил обстановку и решил так. Вступить в бой, проливать кровь, к чему это? Лучше я их искупаю, пусть освежатся. Ведь если сделать этакий штырь подлиннее...

Словом, в две минуты оборудовал свое судно для боя, развернулся — и полным ходом на них.

И, знаете, как метлой смел баласт с флагманской пироги, со второй, с третьей... Смотрю: кругом не море, а суп с фрикадельками... Плавают, смеются. Один Кусаки недоволен. Ну, да мне на него наплевать. Развернулся, просемафорил ему: «Счастливо оставаться!» — и пошел назад, в Сидней.

(Продолжение следует)

Опыты и игры с магнитом

С самым обыкновенным магнитом можно проделать много интересных опытов.

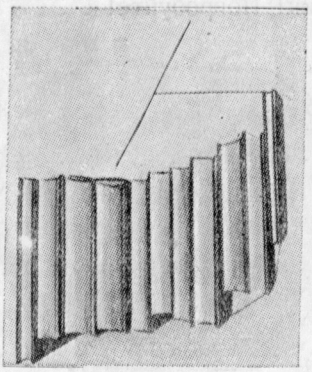
Опустите магнит в коробку с булавками, в ящичек с гвоздями или в железные опилки. У всякого магнита мы заметим, что железные предметы притянуты к концам бруска или подковы. Концы магнита — это полюса магнита. Чем ближе к середине магнита, тем меньше притягивательная сила магнита. Если же вы опустите магнит в опилки или булавки серединой,— вы заметите, что середина магнита не притянула ни крупинки железа. Это нейтральная линия.

Достанем теперь стекло, хотя бы старую фотопластинку. Поместим под нее магнит. А сверху насыпем железных опилок. Постукаем ногтем по стеклу и понаблюдаем, что делается с опилками: опилки расположились своеобразными линиями, которые важно самому видеть, зарисовать и проследить, в каких направлениях эти линии располагаются. Проделайте этот опыт. Вы получите «магнитный спектр». Рассмотрите, какая разница между спектром прямого магнита и подковообразного, зарисуйте, даже сфотографируйте спектр.

Стекло не мешает магниту.

Магнитный компас

Проведите магнитным бруском или подковой по вязальной спице; подвесьте спицу на нитке, подвязав ее ниткой за середину. Наблюдайте за спицей. Вы заметите, что, покачавшись, спица будет возвращаться в одно и то же положение. Одним концом она будет указывать на север, другим — на юг. Вы получите простейший компас.



Компас из спицы.

Понаблюдайте за спицей. Покачавшись, спица установится неподвижно. Отведите конец спицы в сторону. Попробуйте установить спицу в другом положении. Этого сделать не удастся: спица будет одним концом всегда показывать на север, другим — на юг. Вы сделали из вязальной спицы магнитную стрелку. Такая магнитная стрелка вставлена в любом компасе.

Концы стрелки называются полюсами. Конец, показывающий на север,— Северным полюсом, конец, показывающий на юг,— Южным полюсом. Одноименные концы — полюсы — отталкиваются, разноименные — притягиваются.

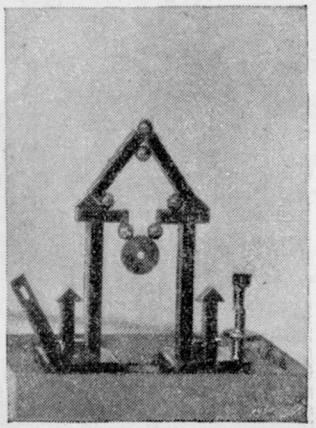
Такой же компас можно сделать и другими способами. Намагнитьте, например, перо или лезвие безопасной бритвы. Поставьте их на пробочку, а пробочку опустите в блюдце с водой. Вы заметите, что перо или лезвие будет устанавливаться в блюдце постоянно в одном и том же направлении.

Магнитные карусели

К той же вязальной игле прикрепите (подвесьте на концах) фигурки двух лошадок. Теперь, пользуясь магнитом, сделайте фокус — «магнитные карусели». Поднесите магнит к спице. Спица, а с ней и лошадки двинутся с места и повернутся к вашему магниту. Отведите магнит назад—за магнитом потянется и лошадка, прикрепленная к ближайшему концу спицы. Ведите магнит по кругу так, чтобы игла могла следовать за магнитом. Лошадки начнут крутиться. Если вы закрутите ниточку,— лошадки начнут раскручивать нить в обратную сторону, как только вы уберете магнит. Вы можете заставить лошадок следовать за магнитом и отталкиваться от магнита — крутиться в другую сторону. Лошадки будут слушаться вас.

Постройка из гвоздей и шариков

Поднесите магнит к гвоздю. Гвоздь подскочет и уляжется между полюсами.

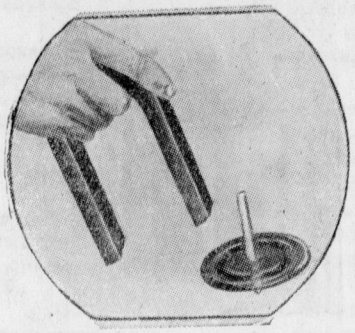


Магнитные ворота.

Снимите его с одного полюса и установите вертикально на другом полюсе. Теперь ваш магнит передал магнитные свойства и гвоздю: гвоздь начинает сам притягивать.

Теперь помещаем магнит в коробку. Ставим коробку на стол. Устанавливаем на коробке гвозди так, чтобы они стояли на полюсах магнита. Гвозди стоят твердо, и кажется, что их никто не держит.

На нижние гвозди наращиваем новые гвозди. Образуется арка. Можно сделать даже двухэтажный домик! Попробуйте!



Что произойдет, если к вертящемуся волчку поднести магнит?

Намагниченные ножницы

Намагнитим ножницы (как это делается, сказано выше). Бросайте на пол булавки, иголки. Мы без труда подымем их. Подымаем иголки и булавки, если прикоснемся еле-еле. А с ниткой иголку можно поднять? Попробуем! А вилку можно поднять? Попробуем! А теперь найдем ножницы при помощи магнитной стрелки.

Магнитный угадыватель

Спрячем ножницы под бумагу, под ткань. Поднесем к ножницам намагниченную вязальную спицу. Тотчас спица повернется к ножницам и укажет их местонахождение.

Прилипающая к коробке ручка

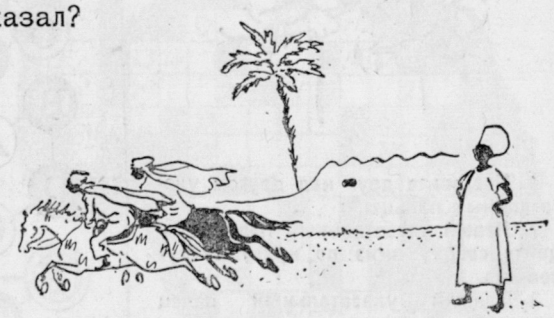
К той же коробке сверху приставьте железную полоску с ручкой наверху. Полоска сразу прилипнет. За ручку вы подымете и коробку.

И. Розанов

Загадки, задачи, игры и фокусы

Что он сказал?

Два мальчика-араба нашли арбуз и заспорили, кому его с'есть. Долго они спорили и никак не могли договориться. Наконец, к ним подошел негритенок и предложил решить спор состязанием в скачках—арбуз получит победитель. Только победителем будет считаться тот, чья лошадь последней прискачет к цели. Ребята согласились, но долго не могли от'ехать от арбуза. Тогда негритенок что-то шепнул арабчатам, и они погнали лошадей во весь опор. Что сказал им негритенок (условия состязания остались прежними)?



Юннаты в лесу

(Загадочная картинка)

Три юных натуралиста устроили экскурсию. Вечером они остановились на полянке, у речки, и каждый из них занялся любимым делом. В лесу вокруг ребят притаились три зверя. Но у ребят была собака, которая спряталась в кустах и оберегала их.

Найдите эту собаку и трех зверей и назовите их.

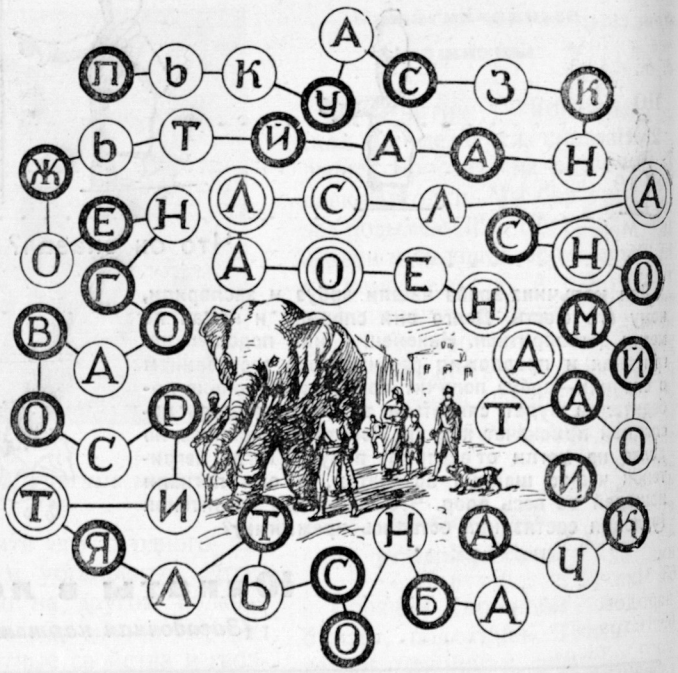
Попробуйте сделать

1. Поставьте друг над другом указательные пальцы.
2. Левый указательный палец вращайте сверху вниз по кругу от туловища.
3. Правый указательный палец вращайте снизу вверх к туловищу.
4. Теперь попробуйте вращать оба указательных пальца одновременно.

Негритянский телеграф

В Африке негритянские племена передают друг другу известия с помощью громадных барабанов. Кроме «языка барабанов» у негров есть и другое средство передачи вестей — это первобытный телеграф, на который сейчас взобралась обезьяна, а страж телеграфа пытается ее согнать. Как видите, у телеграфа шесть семафоров. Каждый семафор может принимать четыре положения. Скажите: сколько сигналов могут передать негры с помощью этих семафоров?

Загадочные кружки



Почему тут нарисован слон? Откуда он взялся? Ответить на эти вопросы очень просто: стоит лишь прочесть, что написано в кружках вокруг слона. А вот как прочесть — это уж вы должны догадаться сами.

Ответы на задачи, помещенные в № 6

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Мальчик узнал дорогу очень просто: он знал, откуда приехал на перекресток (из деревни Ивановки). Подняв столб, он начал поворачивать его, пока стрелка, указывающая на Ивановку, не стала празильно. После этого отыскать дорогу в город было уже легко.

12 человек и 12 хлебов

Мужчин было 5, женщин — 1 и детей — 6.

СКОЛЬКО ИХ?

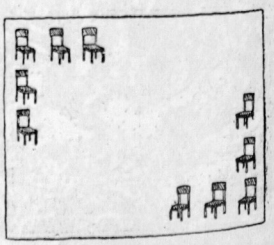
Всего их семеро: четыре сестры и три брата.

Груши, яблоки и сливы

5 груш, 5 яблок, 50 слив.

10 СТУЛЬЕВ.

Стулья надо расставить так:



ЗАДАЧА ЧИСЕЛ.

1. 1 + 12 + 89 = 102;
   15 + 24 + 63 = 102;
   17 + 30 + 55 = 102.
2. 1 + 63 + 89 = 153;
   12+15+17+24+30+55=153.

ГОЛОВОЛОМКА

В	О	Л	К
П	О	Л	К
П	О	Л	Д
П	О	З	Д
К	О	З	Д

ДВА СТОЛА И ОДИН СТУЛ

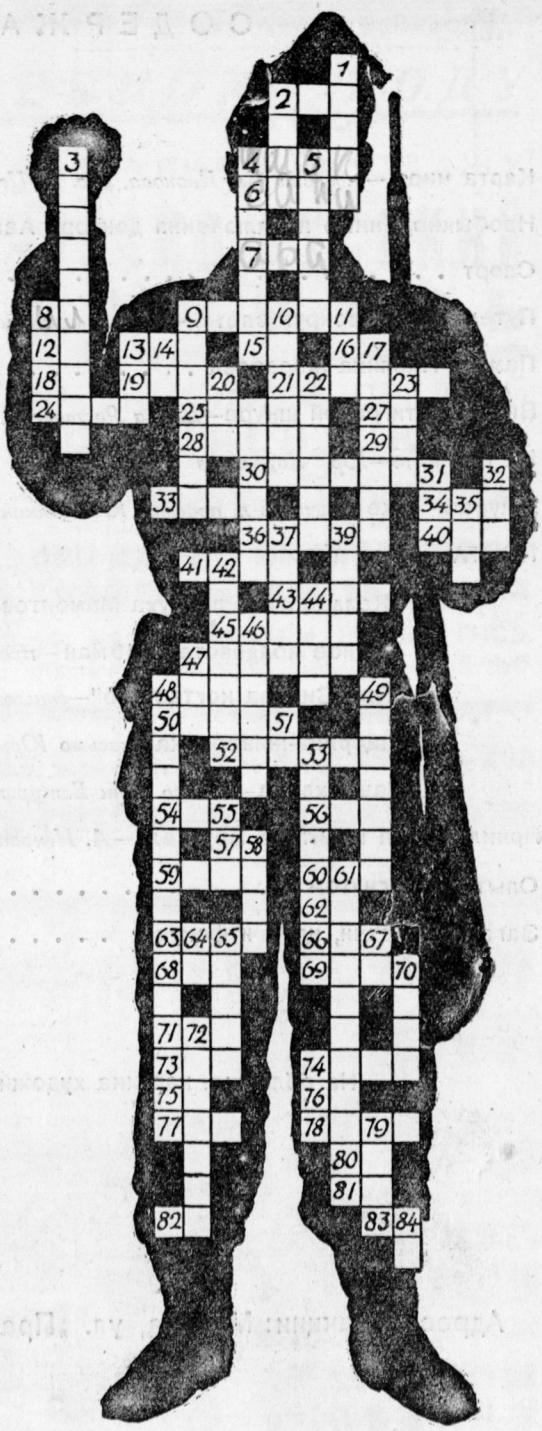
На один из столов нужно посадить три человека, на другой стол поставить стул, на него посадить одного человека и на стол двух человек.

РАЗРЕЖЬТЕ

1. Арбуз, яблоко, головку сыра.
2. Кружок колбасы. Сначала он режется одним разрезом на три куска. Потом куски кладутся друг под другом и снова одной линией режутся на шесть частей.
3. Коробку спичек.

Кроссворд

Прислали Мура Ошеров, Эммануил Бальчев и Вова Бобров (Москва, 3-я Мещанская, д. 5., кв. 1).



ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

2. Насекомое. 4. Осел. 6. Зимняя повозка. 7. Порода попугаев. 8. Осадок на дне водоемов. 9. Принадлежность пристани. 12. Нота. 13. Река в СССР. 15. Вьючное животное в Азии. 16. Место на корабле. 18. Мера площади. 19. Грозное явление природы. 21. Музыкальный термин. 24. Германский порт. 25. Город в Испании. 27. Французский богач, изобретатель бумажных денег. 28. Железнодорожная повозка. 29. Предлог. 30. Электровоз. 33. Участник Парижской коммуны, живший в СССР. 34. Гнет. 36. Река в Африке. 40. Портовое сооружение. 41. Сеть для вылавливания мин. 43. Название татарского государства. 45. Украшение стен и полов. 47. Один из символов царской власти. 48. Кушанье. 50. Забота, надзор. 52. Путешественник. 54. Порода удавов. 56. Мера площади. 57. Нота. 59. Пушное животное. 60. Женское имя. 62. Отличительная способность человека. 63. Чин. 66. Об'единение семей у первобытных народов. 68. Река на Дальнем Востоке. 69. Страна в Азии. 71. 2-е лицо единственного числа глагола «быть» по-церковнославянски. 73. Город на Аляске. 74. Элемент. 75. Осадок на дне водоемов. 76. Утверждение. 77. Пища. 78. Мельчайшая частица вещества. 80. Физик. 81. Египетский бог солнца. 82. Местоимение. 83. Французский ученый-бактериолог.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Жители Северной Испании. 2. Город на Днепре в Белоруссии. 3. Род войск. 4. Страна в Европе. 5. Столица Турции. 8. Страна в Азии. 9. Предохранение от мин. 10. Герой Советского союза. 11. Вход в трюм парохода. 13. Река в Азии. 14. Буква латинского алфавита. 17. Питательный продукт. 20. Остров в Индийском океане. 22. Порт в Китае. 23. Войсковое подразделение. 31. Город в Италии. 32. Копытное животное. 35. Счет времени. 37. Металл. 39. Мифическое чудовище. 42. Отскакивание пули под углом от предмета. 44. Французская автомобильная фирма. 46. Предсказатель. 47. Мыс. 48. Морская авария. 49. Провинция на севере Испании. 51. Мера площади. 53. Героическая женщина Испании. 55. Прежнее название автомобильного завода в Москве. 58. Конец подсчета. 61. Прибор для смягчения толчков. 64. Религиозное представление о страшном месте. 65. Рыба. 67. Утверждение. 70. Подмерзшая снежная корка. 72 Воины. 74. Иностранное женское имя. 79. Порода раков. 84. То, за что ценится кит.

ПЕРВЫМИ РЕШИЛИ ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЕННЫЕ в № 6.

1. Саликов Леня — совхоз «Гигант», Азово-Черноморский край. 2. Наташа Неструх и Юра Успенский — Одесса. 3. Жукова Маня — Москва. 4. Богданов Витя — Новосибирск. 5. В. Айзенштат — Харьков. 6. Магерамзаде Сурхай — Баку. 7. Шульман Соня—Днепропетровск. 8. Калафати Миша—Ленинград. 9. А. Орлов — г. Сумы. (УССР). 10 Д. Мозалевский — Каменец-Подольск. 11. В. Блих — г. Белая Церковь (УССР). 12. Ю. Аскеров — Баку. 13. Цацкис Леля — Теофиполь (УССР).

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Карта мира — *повесть Вл. Иванова, рис. В. Цельмера* 3

Необыкновенные приключения доктора Августа Хуста—*Л. Лагин, рис. А. Каневского* . . 52

Спорт 58

Путешествие вокруг света.—*Л. Успенский и Л. Зархи, рис. П. Кузьмичева* 60

Памяти Павлика Морозова 67

Витязь в тигровой шкуре—*Шота Руставели, перевел и обработал Н. Заболоцкий* 68

На Цейлоне—*Юр. Корольков* 81

Джура и Тэке—*часть 5-я, повесть Ю. Тушкана, рис. В. Цельмера* 85

ПОЧТА:

„Колдовство" пастуха Мамонтовича—*письмо Яши Таратина* 114

Всякое колдовство—обман—*проф. Н. Я. Калмансон* 115

„Про Сидора когтастого"—*стихотворение Яши Таратина* 115

Ящерица-живородка—*письмо Юры Меерович* 116

Наши хлеба—*письмо Гени Батурина* 117

Приключения капитана Врунгеля—*А. Некрасов, рис. К. Ротова* 119

Опыты с магнитом 123

Загадки, задачи, игры и фокусы 125

На обложке: картина художника И. Пастернака—„За уроками"

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды", 24, комната 882, тел. Д 3-30-73.

Ответ. редактор **Б. ИВАНТЕР**

Зам. редактора **В. Фраерман** Отв. секретарь **В. Поддубная** Худ. редактор **М. Аскинази**

Сдано в набор 14/VIII-37 г. Подписано к печати 16/IX 1937 г. Изд. № 822.

Уполномоченный Главлита № Б—25786. 82×110 1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе. 16 п. л.

Типография газеты „Правда" им. Сталина. Москва, ул. „Правды", 24. Зак. № 1599. Тираж 90000.

КОГИЗ
„ПАРТКНИГА"

К УЧЕБНОМУ ГОДУ

ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

ФРАНЦУЗСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ

ДЛЯ НЕПОЛНОЙ СРЕДНЕЙ и СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Составила В. В. ПОТОЦКАЯ

ОКОЛО 20 000 СЛОВ С ПРИЛОЖЕНИЕМ КРАТКОЙ ГРАММАТИКИ В ТАБЛИЦАХ

УТВЕРЖДЕНО НАРКОМПРОСОМ РСФСР ГИСЭ. 1937 (Серия школьных словарей). В перепл. 5 руб.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ КОГИЗА

ПРОДАВАЙТЕ ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СТАБИЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ

РОДИТЕЛИ и УЧАЩИЕСЯ!

ВСЕМИ КНИЖНЫМИ МАГАЗИНАМИ КОГИЗА **ПРОИЗВОДИТСЯ ПОКУПКА и ПРОДАЖА** ПОДЕРЖАННЫХ **СТАБИЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ**

•

УСЛОВИЯ ПОКУПКИ И ПРОДАЖИ БЫВШИХ В УПОТРЕБЛЕНИИ СТАБИЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ВЫВЕШЕНЫ ВО ВСЕХ КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ КОГИЗА.

ПРОДАВАЙТЕ ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СТАБИЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ

Цена 1 руб. 50 коп.

М6594

29
34